

Н.А. КО НУ РАШОВ

ИСТОРИЯ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
УЧЕНИЙ

*Допущено
Министерством, просвещения СССР в качестве учебного пособия
для, студентов педагогических институтов
по специальности № 2101 «Русский язык и литература»*

Рецензенты:

*Кафедра пис-когоч^ыкатlo'городского
государственногпедагогическогоинститута
Доктор филологических наук проф. В. Д. БОНДАЛЕТОВ*

Кондратов Н. А.

К.64 История лингвистических учений: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.». — М.: Просвещение, 1979. — 224 с, ил.

В книге последовательно рассказывается о всех этапах истории отечественного и мирового языкознания, раскрывается своеобразие всех лингвистических направлений, которые были характерны для прошлых лет и которые развиваются в настоящее время. Особое внимание автор уделяет русскому и советскому языкознанию.

60602 — 397
к Ш (03Г ^ П ~ 79 430902010о

КБК 81

1

ВВЕДЕНИЕ

Курс «История лингвистических учений» содержит изложение истории отечественного и мирового языкознания. В педагогических институтах эта дисциплина читается в виде специального курса или входит как составная часть в курс общего языкознания. Между историей языкознания и его теорией (общим языкознанием) существует теснейшая связь. Теория языкознания призвана дать общую, систематическую формулировку современных воззрений на сущность, строение, роль языка в общественной жизни человечества, на методы изучения языка и языков, основывающихся на марксистско-ленинской философской базе. История языкознания излагает процесс познания. История языкознания знакомит студента с основными направлениями и школами в области лингвистики, с деятельностью и взглядами выдающихся лингвистов, с характеристикой их основных принципов, методикой исследования и наиболее важными конкретными достижениями языковедов прошлого и современности.

Языкознание, как и любая наука, находится в состоянии постоянного развития. Поэтому чрезвычайно важно привить студенту представление о преемственности в науке о языке, о своеобразной логике ее развития, ее единстве и многоаспектности. Разносторонность подходов к изучению языка является следствием сложности языка и многообразия его связей с мышлением, с человеком, с обществом, с объективной действительностью. Любое лингвистическое направление прошлого следует истолковывать в контексте эпохи и оценивать прежде всего с точки зрения новизны своего времени. Языкознание в своем развитии постепенно расширяло наши знания о языке, совершенствовало методы его изучения. Теоретическое обобщение фактов многочисленных языков мира выдвигало научные предположения, которые впоследствии становились прочными теориями или отвергались как несостоятельные. В связи с этим представляется необходимой оценка различных направлений лингвистической науки в свете достижений современности, показ поступательного развития теоретических знаний.

Курс «История лингвистических учений» в свете сказанного призван расширить и углубить общелингвистическую подготовку будущих учителей-словесников, повысить их идейно-теоретический уровень и способствовать тем самым подготовке их к творческой учительской деятельности, к решению тех больших задач в области народного просвещения, которые возникают в ходе коммунистического строительства. Особенно важно показать борьбу материалистических направлений в языкознании с идеалистическими течениями (ибо специфика языка с его сложным соотношением идеального и материального часто используется для идеалистических спекуляций), четко обрисовать принципиальные достижения советского языкознания как в области теории, так и в практике.

Известно, что науки развиваются неравномерно. Достижения науки, требования практики, общественные запросы обычно сопутствуют друг другу. Языкознание длительное время развивалось в недрах философии и филологии. Это означает, что лингвистика обычно следовала за наиболее зрелой и развитой наукой своего времени. Лишь в начале XIX в. языкознание оторвалось от филологии, начало стремительно развиваться на путях сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков, питая своими идеями другие отрасли знания и обогащаясь опытом и методами других наук. В истории языкознания периоды дедуктивного расхождения языка, изучения общих законов его развития чередовались с этапами накопления эмпирических данных, изучения отдельных языков и языковых групп. В отдельные эпохи какой-либо язык принимался за образец и рассматривался в качестве эталона. Сказанное непосредственно связано с проблемой возникновения языкознания как самостоятельной науки.

Некоторые ученые полагают, что наука о языке возникла в начале XIX в., когда были сформулированы принципы и разработана конкретная методика сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков. Подобное мнение дает основание утверждать, что весь предшествующий период изучения языка является донаучным и не имеет существенной ценности. Однако эта точка зрения является неправильной: интерес к языку возник у человечества задолго до XIX в., по крайней мере в V в. до н. э. К истории языкознания следует отнести его развитие в древней Индии, в эпоху античности (в древней Греции и Риме), в средневековье и в эпоху Возрождения. Не случайно в последнее время повысился интерес к языковедческим работам древнеиндийских грамматиков, к трудам мыслителей древности, средневековья и философов XVI—XVII вв.

Древнеиндийская, классическая, арабская и европейская (до XIX в.) традиции в изучении языка имеют важное значение и отмечены постановкой и разработкой ряда важных языковедческих проблем. К последним, например, относятся: проблема природы и происхождения языка, установление частей речи и членов предложения, взаимоотношение слова и его значения, соотношение до-

гических и грамматических категорий в языке, вопрос о международном языке и др. Хотя установление генетического родства языков и развитие сравнительно-исторических исследований является исключительно важным завоеванием языкознания, едва ли оно должно считаться начальным этапом нашей науки. Именно поэтому упомянутые выше научные традиции в изучении языка также должны получить необходимое освещение.

Научно-техническая революция нашего времени характерна дифференциацией и интеграцией наук. Лингвистика также расчленяется в зависимости от аспектов изучения; возникают такие ее области, как психолингвистика, социолингвистика, этнолингвистика, математическая лингвистика и др. Вместе с тем не следует забывать глубоко правильного высказывания крупного советского языковеда Л. В. Щербы: «Есть только одна наука о языке — общее языкознание, и не может существовать отдельных независимых друг от друга лингвистических дисциплин».

Современное языкознание — итог многовекового исторического развития и совершенствования науки о языке. Языкознание зародилось в эпоху мифотворчества, длительное время развивалось в тесной связи с философией и филологией, с историей и психологией, устанавливало контакты с другими гуманитарными науками, одно лингвистическое направление со своими концепциями и методами сменялось другим, острая борьба различных концепций языка приводила зачастую к новому синтезу и появлению новых идей, языкознание создавало свои собственные методы изучения языка и приспособлявало к своим потребностям методы исследования других наук. В настоящее время языкознание занимает важное место в системе знаний о человеке и обществе.

Наука о языке развивалась неравномерно. Можно указать много факторов, вызывавших это: неодинаковый уровень цивилизации, накал социальной и культурной борьбы в том или ином обществе, различие практических нужд и потребностей общества, логика развития самой науки, место науки в системе знаний, меняющиеся в разные эпохи, господство тех или иных философских и научных принципов, фактор национальных традиций, вклад, влияние и научные интересы отдельных ученых и многое другое.

Работ, которые бы в систематическом и довольно полном виде излагали историю языкознания, на русском языке немного. Это книга В. Томсена «История языковедения до конца XIX века (Краткий обзор основных моментов)» (М., 1938), содержащая дополнение ее редактора Р. О. Шор. Своеобразной хрестоматией по истории лингвистических учений является книга В. А. Звегинцева «История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях», изд. 3-е, дополненное (М., ч. I, 1964, ч. II, 1965). Наряду с перепечаткой наиболее важных и принципиальных работ русских и зарубежных языковедов, в хрестоматии кратко охарактеризованы многие лингвистические направления и школы. Наконец, следует указать книги: Я. В. Лоя, «История лингвистических учений

(Материалы к курсу лекций)» (М., 1968); Ф. М. Березин, «История лингвистических учений» (М., 1975); Т. А. Амирова, Б. А. Ольховиков, Ю. В. Рождественский, «Очерки по истории лингвистики» (М., 1975).

Работы, имеющие частный характер и посвященные отдельным лингвистическим направлениям или лингвистам, будут указываться в дальнейшем в сносках и после отдельных глав. Известную помощь могут оказать и учебники по введению в языкознание, в частности лучший из них — А. А. Реформатский, «Введение в языкознание» (изд. 4-е, М., 1967), а также новый учебник по данному курсу, подготовленный В. И. Кодуховым (М., 1979).

Вполне понятно, что любое изложение истории языкознания (истории лингвистических учений) в учебных целях предполагает тщательный отбор материала, исходящий из задач и целей (в нашем случае) хорошей лингвистической подготовки учителя-словесника. Подобный подход был основным при анализе важнейших эпох и направлений в развитии лингвистических учений. Вместе с тем, автор вполне сознательно стремился привлекать лишь тот материал, с которым по различным лингвистическим курсам знакомы студенты факультетов русского языка и литературы педагогических институтов. Таким материалом прежде всего были факты русского языка в его современном состоянии и истории, показания других славянских языков, примеры из важнейших западноевропейских языков, включая сюда и сведения из латинского языка.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ В ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

§ 1. Условия возникновения языкознания. Древнюю Индию следует считать колыбелью языкознания, ибо именно в этой стране с ее древней и оригинальной культурой и философией впервые проявился интерес к изучению языка. Возникновение интереса к исследованию языка было вызвано чисто практическими причинами. Дело в том, что язык древнеиндийских религиозных гимнов (Вед, среди них особенно важна Ригведа), составленных на классическом языке древнеиндийской письменности — санскрите, стечением времени стал отличаться от разговорных языков этой страны, именуемых пракритами.

Предполагают, что наиболее важные священные гимны возникли за 1500 лет до н. э. Подобные расхождения письменного, в известной степени застывшего и консервативного, языка с разговорной речью — довольно обычное явление в истории языков (ср. хотя бы разрыв между старославянским письменным языком и русским языком в устной и письменной разновидности на Руси, резко обозначившийся к XVII в.). Санскрит уже в V в. до н. э. перестал употребляться в повседневной жизни как средство общения, оставаясь в дальнейшем орудием интеллектуальной и религиозной жизни. Именно стремление к сохранению точности воспроизведения священных гимнов и вызвало появление языкознания у древних индийцев. Санскрит как литературный язык с особыми нормами нуждался в специальном изучении. С этой целью начали составляться описательно-нормативные грамматики, которые не только содержали правила произношения, но и указывали, как следует употреблять санскритские формы.

Когда начались грамматические исследования индийцев, сказать трудно, однако уже в самих памятниках ведической литературы (ведангах) трактуются некоторые вопросы языкознания. Одна из веданг касается вопросов фонетики и орфографии, другая посвящена стихосложению, третья (Вьякарана) содержит материал грамматики, четвертая — лексики. Фонетика, грамматика и лексика, следовательно, подвергались тщательному изучению.

Грамматика называлась у индийцев «вьякарана», что означает «анализ, расчленение». За тысячу лет до новой эры появились первые словари, содержащие списки непонятных в Ведах слов. В V в. до н. э. индийский грамматист **Яска** составил комментарии к языку Вед.

§ 2. Грамматика Панини. Самым известным языковедом древней Индии был **Панини**, живший в IV в. до н. э. и ставший автором грамматики классического санскрита.

Грамматика Панини «Восьмикнижие» состоит из 4 тысяч кратких стихотворных правил (сутр), которые, очевидно, заучивались наизусть. В этом труде дан поразительно точный и тщательный анализ морфологии санскрита и детальное описание его звукового состава¹.

Суждения об уровне развития языкознания у древних индийцев опираются прежде всего на работу Панини. «Высота, которую достигло языкознание у индусов, совершенно исключительна, и до этой высоты наука о языке в Европе не могла подняться вплоть до XIX в., да и то научившись многому у индийцев»².

§ 3. Морфология. Анализ языка древние индийцы строили на выявлении сходств и различий в языковых явлениях. Особенно плодотворным этот метод расчленения и сопоставления оказался при делении слова на его значимые части. Не отрицая важности предложения, которое способно выражать мысли, индийцы специально не занимались синтаксисом, отмечая его особенности лишь при рассмотрении морфологических явлений. Морфологию они рассматривали в качестве учения о классификации слов (части речи), образовании слов и изменении слов. Индийцы различали четыре части речи: имя, глагол, предлог и частицы. Имя существенное определялось как слово, обозначающее предмет, глагол — как слово, обозначающее действие. Это позволило им избежать отождествления частей речи и членов предложения. Предлоги определяют значение имен и глаголов. Среди частиц выделялись соединительные, сравнительные и пустые, используемые как формальные элементы при стихосложении. Местоимения и наречия распределялись между именами и глаголами.

При анализе слова индийцы брали разные формы одного и того же слова и подвергали их сравнению. При сравнении сходных по форме и значению слов выделялись составные части слова: корень, суффиксы и окончания. Подобной анатомической обработке способствовал довольно ясный морфемный состав слова в санскрите. Знакомство с работами индийских грамматистов позволило позднее и европейцам выделять в словах корень, словообразовательные и словоизменительные морфемы.

¹ Джагдиш Прасад Д и м р и. Панини и его «Восьмикнижие». — «Народы Азии и Африки», 1973, Л» 6.

² Т о м с е н В. История языковедения до конца XIX века. М., 1938, с. 10,

Древнеиндийские грамматисты обратили внимание на внутреннюю флексию, ввели понятие нулевой морфемы, отметили роль, ударения и даже интонации в языке. Индийцы уже понимали, что* между словом и предметом находится значение, которое выражает нечто общее.

В своей аналитической тенденции индийцы иногда допускали и ошибки; в частности, это проявилось в стремлении свести все существующие слова к глагольным корням — основам. Эта особенность отразилась и в санскритских словарях, которые обычно содержат лишь корень или основу того или иного слова. Много внимания уделялось образованию сложных слов.

У имен индийцы различали 7 падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный (орудийный), отложительный (аблатив) и местный, хотя этих терминов еще не использовали, а называли падежи по порядку: первый, второй, третий и т. д.

§ 4. Фонетика. Необыкновенно высокого развития достигла у древних индийцев фонетика. Они были убеждены, что воспроизведение священных ведических гимнов только тогда выполняет свою религиозно-магическую функцию, когда осуществляется в фонетически безукоризненной форме. Это обстоятельство вызывало стремление к фонетической правильности и стало стимулом фонетических исследований. Индийские фонетисты, опираясь на физиологический принцип, дали не только тонкое описание артикуляции отдельных звуков, но и создали правильный принцип их классификации. Задолго до греков древнеиндийские фонетисты различали гласные и согласные звуки, смычные и фрикативные согласные, полугласные звуки, долготу и краткость звуков, слоги, слияние звуков (сандхи), уделяли большое внимание взаимовлиянию звуков при произношении в потоке речи. При описании звуков они различали место артикуляции и артикулирующий орган. При гласных отмечалась различная степень сближения органов речи. При согласных говорилось о смыкании последних. В качестве артикулирующих органов выделялись корень языка, его средняя часть и кончик языка.

Древнеиндийские фонетисты приблизились к понятию фонемы, обозначая термином «sphota» звук, функционирующий в качестве знака, и отличая его от звука речи, что соответствует современному различению понятий фонемы и звука.

Индийцы обратили внимание на чередование гласных, играющее большую роль в индоевропейских языках, ср. *vidya* 'значение' — *veda* 'я знаю' — *vidyas* 'ученый', где чередование *i—e—ai* возникло из праиндоевропейского чередования *i—ei—oi*. "

У Панини было множество продолжателей и истолкователей. В частности, уже в XIII в. н. э. индийский грамматист Вопадава составил новую санскритскую грамматику. Составлялись также

грамматики разговорных языков — праkritов. Но индийцы не поднялись до осознания исторического развития языка, хотя отрывочные упоминания о языковых изменениях в их трудах имеются. Брамины до сих пор употребляют санскрит.

§ 5. Значение древнеиндийской традиции. Лингвистические труды индийцев оказали большое влияние на соседние народы. С распространением буддизма грамматические идеи индийцев проникают в Китай. Еще до новой эры через Персию индийское языкознание стало известно в древней Греции. Далее их идеи (с XI в.) оказывают влияние на арабскую науку. На европейцев индийское языкознание стало оказывать влияние с конца XVIII в., когда англичане познакомились с санскритом. Первоначально проводилось сопоставление некоторых слоев лексики и элементов грамматического строя основных языков Европы с древним языком далекой Индии. В. Джонс, английский востоковед и юрист, впервые интуитивно сформулировал основные положения сравнительной грамматики индоевропейских языков. Санскрит, по его мнению, обладал изумительной морфологической прозрачностью. Этот язык обнаруживал близкое родство с древнегреческим и латинским языками. Все это неизбежно приводило к выводу о наличии общего для указанных языков источника — языка, который уже не сохранился. Знакомство с санскритом послужило главным стимулом к возникновению сравнительно-исторического языкознания.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Баранников А. П. Элементы сравнительно-исторического метода в индологической лингвистической традиции. — «Вопросы языкознания», 1952, № 2.

Барроу Т. Санскрит. М., 1976.

Димри Д. П. Панини и его «Восьмикнижие». — «Народы Азии и Африки», 1973, № 6.

Топоров В. Н. О некоторых аналогиях к проблемам и методам современного языкознания в трудах древнеиндийских грамматиков. — Сборник памяти Ю. Н. Рериха. М., 1961.

ГЛАВА 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ И РИМЕ

§ 6. Характер греческого языкознания. Если в древней Индии исследование языка носило эмпирический и практический характер, то в древней Греции проблемы языкознания заняли видное место в рассуждениях философов (до возникновения Александрийской школы). Этот народ, «универсальная одаренность и деятельность которого обеспечили ему в истории развития человечества место, на которое не может претендовать ни один другой народ»¹, выдвигал не религиозно-практические, а познавательно-философские, педагогические и ораторские задачи. Философский подход к языку наложил отпечаток как на существо обсуждаемых проблем, так и на их решение. Наибольший отзвук получила дискуссия об отношении между мыслью и словом, между вещами и их именами. Энгельс говорил, что в многообразных формах греческой философии уже имеются в зародыше почти все позднейшие типы мировоззрений. Вторая дискуссия возникла между сторонниками и противниками полного соответствия между логическими и грамматическими категориями (спор аналогистов саномалистами).

§ 7. Дискуссия о правильности имен. Древнегреческих мыслителей разделил на два враждующих лагеря спор «о природном или условном» характере слов.

В качестве лозунгов спорящие направления выдвигали, с одной стороны, термин «*physei*» (фюзей) 'по природе' (т. е. наименование определяется самой природой предмета), с другой — термин «*thesei*» (тезей) 'по положению' (т. е. наименования избираются по условному соглашению, по обычаю, по установлению самих людей, иначе говоря, сознательно, произвольно, без связи с природной сущностью предметов).

Этот спор обычно возводят к взглядам Гераклита и Демокрита. **Гераклиг Эфесский** (540—480 гг. до н. э.) считал, что каждое имя неразрывно связано с той вещью, названием которой оно служит, что в именах раскрывается сущность вещей, что имя отражает

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т. 20, с. 369.

Пит-жс

природу обозначаемой вещи, подобно теням предметов, отражению деревьев в реке, нашему собственному отражению в зеркале. Демокрит из Абдеры (460—370 гг. до н. э.), в противоположность Гераклиту, учил, что вещи обозначаются словами не подобно природе самих вещей, а согласно обычаю, по установлению людей. Об этом, по его мнению, свидетельствуют многие несоответствия между вещами и их названиями: 1) многие слова имеют по нескольку значений, т. е. обозначают разные вещи; 2) многие вещи имеют по нескольку названий, что было бы невозможно при «природном» характере языка; 3) с течением времени одно название вещи может заменяться другим; 4) многие понятия не имеют словесных обозначений. Таким образом, говорил Демокрит, слов в первом случае недостаточно, во втором — они излишни, в третьем — они неустойчивы и в четвертом — их не хватает. Столь несовершенными могут быть только произведения людей, а не создания природы.

Этот спор об отношениях между предметами и их названиями отражен в знаменитом диалоге Платона (428—348 гг. до н. э.) «Кратил». Сам этот диалог, содержащий конфронтацию обоих традиционных воззрений на природу названий, был шагом вперед в развитии взглядов на язык.

Кроме Сократа, выступающего в роли арбитра, в этом диалоге участвуют два собеседника — Гермоген и Кратил. Кратил утверждает, что «у всякого существующего есть правильное имя, врожденное от природы, и что не то есть имя, чем некоторые люди, условившись так называть, называют, произнося при этом частицу своей речи, но некое правильное имя врождено и эллинам и варварам, одно и то же у всех»¹. Он выступает, следовательно, за согласованную с самим предметом «правильность» имени по природе и не может допустить то, что сговорились признавать лишь некоторые люди.

Гермоген, напротив, заявляет: «Не могу поверить, что правильность имени состоит в чем-либо ином, чем в договоре и соглашении. Ведь мне кажется, какое имя кто чему установит, таково и будет правильное имя; ведь никакое имя никому не врождено от природы, но принадлежит на основании закона и обычая тех, которые этот обычай установили и так называют»².

Платон, в лице Сократа, занимает среднюю линию. Он не соглашается с тем, будто слово всегда отражает сущность предмета, хотя и приводит этимологию некоторых слов, связанную с харак-

* Античные теории языка и стиля. М.—Л., 1936, с. 36.

* Там же, с. 37.

терными признаками вещи. Отвергает он и мнение, будто связь между предметом и его названием случайна, ибо в таком случае невозможно было бы человеческое общение. По его мнению, вначале между звуками слова и обозначаемыми понятиями существовала какая-то внутренняя связь (символика звуков, оноματοпоэтический принцип). От этих первоначальных слов люди образовали такое множество слов, что теперь уже нельзя усмотреть внутреннюю связь между звуком и значением. Связь слова с предметом была закреплена общественной традицией.

Аристотель

Эта дискуссия не привела, следовательно, к определенному результату, но она имела большое значение для развития языкознания. Так, например, Платон на логической основе пытается классифицировать слова в языке. Он выделяет две категории — имя и глагол. Именами он называет слова, о которых что-либо утверждается (подлежащее); глаголы показывают, что утверждается об именах (сказуемое).

§ 8. Учение Аристотеля. Аристотель (384—322 гг. до н. э.) рассматривал грамматические вопросы в тесной связи с логикой. Его взгляды оказали огромное влияние на проблему выделения и классификации грамматических категорий.

Рассматривая человеческую речь, Аристотель в «Поэтике» писал: «Во всяком словесном изложении есть следующие части: элемент, слог, союз, имя, глагол, член, падеж, предложение»¹. Элементом признается «неделимый звук, но не всякий, а такой, из которого может возникнуть разумное слово». Под звуком здесь может пониматься и слог, и даже слово. Гласные и полугласные (согласные), по мнению Аристотеля, «различаются в зависимости от формы рта, от места их образования, густым и тонким придыханием, долготой и краткостью и, кроме того, острым, тяжелым и средним ударением». Слог — это не имеющий самостоятельного значения звук, состоящий из безгласного и гласного. Союз (к которому, очевидно, следует отнести также местоимения и артикли-члены) — «это не имеющий самостоятельного значения звук, который не препятствует, но и не содействует составлению из нескольких звуков одного, имеющего значение. Он ставится и в начале и в середине, если его нельзя поставить в начале предложения самостоятельно. Или — это не имеющий самостоятельного значения звук, который может составить один, имеющий самостоятельное значение, из нескольких звуков, имеющих самостоятельное

¹ Античные теории языка и стиля, с. 62.

значение». Некоторые исследователи видят в «элементах» Аристотеля — неделимых звуковых единицах, лишенных значения, но способных образовывать значимые части языка, — представление, соответствующее современной фонеме.

Основными частями речи, по Аристотелю, являются имя и глагол. Имя — «это составной, имеющий самостоятельное значение, без оттенка времени, звук, часть которого не имеет никакого самостоятельного значения сама по себе». Глагол — «составной, имеющий самостоятельное значение, с оттенком времени, звук, в котором отдельные части не имеют самостоятельного значения так же, как в именах. Например, «человек» или «белое» не обозначают времени, а «идет» или «пришел» имеют добавочное значение: одно — нынешнего времени, другое — прошедшего». Имена и глаголы, в классификации Аристотеля, могут иметь падежи, под которыми понимались все их косвенные формы и формы множественного числа, например: *человеку, люди, иду, идешь, иди* и т. д.

Таким образом, именем в собственном смысле слова будет лишь исходная форма — прямой или именительный падеж. Остальные падежи будут косвенными, т. е. отклонениями.

Имена делятся по родам на мужские, женские и лежащие между ними (средние). Предложение — «составной звук, имеющий самостоятельное значение, отдельные части которого также имеют самостоятельное значение». Последнее определение отличает предложение от всех других составных звуков. «Не всякое предложение состоит из глаголов и имен. Может быть предложение без глаголов, например определение человека. Однако какая-нибудь часть предложения всегда будет иметь самостоятельное значение». В предложении часто имя и глагол соединяются союзами или связками, передающими лишь грамматические значения.

Аристотелю принадлежит также чрезвычайно точная характеристика членораздельной речи: «Издавать звук голоса нельзя ни одной частью тела, кроме дыхательного горла. А говор есть расчленение голоса с помощью языка; голос и гортань издают гласные, язык и губы — безгласные, а из соединения одних и других состоит говор».

§ 9. Учение стоиков. Большой вклад в изучение языка после Аристотеля внесла философская школа стоиков. Ее главой был Хрисипп (280—206 гг. до н. э.). Стоики считали, что слова воспроизводят звуки, издаваемые предметами, и выражают те впечатления, которые предметы произвели в душе человека. Именно поэтому слова выражают подлинную внутреннюю сущность предметов с помощью природных звуков.

Стоики придерживались в философском споре о соотношении вещей и названий убеждения, что слова «изначально истинны», соответствуют истинной сущности обозначаемых ими вещей, и что, исследуя слова, подвергая их анализу, можно проникнуть в самую сущность вещей, иными словами, вскрыть истинную природу слов —

их этимон (по-гречески—'истина'). Подобный подход к слову привел к созданию особой отрасли языкознания — этимологии, т. е. науки об «истинном значении слов».

Поисками «истинных» значений слов вслед за стоиками много занимались древнеримские и средневековые грамматисты и философы (**Варрон**, **Сенека**, **Августин** и др.)— Однако их произвольные толкования не имеют ничего общего с современной этимологией. У них не было ни тех критериев, которыми располагают современные этимологические исследования, ни материалов для сравнения из родственных языков и принципов закономерности фонетических и семантических изменений. В результате деятельности стоиков и их последователей этимология получила дурную репутацию в Европе (ср. слова Вольтера о том, что этимология — это наука, в которой гласные ничего не стоят, а согласные стоят немногим больше). Только развитие сравнительно-исторического языкознания и возникновение научной этимологии восстановили авторитет этой отрасли языкознания.

Стоики продвинули вперед познание грамматических категорий и, вслед за Аристотелем, дали наименование многим грамматическим явлениям, которые в старославянской калькированной форме употребляются и в нашей грамматической терминологии. В частности, стоики перенесли логический термин «часть речи» в языкознание. Они насчитали в древнегреческом языке 24 звука (буквы), подразделяя их на гласные и согласные. У каждой буквы они различали звучание, изображение и название. Стоики уже различали пять частей речи: глагол, союз-связку, член (артиклъ и местоимение) и как самостоятельные части речи имя собственное и имя нарицательное (нарицание). Стоики окончательно разрешили вопрос о падеже. Понятие падежа начинает относиться только к именам. Они и прямую, естественную форму имени (без отклонения) стали называть именительным падежом. Они стали различать прямой и непрямые падежи, которым дали названия: родительный падеж (форма, означающая род, вид), дательный падеж (падеж давания), винительный падеж (падеж, обозначающий то, что подверглось действию; его лучше было бы перевести как «причинный»), звательный падеж.

§ 10. Александрийские грамматисты. Величайшего расцвета греческое языкознание достигло в эллинистическую (греко-восточную) эпоху (334—31 гг. до н. э.) в поселениях греческих колонистов в Александрии (Египет), Пергаме (на побережье Малой Азии) и на о. Родос. Этот период называют грамматическим периодом греческого языкознания. Грамматисты этой эпохи, находившиеся вдали от Греции и не заставшие славное время ее культурного расцвета, стремились оградить старую греческую литературу и ее язык от посторонних влияний.

Разбор языка древних памятников, анализ реалий и критика текста способствовали развитию филологической науки, в недрах

которой стала позднее вычлняться уже и собственно грамматика. Александрийские ученые стремились поддерживать нормы общегреческого литературного языка, так называемого койнэ, установили полный текст поэм Гомера, трудились над лексическими и грамматическими комментариями к произведениям Эсхила, Софокла и др. Важную роль играла Александрийская библиотека, насчитывавшая в лучшие времена около 800 тысяч рукописных свитков. История александрийской образованности охватывает целое тысячелетие — до разгрома Александрии арабами в 642 г. н. э.

Александрийские грамматисты не чуждались и философских вопросов. В противовес стоикам, которые утверждали, что в языке часто встречаются отклонения от закономерности — аномалии, они признавали в языке строгую законосообразность и видели в нем гармоническую систему, в которой имеются и аномалии — исключения. Причину строгой системности языка александрийцы усматривали в господстве аналогии, в стремлении к единообразию и закономерности. Этот отвлеченный спор между аномалистами и аналогистами в итоге привел к практическим последствиям, так как обнаруженные в процессе этого спора языковые факты выступили в качестве материалов для построения систематической грамматики, в правилах которой наряду с регулярными грамматическими явлениями нашли место и аномалии — исключения из правил.

Убеждение александрийских ученых в том, что язык весьма сложное явление, обладающее регулярным и системным характером, явилось базой для создания систематической грамматики. Главным представителем этого направления был **Аристарх** (215—143 гг. до н. э.). На протяжении многих лет он был хранителем Александрийской библиотеки и вместе со своими учениками составил выверенный полный текст Гомера. Грамматические взгляды Аристарха и его последователей известны нам, к сожалению, только в отрывках и пересказах более поздних авторов, в частности римского языковеда М. Варрона. Ученик Аристарха **Дионисий Фракийский** (170—90 гг. до н. э.), используя опыт своих предшественников, около 100 г. до н. э. написал первую систематическую греческую грамматику для римлян «Искусство грамматики» («*Tekhne grammatike*», «*Ars grammatica*»). Его взгляды развил и обобщил наиболее известный из греческих грамматистов **Аполлоний Дискол** (II в. до н. э.), написавший сочинение о синтаксисе греческого языка — «О синтаксисе» («*Peri syntakseos*»). В этом сочинении находим уже ту грамматическую систему, которую унаследовали мы через латинские и старославянские грамматики.

Александрийские ученые большое внимание обращают на звуковую сторону языка. Однако описание звуков у них опирается преимущественно на акустическое впечатление. отождествляя звуки и буквы, они подразделяли их на гласные и согласные. Буквы «называются гласными, так как они сами по себе образуют полный звук». Гласные могут быть долгими, краткими и «двухвреме́н'

ными», т. е. способными быть то краткими, то долгими. Согласно «сами по себе не имеют звука, но в сочетании с гласными образуют полный звук». Дионисий Фракийский отмечает также двугласные (дифтонги), двойные согласные и плавные¹.

Слово определяется им как «наименьшая часть связной речи», а предложение (или речь) как «соединение слов, выражающее законченную мысль». Аристарх установил восемь частей речи: «Частей речи восемь: имя, глагол, причастие, член (артикл), местоимение, предлог, наречие, союз»; у древних римлян, в языке которых не было артикля, добавлялось еще междометие.

При определении частей речи теперь учитывается не только их синтаксическая роль, но и морфологические критерии, в частности словоизменение, а также их семантика. Так, имя Дионисием Фракийским определяется следующим образом: «Имя есть склоняемая часть речи, обозначающая тело или вещь (тело — например, камень; вещь — например, воспитание) и высказываемая как общее и как частное: общее — например, человек; частное — например, Сократ». Имена изменяются по падежам и числам. Под эту категорию, естественно, подводятся и прилагательные.

«Глагол есть беспадёжная часть речи, принимающая времена, лица и числа и представляющая действие или страдание». Дионисий называет восемь категорий глагола: наклонения, залого, виды, образы (фигуры), числа, лица, времена, спряжения. Наклонений он выделяет пять — изъявительное, повелительное, желательное, подчинительное и неопределенное. Залогов три — действия, страдания, середина (средний залог). Видов четыре — законченный, замыслительный, участительный, начинательный. Чисел три — единственное, двойственное и множественное. Лиц три — первое, второе, третье: первое — от кого речь, второе — к кому речь, третье — о ком речь. Времен три — настоящее, прошедшее, будущее, из них прошедшее имеет четыре разновидности: длительное, предлежащее, преждезавершенное и неограниченное.

«Причастие есть слово, причастное к особенностям и глаголов и имен». Признаки причастий те же самые, что у имени и глагола, кроме лиц и наклонений.

Таким образом, мы видим, что Дионисий на первый план выдвинул при определении частей речи флективный критерий, подразделяя их на изменяемые и неизменяемые, причем первые на склоняемые и спрягаемые. Другие части речи выделяются с помощью или синтаксического (роль в предложении), или семантического критерия.

«Член есть склоняемая часть речи, стоящая впереди и позади склоняемых имен». Признаков у него три: роды, числа, падежи.

«Местоимение есть слово, употребляемое вместо имени, показывающее определенные лица».

¹ Античные теории языка и стиля, с. 106—107.

«Предлог есть часть речи, стоящая перед всеми частями речи и в составе слова, и в составе предложения», т. е. используемая и при словообразовании, и в синтаксисе.

«Наречие есть несклоняемая часть речи, высказываемая о глаголе или прибавляемая к глаголу».

«Союз есть слово, связывающее мысль в известном порядке и обнаруживающее пробелы в выражении мысли». Из союзов одни — соединительные, другие — разединительные, третьи — причинные и т. п. Междометие определялось римским грамматистом Донатом как «часть речи, помещаемая между другими частями речи для выражения душевных аффектов».

Грамматическая наука александрийцев «была перенесена к римлянам, грамматикой которых жило в значительной степени языкознание всего позднейшего времени, вплоть до XIX в.»¹.

£ // . Языкознание в древнем Риме. Вклад римских языковедов в науку невелик. В основном они занимались приложением принципов александрийской грамматической системы к латинскому языку. Греческая грамматика попала в Рим во II в. до н. э., когда в 167 г. в Рим прибыл с посольством глава Пергамской школы языковедов Кратес из Маллоса. Римские ученые уделяли большое внимание стилистике, они, как отмечалось, ввели в состав частей речи междометие; Юлий Цезарь добавил отсутствующий в греческом падеж и назвал его аблативом (отложительный падеж); на римской почве продолжен был спор между аналогистами и аномалистами. Почти все грамматические термины греков были переведены на латинский язык и именно в своей латинской форме сохраняются до настоящего времени.

Из римских грамматистов наиболее известен Марк Теренций Варрон (116—27 гг. до н. э.), автор сочинения «О латинской грамматике» в 25 книгах, из которых до нас дошло 6. Именно он воспроизвел перипетии спора аномалистов с аналогистами. Он полагал, что словоизменение следует аналогии, а словообразование — аномалии. Марк Фабий Квинтилиан (I в. н. э.) написал «Учебник красноречия» («*Institutio oratoria*»), где трактуются и грамматические вопросы. В IV в. н. э. в Риме появились грамматики Элия Доната — обширная «*Ars grammatica*» и сокращенная «*Ars minor*». В начале VI в. н. э. в Константинополе римский грамматист Присциан составил самую обширную грамматику латинского языка — «Грамматическое учение» («*Institutiones grammaticae*»). Грамматики Доната и Присциана стали образцом изложения грамматического строя латинского языка на целых тысячу лет, на весь период средневековья.

£ 12. Значение античного языкознания. Античный мир явился колыбелью европейской цивилизации. Языкознание греков и римлян имело большое значение для позднейшего времени. «Вообще

¹ Томсен В, История языковедения до конца XIX века, с. III,

надо указать, Что грамматическая система Европы, вплоть до XIX в., основывалась на грамматическом учении греков, в его измененном на римской почве виде; одним из доказательств этого является грамматическая терминология, которая большей частью осталась такой же, как во времена древности; и даже термины, возникшие в более поздние эпохи, являются главным образом только более или менее удачной передачей старого названия и основываются лишь в редких случаях на более новом и лучшем понимании языковой категории»¹.

Чтобы убедиться в сказанном, достаточно привести греко-латинские и русские названия частей речи: *ónoma*, *nomen* — имя; *ónoma prosegorikón*, *nomen appellativum* — имя нарицательное; *ónoma kórión*, *nomen proprium* — имя собственное; *řema*, *verbum* — глагол (в древнерусском языке — речь); *antónomia*, *pronomen* — местоимение; *nomen adjectivum* — имя прилагательное; *epirrřema*, *adverbium* — наречие (буквально: наглаголие); *ártron*, *articulum* — артикль; *pródesis*, *praepositio* — предлог; *sýndesmos*, *conjunctio* — союз; *interjectio* — междометие.

Названия звуков: *šoneēnta*, *vocales* — гласные; *sýmřona*, *consonantes* — согласные.

Александрийцы сделали грамматику самостоятельной дисциплиной, они накопили грамматический материал и установили основные категории имени и глагола. Греки заложили основы фонетики, морфологии, синтаксиса, этимологии; они определили слово и предложение, установили части речи и т. п. В грамматических работах греков и римлян были и крупные недостатки. Зависимость их учения от философии часто приводила к смещению логических и грамматических категорий. Они не занимались изучением других языков, кроме греческого и латинского, считая все прочие языки варварскими. Причем и попытки сопоставления греческого и латинского языков остались в зародыше. В античную эпоху отсутствовал исторический подход к языку, не было понимания того, что звуки и формы языка подвергаются изменению во времени.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Античные теории языка и стиля. Под ред. О. М. Фрейденберг. М.—Л., 1936.

Аристотель. Метафизика. М.—Л., 1934.

Добиащ А. Синтаксис Аполлония Дискола. Киев, 1882.

Радциг С. И. Введение в классическую филологию. М., 1965.

Сергиевский М. В. Современные грамматические теории в Западной Европе и античная грамматика. — «Ученые записки МГПИИЯ», т. 2, 1940.

Тройский И. М. Учение о частях речи у Аристотеля.—«Ученые записки ЛГУ», № 63, вып. 7, 1941.

Тройский И. М. Вопросы языкового развития в античном обществе, М., 1973.

¹ Томсен В. История языковедения до конца XIX века, с. 25.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ СРЕДНИХ ВЕКОВ И ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

§ 13. Языкознание в средневековой Европе. Под средними веками условно понимают целое тысячелетие в истории человечества, от 476 г., когда варвары разграбили и сожгли Рим, до 1492 г. — времени открытия Колумбом Америки. Эта эпоха характеризуется умственным застоєм во всех областях, в том числе и в языкознании. Распространение христианства привело к распространению письменности у многих до тех пор бесписьменных народов, так как религиозная пропаганда и отправление культа могли осуществляться обычно на собственных языках этих народов. Так получили письменность с переводами библии или ее частей языки коптский (поздняя ступень египетского), готский (перевод евангелия епископом Вульфиллой в IV в.), армянский (с V в.), ирландский (с VII в.), древнеанглийский и древневерхнегерманский (с VIII в.), старославянский (около 863 г.) и т. п. Однако эта деятельность на языкознание того времени не оказала никакого влияния.

Единственным языком, который изучался в средние века, был латинский. Латынь как язык науки и католической церкви оказывала воздействие на все народы Западной Европы. Это господствующее положение латыни, когда латинская грамматика и грамматика вообще стали синонимами, сказалось на общем характере языкознания. Правила латинского языка переносились на все другие языки, особенно же других языков игнорировались. Поскольку латынь была языком мертвым и использовалась в письменном общении, постольку звуковая сторона языка не изучалась: рассматривались буквы, а не звуки.

Латынь в схоластическом образовании считалась вратами учености, ибо только практическое овладение этим языком открывало доступ к духовному и светскому образованию. Латинский язык стал рассматриваться как школа логического мышления. Это привело к тому, что правильность грамматических явлений стала устанавливаться логическими критериями. Это убеждение нашло опору в философии рационализма и привело позднее к возникновению универсальной, или философской, грамматики, которая полага-

ла, Что смысловая сторона различных языков одинакова, а их различие заключено только во внешней, звуковой оболочке.

В качестве пособий при обучении латинскому языку использовались грамматики Доната и Присциана, а также их многочисленные переделки. Грамматика определялась как «искусство правильно говорить и писать» и имела нормативный, предписывающий характер. В средние века имена стали делить на имена существительные и имена прилагательные. Ученые монахи составляли словари (гlossarii) некоторых языков.

В позднее средневековье (XI—XII вв.) разгорелся известный философско-лингвистический спор между реализмом и номинализмом, волновавший церковь и подготовивший реформацию. Спор касался отношения слов к понятиям. Реалисты, возглавляемые кентерберийским епископом Ансельмом (1033—1109), утверждали, в духе идеализма, что реально существуют только общие понятия, а соответствующие этим понятиям вещи и явления являются только их слабыми копиями.

Номиналисты, во главе с Росцеллином из Компьена (1050—1110), считали, что реально существуют только отдельные вещи с их индивидуальными свойствами, а общие понятия, выводимые нашим мышлением из этих предметов, не только не существуют независимо от предметов, но даже не отражают их свойств. Умеренные номиналисты, во главе с **Пьером** Абеяром (1079—1142), занимали наиболее правильную позицию, считая, что реально существуют только отдельные предметы, они и являются базой общих понятий, общие же понятия отдельно не существуют, а выводятся нашим умом из реально существующих предметов и отражают их свойства. Церковь ожесточенно преследовала сторонников номинализма. В. И. Ленин отмечал, что «в борьбе средневековых номиналистов и реалистов есть аналогии с борьбой материалистов и идеалистов»¹.

§ 14. Развитие арабского языкознания. В VII—XIII вв. н. э. на территории Аравии и завоеванных арабами стран Передней Азии, Северной Африки и Пиренейского полуострова возникает огромное государство — Арабский халифат. Халифат был многонациональным государством, государственной религией в нем был ислам (магометанство), деловым и научным языком — арабский. Арабский язык стал постепенно как бы латынью мусульманского мира. Развитие языкознания в халифате было обусловлено, подобно древней Индии, практическими причинами — большими расхождениями между мертвым языком Корана и живыми арабскими диалектами. Появилась потребность в объяснении многих мест священной книги мусульман и вместе с тем стремление уберечь классический арабский язык от влияния живых диалектов.

Арабское языкознание использовало результаты индийской и античной лингвистических традиций, но, при резких отличиях

¹ Леин В. И. Поли. собр. соч., т. 25, с. 37.

структуры арабского языка от санскрита и древнегреческого, арабские ученые смогли применить эти результаты тщательного и точного описания фонетических, морфологических и лексических сторон родного языка только после существенной переработки последних¹.

Первые грамматические работы появились в Басре и Куфе, двух городах, создавших две грамматические школы, которые вели по многим языковым вопросам яростные споры, утихшие только через несколько веков, когда центр грамматической науки переместился в столицу Арабского халифата — Багдад. Грамматист из Басры Сибавейхи (ум. в 793 г.), перс по происхождению, создал обширный труд «Аль-Китаб» («Книга»), в котором система арабской грамматики подверглась обобщению. Он сочетал достижения аристотелевской логики с системным описанием языка индийскими грамматистами. Арабы четко различали звуки и буквы и отмечали несоответствия между произношением и написанием. Описание звуков опиралось на физиологический принцип, с учетом акустических моментов. Сибавейхи, например, различает 16 мест образования звуков и в соответствии с этим дает их классификацию.

В классификации слов на части речи арабы следовали за Аристотелем и выделяли глагол, имя и служебные слова. Очень точно определили арабские языковеды трехсложный корень, характерный для семитских языков. Наряду с подобной структурой корня, они отметили значение аффиксации и внутренней флексии. Именно эти наблюдения арабов над строением слова более всего повлияли на европейских лингвистов, в том числе и на Ф. Боппа.

Наиболее излюбленным занятием арабских филологов была лексикография. Одним из основателей арабского языкознания считается языковед из Басры Халил аль-Фарахиди (718—791), учитель Сибавейхи, составивший первый словарь «Китаб ал-Айн» («Книга Айна»). Ширазский перс Фирузабади (1329—1414) составил словарь под названием «Камус» («Океан»). Он получил такую популярность, что «камусом» стали впоследствии называть любой словарь. Арабские лексикологи не могли овладеть исторической и географической перспективой при составлении словарей, не различали литературных и диалектных слов, не делали различия между общеупотребительными словами и авторскими поэтическими неологизмами, которых было очень много в арабской поэзии.

Совершенно исключительное место в истории арабского языкознания занимает Махмуд Кашгарский, ученый тюрколог, который собрал громадные лексические богатства многих тюркских языков и около 1073—1074 г. составил многотомный труд «Диван лугат ат-турк» («Собрание турецких языков»). Эта книга явилась настоящей тюркской энциклопедией, причем автор сознательно проводил в ней сравнение языков. Махмуд создал фактически сравнитель-

¹ Звегинцев В. А. История арабского языкознания. Краткий очерк. М., 1958.

ную грамматику и лексикологию тюркских языков, указал звуковые соответствия тюркских диалектов, отметил сингармонизм гласных, сделал многие наблюдения над тюркскими морфемами. К сожалению, эта работа, намного опередившая по идеям свой век, не оказала влияния на развитие языкознания, так как была открыта и издана в Стамбуле лишь в 1912—1915 гг.¹

В целом развитие арабского языкознания на фоне застоя в средневековой Европе представляет собой весьма примечательное явление.

Сведения, полученные европейцами от арабов, способствовали развитию научного языкознания. В 1258 г. монголы razорили столицу халифата — Багдад. Государство арабов распалось на много частей, и классический период развития арабской культуры закончился.

§ 15. Языкознание эпохи Возрождения. Эта эпоха захватывает XV—XVIII вв., когда в связи с победой капитализма над феодализмом ярко проявились три умственных и культурных течения — ренессанс, реформация и Просвещение. Ренессанс означал крушение феодальной церковной культуры и замену ее культурой светской, опирающейся на античность. Реформация разрушила папскую власть и создала простор для развития национальных сил европейских государств. Просвещение связало всю духовную жизнь Европы с философией рационализма и наукой. Новая эпоха выдвинула подлинных первооткрывателей и энциклопедистов — Колумба, Галилея, Коперника, Декарта, Ньютона, Лейбница, Ломоносова. Основоположники марксизма писали: «Это был величайший прогрессивный переворот из всех пережитых до того времени человечеством, эпоха, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености... Тогда не было почти ни одного крупного человека, который не совершил бы далеких путешествий, не говорил бы на четырех или пяти языках, не блистал бы в нескольких областях творчества»².

В эпоху Возрождения прежде всего происходит значительное расширение сведений о языках мира, происходит очень важный для последующего развития языкознания процесс накопления языкового материала. Изучение памятников классической литературы на греческом и латинском языках, а также богословский интерес к древнееврейскому языку, на котором написан Ветхий завет, вызывают появление классической и семитской филологии, вслед за которыми возникают филологии различных народов Европы. Рационалистические тенденции вызывают многочисленные проекты искусственных международных языков и возникновение логической универсальной грамматики.

¹ Кононова А. Н. Махмуд Кашгарский и его «Диван лугат ат-турк». — «Советская тюркология», 1972, № 1, с. 11—12.

² Маркс К- и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 346.

Для XVII в. очень характерны идеи метафизических материалистов Ф. Бэкона и Д. Локка, дуалиста Р. Декарта и Лейбница. Сбор лингвистического материала сопровождался его осмыслением. Бэкон высказал идею, что язык не является единственным средством общения. Локк в «Опыте о человеческом разуме» утверждает, что нет природной связи между звуками и понятиями. Взгляды Декарта нашли отражение в логической грамматике. Лейбниц ратовал за международный язык на логико-математической основе.

Возникновение исторической точки зрения на развитие языка, опирающееся на богатый языковой материал, в конце концов приводит к зарождению сравнительно-исторического языкознания.

§ 16. Возникновение филологии как науки. Замена церковной идеологии существенно облегчалась знакомством Европы с языческой культурой античного мира. Богатая культура греков и древних римлян стала доступной лишь в результате огромной работы по изданию и толкованию греческих и латинских текстов. Большие заслуги по изданию и филологическому комментированию литературных произведений классической древности принадлежат **Юлию Цезарю Скалигеру** (1484—1558), Роберту Стефанусу (1503—1559) и его сыну Генриху **Стефанусу** (1528—1598). Завоевание турками Константинополя в 1453 г. вызвало бегство многих греческих ученых в Италию, что еще больше повысило в Европе интерес к греческому языку. Истолкование явлений грамматики и лексики классических языков вместе с реальным анализом содержания литературных произведений вызвало возникновение классической филологии.

Одновременно возникает и семитская филология. Теологические интересы в связи с более широким и свободным воззрением на объект изучения приводят европейских ученых к занятиям древнееврейским языком — языком Ветхого завета — и другими семитскими языками: арамейским, арабским, эфиопским и др. Разносторонняя деятельность **Иосифа Юстуса Скалигера** (1540—1609), сына Юлия Скалигера, и позднее **Иоганна Рейхлина** способствовала возникновению семитской филологии и ознакомлению европейских ученых со строем семитских языков.

К XVIII в. закладываются основы филологического изучения литературных памятников трех основных этнических групп, населяющих Европу: романской, германской и славянской.

§ 17. Изучение живых языков. Реформация в европейских странах, как правило, вызывала потребность перевода различных частей Библии, особенно Евангелия, на языки различных национальностей. Ветхий завет переводился с древнееврейского и частично арамейского, а Новый завет — с древнегреческого. При этом возникал немаловажный вопрос о диалектной основе новых литературных языков, особенностях грамматического строя, о словарном составе и многом другом.

Впервые начал работать в этой области великий итальянский поэт Данте. Незадолго до 1305 г. он написал свою работу «De vulgari eloquencia» («О народном красноречии»), в которой выступает в защиту народного языка и приводит поразительно точные наблюдения над итальянским языком. Свою «Божественную комедию» Данте пишет не по латыни, как это было тогда принято, а на народном итальянском языке. В XVI—XVII вв. появляются грамматики многих национальных языков Европы.

Географические открытия, начало колониальных захватов, пропаганда христианства среди различных народов, изобретение книгопечатания создают условия для накопления сведений о языках других частей света. Накопление языкового материала нашло наиболее яркое отражение в сравнительных словарях и каталогах языков. Они печатались в конце XVIII и начале XIX в., в них давалась сжатая характеристика лексики известных языков.

Первый из таких трудов был издан в Петербурге в 1786—1787 гг. под названием «Сравнительные словари всех языков и наречий» русским путешественником и академиком Петром Палласом. В этом издании был дан перевод русских слов на 200 языков и диалектов Азии и Европы. В 1791 г. было выпущено второе издание этого переводно-сопоставительного словаря в четырех томах, в котором содержались материалы уже 272 языков, включая некоторые языки Африки и Америки. Второй подобный словарь принадлежал испанскому монаху Лоренцо Гервасу и был издан в Мадриде в 1800—1804 гг. под названием «Каталог языков известных народов, их исчисление, разделение и классификация по различиям их наречий и диалектов». Он содержал сведения по лексике и грамматике уже 307 языков, причем среди них были многие языки американских индейцев и малайско-полинезийские.

Наиболее известным трудом в этой области было издание немцев Аделунга и Фатера «Митридат, или Общее языкознание», вышедшее в 1806—1817 гг. в Берлине и содержащее, кроме общих замечаний и библиографических указаний о 500 языках, перевод молитвы «Отче ваш» на эти языки.

Издание подобных каталогов языков при всем их несовершенстве и иногда недостоверности приводимых сведений подготовило почву для сравнительного сопоставления языков.

§ 15. Создание логической, или универсальной, грамматики. Как уже отмечалось, в средние века изучение латинского языка рассматривалось как логическая школа мышления. С появлением философского направления — рационализма (XVII в.) усиливается стремление рассматривать грамматические категории любого языка как воплощение категорий логики. В том случае, если какое-либо явление языка выпадало из логической схемы, оно объявлялось не соответствующим требованиям разума и подлежало устранению. Логика, исследующая общечеловеческие формы и законы мышления, не интересуется ни формами языкового выражения,

Ни эмоциональной и волевой стороной сознания и языка, ей не свойственны исторический подход к явлениям языка и вообще проблема развития. Поэтому сторонники рационализма стремились так кодифицировать язык и навязать ему столь строгие законы, которые сделали бы невозможным изменение языка и относили бы исключения из правил к ошибкам употребления, несовершенству разума человека. В области лексики выдвигались «разумные» мотивы против употребления определенных пластов словарного состава, в частности заимствований, эмоциональных слов и т. п. В области грамматики рационалистический подход привел к появлению общей (рациональной, философской) грамматики.

Первую «Общую и рациональную грамматику» («Grammaire générale et raisonnée») разработали ученые монахи из монастыря в парижском предместье Пор-Рояль **Клод Лансло** и **Антон Арно** на французском языке и издали ее в Париже в 1660 г. (отсюда и название ее как грамматики Пор-Рояля).

Лансло и Арно стремились в своем труде установить «общие для всех языков принципы и причины встречаемых в них различий». Теоретической базой их рассуждений была декартовская (картезианская) философия. В ней обосновывается связь между грамматикой и логикой. Если язык выражает мышление, то категории языка являются воплощением категорий мысли. Грамматика поэтому должна при изучении языка опираться на логику. Она должна быть рациональной, логической. Если логика у всего человечества одна, то и грамматика должна быть общей и универсальной. Философски необоснованными являются попытки создания грамматик отдельных языков. Таким образом, не только смысловая, но и грамматическая сторона различных языков сводились к единому логическому знаменателю.

Конечно, известная соотносительность логических и грамматических категорий не подлежит сомнению, но это не значит, что все категории логики должны прямолинейно находить отражение в языке (например, понятие должно соответствовать значению слова, суждение и умозаключение — различным типам предложения), что языковые явления не могут переступать пределы логики. Каждое выражение мысли может определяться с логической, психологической и лингвистической точек зрения. Языковеды должны заниматься лингвистической стороной. Поэтому подмена лингвистического подхода к языку логическим анализом ведет к априорным построениям, игнорирует специфику грамматики конкретного языка. В каждом языке имеются слова, которые не отражают логических понятий, а связаны с выражением чувств, побуждений, волеизъявления, т. е. того, что не допускается логикой. В любом языке имеются односоставные предложения, второстепенные члены предложения, вопросительные и восклицательные предложения, которые противоречат логическим определениям.

Грамматика Пор-Рояля имела для своего времени большой успех, вызвала многочисленные подражания, а ее рационалистические

принципы часто встречаются в грамматических работах первой половины XIX в. В Германии К. Ф. Беккер еще в 1836 г. издал «Пространную немецкую грамматику», основанную на логических категориях Гегеля. «Историческая грамматика русского языка» Ф. И. Буслаева, вышедшая в 1858 г., в своих трактовках слова и предложения еще придерживалась логических определений, что и вызвало резкую критику со стороны А. А. Потебни в его труде «Из записок по русской грамматике».

§ 19. Попытки и проекты создания международных языков/ С философией рационализма связано и возникновение проектов создания искусственных, предпочтительно международных языков. Первым выступил за рациональный искусственный язык французский философ Рене Декарт (XVII в.). Много внимания уделял этой проблеме и другой представитель рационализма — **Готфрид Вильгельм Лейбниц** (1646—1716). За последние 300 лет было выдвинуто около 600 проектов искусственных языков. Впоследствии философская сторона проблемы, поддержанная идеями общей грамматики, перестала быть актуальной, и ее место заняли чисто практические соображения. Действительно, существование на земном шаре свыше 2000 различных языков является серьезным препятствием к взаимопониманию людей. Осуществление замыслов создания «вспомогательного» языка относится лишь к концу XIX в., когда были изобретены воляпюк, идо, эсперанто и другие искусственные языки. Это действительно искусственные языки, лишенные национального своеобразия, стилистики и исторического развития. В практической жизни подобные языки имеют одно преимущество: каждый знает, что его собеседник так же должен был изучить этот язык, как и он. Наибольший успех сопутствовал языку эсперанто, созданному в 1887 г. варшавским врачом **Людвигом Заменгофом**. Когда известного французского лингвиста А. Мейе спросили, возможен ли искусственный язык, он ответил: «Спор по этому вопросу беспредметен, потому что эсперанто уже существует».

«Эсперанто» в переводе с латинского означает «надеющийся». Это название отвечало замыслам Заменгофа.) Действительно, эсперанто как один из экспериментальных языков получил большее значение и распространение, чем другие подобные проекты. Эсперантисты утверждают, что их в настоящее время насчитывается свыше 7 миллионов. На этом языке выходит до сотни журналов, создана разнообразная литература (около 7 тысяч книг), представленная преимущественно переводными произведениями художе-

ственной литературы, в их числе признанными шедеврами мировой литературы, издаются пособия по этому языку и словари.

Оригинальная литература на эсперанто, очевидно, не имеет будущего, так как это чисто практический язык-посредник, получивший успех среди коллекционеров, спортсменов, врачей и отчасти филологов.

Корни слов в эсперанто на 60 процентов взяты из романских языков (главным образом латинского), на 30 процентов из германских и на 10 — из славянских. Заменгоф имел дело с 900 корнями, современные словари насчитывают до 25 тысяч корней. Изучающих не затрудняют многочисленные исключения и отклонения национальных языков, что делает столь трудным изучение иностранных языков в школьных условиях, ибо грамматика эсперанто состоит из 16 основных правил и предельно логична.

Так, например, все имена существительные имеют окончание *-o* (*homo* 'человек', *patro* 'отец', *patrino* 'мать', причем суффикс *-in-* указывает на женский род), все прилагательные имеют окончание *-a* (*homa* 'человеческий', *patra* 'отцовский', *patrina* 'материнский'), все наречия имеют окончание *-e* (*bone* 'хорошо', *malbone* 'плохо').

Артиклем для всех имен и их форм является *la*. Множественное число получает окончание *-j*, в винительном падеже добавляется окончание *-n*, другие падежные значения передаются с помощью предлогов. Смысловая структура слов прозрачна, и значение их легко выводится из морфемного состава. Глагольные формы также различаются окончаниями: неопределенное наклонение оканчивается на *-i*: *skribi* 'писать', настоящее время — на *-as*: *mi skribas* 'я пишу', *li skribas* 'он пишет', прошедшее время — на *-is*: *mi skribis* 'я писал', будущее время — на *-os*: *mi skribos* 'я буду писать', условное наклонение — на *-us*: *mi skribus* 'я бы писал', повелительное наклонение — на *-u*: *skribu* 'пиши, пишите'.

§ 20. Зарождение исторической и сравнительной точки зрения на язык. Вплоть до XVIII в. язык признавался неизменным в своей сущности. Основные проблемы языка рассматривались философами умозрительно, без привлечения накопленного фактического материала. Только основатель философии истории итальянец Джамбаттиста Вико в своей работе «Новая наука» (1725) ставит вопрос об объективной закономерности развития общества и языка, хотя его картина истории и языка содержит много фантастических моментов («язык богов, язык героев и язык людей»). Наиболее отчетливое представление идея языкового развития нашла в XVIII в. в теориях происхождения языка. Жан-Жак Руссо (1712—1778) связывает возникновение языка с общественными потребностями (теория социального договора) и выдвигает положение о совместном развитии языка и мышления от первобытного природного крика (теория междометий) к грамматически упорядоченному языку. Шарль де Бросс (1709—1777) также прослеживает развитие языка

от элементарных выкриков к лексическому богатству с изменением значений слов от конкретного и материального к отвлеченному и воображаемому. **Джемс Монбоддо (1714—1799)** видит в истории языка поступательное движение от животного крика к эстетическому проявлению. **Иоганн Гердер (1744—1803)** настойчиво подчеркивает связь возникновения и развития языка с возникновением и развитием мышления, хотя и сводит этот процесс к индивидуальному творческому акту. Объясняя возникновение и развитие языка «внутренней жизнью» человека, Гердер подчеркивал во многих работах, что в языке находит выражение дух народа. Эти положения оказали большое влияние на взгляды **В. Гумбольдта**. Под влиянием Гердера и романтизма появляется тенденция подвергать историческому исследованию все культурные ценности, включая родной язык и фольклор.

С другой стороны, собирательская и описательная работа по вновь открываемым для изучения языкам в конце концов привела в начале **XIX** в. к постановке проблемы научной классификации и осмысления языкового материала.

В **XVI** в. выходят грамматики и словари мексиканского и ацтекского языков, составленные католическими миссионерами; в том же столетии появляются турецкая, персидская, армянская грамматики, появляются сведения о японском и корейском языках. В **XVI** в. европейцы получают первые сведения о «священном языке браминов» — санскрите (письма из Индии итальянского купца Филиппо Сассети, где отмечены родственные итальянским санскритские слова).

В **XVII** в. появляются сведения о языках североамериканских индейцев, о дравидских языках Индии, индонезийском, китайском и маньчжурском языках, становятся известны факты негритянских языков Центральной Африки.

Голландский лингвист **И. Ю. Скалигер** в своей книге «Рассуждение о языках европейцев» сделал первую попытку группировки всех европейских языков. Он возводит европейские языки к 11 основным языкам, среди которых выделяются ветви латинская (романская), греческая, германская (тевтонская) и славянская. **И. Ю. Скалигер** писал: «Единство языка проявляется в тождестве слов; известные же изменения тех же слов и определяют ту или иную отрасль. Так, языки итальянский, испанский и французский назовем латинскими по причине единства латинского слова, хотя и разнообразно измененного в этих трех языках». Правда, языковые отношения определялись только лексически, без привлечения грамматических показателей.

Лейбниц отмечал родство между финским и венгерским языками, видел их связи с тюркскими и монгольскими языками. Он решительно выступил против тезиса о том, что древнееврейский язык являлся языком.

М. В. Ломоносов указывал на родство славянских языков, был убежден в родстве некоторых индоевропейских языков:

русского, курляндского (латышского), греческого, латинского и немецкого. У него находим мысль о возникновении родственных языков в результате распада праязыка.

Громадное значение в подготовке сравнительно-исторического изучения языков имело знакомство европейских ученых с санскритом. Сходство некоторых слоев лексики и грамматического строя основных языков Европы с этим древним языком далекой Индии произвело ошеломляющее впечатление. Особенно велики заслуги Вильяма Джонса (1746—1794), английского востоковеда и юриста, служившего в Бенгалии судьей. В 1784 г. он основал «Азиатское общество» для изучения языков и культуры народов Индии. Вот цитата из знаменитой речи Джонса (1786), в которой он сформулировал постулаты сравнительной грамматики индоевропейских языков: «Санскритский язык при всей своей древности обладает изумительным строем. Он совершеннее греческого, богаче латинского и утонченнее обоих, в то же время он обнаруживает столь близкое родство с греческим и латинским языками как в глагольных корнях, так и в грамматических формах, что оно не могло сложиться случайно; родство это так поразительно, что ни один филолог, который желал бы эти языки исследовать, не сможет не поверить, что все они возникли из одного общего источника, которого, быть может, уже не существует. Имеется сходное, хотя и не столь убедительное основание полагать, что готский и кельтский языки, хотя они и смешаны с совсем другими диалектами, произошли из того же источника; к этой же семье языков можно было причислить и древнеперсидский язык».

Джонс не доказывал своих гениальных предположений звуковыми соответствиями, грамматическим анализом форм и разбором лексики. Это сделали несколько позднее другие языковеды.

Фридрих Шлегель в 1808 г. издал свою знаменитую книгу «О языке и мудрости индийцев» («Über die Sprache und die Weisheit der Indier»). Он показал родство санскрита и в словарном составе и в грамматическом отношении с латинским, греческим, германским и персидским языками, хотя ошибочно и полагал, что эти языки возникли из санскрита. В его работе впервые встречается термин «сравнительная грамматика».

Написанная увлекательным языком, содержащая блестящие описания различных сторон древнеиндийской культуры, философии и литературы с приложенными поэтическими образцами, эта книга способствовала пробуждению интереса к изучению Индии и распространила в широких кругах идеи сравнительного изучения индоевропейских языков. Как показатель этого отметим появление в 1811 г. в Петербурге анонимного исследования «О сходстве санскритского языка с русским».

Европейские ученые ознакомились не только с фонетикой и грамматикой санскрита, но и с идеями древнеиндийских языковедов, которые, как отмечалось, дали точную и совершенную характеристику санскрита.

Таким образом, расширение языкового кругозора европейских ученых, и в первую очередь ознакомление их с санскритом, романтический интерес к древним памятникам разных национальных культур, запечатленных в слове, возникновение историко-эволюционного подхода к явлениям природы и общества — вот совокупность условий, приведших к появлению сравнительно-исторического языкознания.

§ 21. Развитие языкознания в славянских странах. Как известно, возникновение славянской письменности связано со второй половиной IX в. (863 г.), когда в результате инициативы правителей Великоморавского княжества греческие миссионеры **Кирилл (Константин)** и **Мефодий**, создав весьма совершенную графическую систему для одного из типов славянской речи, приступили к переводу некоторых частей Библии и созданию других богослужебных текстов. Старославянский язык стал общим литературным языком славян эпохи средневековья. У всех западных славян он был вскоре вытеснен латинским языком в связи с западным влиянием и переходом в католичество. Поэтому дальнейшее использование старославянского языка связано по преимуществу со славянским югом (Болгария, Сербия) и востоком (Киевское государство, затем Московская Русь, белорусские и украинские земли). Использование старославянского языка в качестве литературного привело к тому, что грамматической обработке подвергался прежде всего этот язык.

Московские книжники вначале пользовались южнославянскими компиляциями поздневизантийских грамматиков. Таково, в частности, дошедшее до нас во многих списках XV—XVII вв. рассуждение «О восьми частях слова», которое иногда приписывается **Иоанну Экзарху Болгарскому**, жившему в X в.¹. Весьма популярным было в XV—XVIII вв. сочинение **черноризца Храбра** «О письменах», которое было написано в X в. в Болгарии и рассказывало о создании славянской азбуки Константином. Большой интерес представляет перевод латинской грамматики Доната, выполненный в 1522 г. **Дмитрием Толмачем**.

Первые наши печатные пособия и грамматики связаны с Украиной и Белоруссией, где, в противовес иезуитским коллегиям, православные школы остро нуждались в книгах и пособиях на старославянском языке. Московский первопечатник **Иван Федоров** в 1574 г. во Львове издал «Букварь», в котором содержатся азбука, правила чтения по слогам, образцы склонения и спряжения, а также тексты для чтения. Первая печатная грамматика старославянского языка была издана в Вильно в 1586 г. под названием «Словенська грамматика». В 1591 г. во Львове вышла из печати греко-славянская грамматика «Адельфотис. Грамматика доброглаголивого еллино-словенского языка. Совершенного искусства осми

¹ Кузнецов П. С. У истоков русской грамматической мысли. М., 1958, с. 5-6.

частей речи. Ко наказанию многоименитому российскому роду», составленная учениками Львовского братского училища. В 1596 г. Лаврентий Зизаний издал в Вильно «Граматику словенску совершенного искусства осми частей слова». Наконец, в 1619 г. в Евю, близ Вильно, вышла знаменитая грамматика Мелетия Смотрицкого (1577—1633), оказавшая сильное влияние на последующую грамматическую литературу. Ее название — «Граматики славенския правильное синтагма». В 1648 г. эта грамматика с некоторыми видоизменениями и дополнениями была переиздана в Москве и служила учебным пособием вплоть до «Российской грамматики» М. В. Ломоносова. Представляет интерес с точки зрения сопоставления славянских языков и критического отношения к своим предшественникам «Грамматично исказа^е об русском ^езику» (1666), написанное сосланным в Тобольск сербом Юрием Крижаничем. Свообразные языковые отношения в Московском государстве были отмечены и англичанином Генрихом Вильгельмом Лудольфом, составившим первую грамматику русского языка (1696, «*Grammatica russica*», издана на латинском языке в Оксфорде)¹. Лудольф в ней отмечает, что «русские только говорят по-русски, пишут же по-славянски», т. е. пользуются старославянским языком.

Прочный фундамент русского языкознания заложил гениальный русский ученый-энциклопедист Михаил Васильевич Ломоносов (1711—1765)². В 1755 г. Ломоносов выпустил свою «Российскую грамматику» — первую грамматику русского языка, написанную на русском языке. Она сыграла исключительную роль в развитии русской грамматической мысли и не утратила своего значения до настоящего времени. Объясняется это прежде всего тем, что Ломоносов, в отличие от априорных и бездоказательных схем философии языка своего века, следует строго эмпирическому методу, основанному на наблюдении и обобщении русского языкового материала в области фонетики, словообразования, морфологии и синтаксиса. Он делает это сознательно, ибо отмечает, что придерживается не принципов общей грамматики, а указаний «общего всех учителя повседневного употребления».

Свою грамматику Ломоносов разделил на шесть «наставлений». Первое наставление излагает общие воззрения автора на язык и

Свою грамматику Ломоносов разделил на шесть «наставлений». Первое наставление излагает общие воззрения автора на язык и

¹ Переиздана Б. А. Лариным с переводом: Русская грамматика Лудольфа, Л., 1937.

² Его филологические труды помещены в издании: Ломоносов М. В., Поли. собр. соч., т. 7. Труды по филологии, 1739—1758 гг. М— Л., 1952.

грамматику. «Слово,—считает Ломоносов,—дано для того человеку, чтобы свои понятия сообщать другому». Частей речи он насчитывает восемь: 1) *имя* для названия вещей, 2) *местоимение* для сокращения именований, 3) *глагол* для названия деяний, 4) *причастие* для сокращения соединением имени и глагола в одно речение, 5) *наречие* для краткого изображения обстоятельство, 6) *предлог* для показания принадлежности обстоятельств к вещам и деяниям, 7) *союз* для изображения взаимности наших понятий, 8) *междуметие* для краткого изъявления движений духа».

Второе наставление посвящено вопросам фонетики и орфографии. Ломоносов так характеризует московское аканье: «Московское наречие не только для важности столичного города, но и для своей отменной красоты прочим справедливо предпочитается, а особливо выговор буквы о без ударения, как а, много приятнее». Наряду с этим он выступает против фонетического правописания, сторонником которого был В. К. Третьяковский (см. его труд «Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой», 1748; требование писать «по звонам»). Третье наставление содержит словообразование и словоизменение имен, четвертое — посвящено глаголу, пятое — характеристике служебных частей речи и шестое — синтаксису. В. Г. Белинский так отметил новаторство Ломоносова: «Наши грамматисты, от Мелетия Смотрицкого до Ломоносова и бывшей грамматики Академии Российской (1802 г.), составляя русскую грамматику, как будто ничего другого не делали, как только переводили латинскую». «Российская грамматика» Ломоносова носила ярко выраженный нормативный и стилистический характер, что также способствовало лучшему использованию русского языка.

Ломоносов внес большой вклад в разработку русской научной терминологии, состоящей из корней родного языка. Многие его термины живут до настоящего времени: *предложный падеж, земная ось, преломление лучей, удельный вес, кислота, магнитная стрелка, закон движения, квасцы, северное сияние, маятник, чертенок, опыт, наблюдение, явление, частицы*. Узаконены были им и многие иноязычные термины: *диаметр, квадрат, формула, атмосфера, барометр, горизонт, микроскоп, метеорология, периферия, сулема эфир, селитра* и др.

Наконец, в рассуждении «О пользе книг церковных в российском языке» (1758) Ломоносов развил теорию трех стилей — высокого, среднего и низкого. Этим делением он ограничил использование устаревших церковнославянских элементов и демократизировал русский литературный язык. Это ломоносовское начинание завершил А. С. Пушкин—законодатель русского литературного языка нового времени¹.

¹ См. еще: Кузнецов П. С. О трудах М. В. Ломоносова в области исторического и сравнительного языкознания. — «Ученые записки МГУ. Кафедра русского языка», вып. 150, 1952.

Первыми Древнерусскими словарями были азбуковники, или «алфавиты иностранных речей», которые объясняли непонятные слова церковных книг. Позднее появляются уже печатные словари. К ним относятся «Лексис, сиречь речения, вкратце собранные и из словенского языка на простой русский диалект истолкованные» (1596) Лаврентия Зизания и замечательный «Лексикон словеноросский» украинца Памвы Берынды (1627), различавший уже церковнославянские и украинские слова. В петровскую эпоху возникло несколько словарей иностранных слов. Однако первым научным словарем русского языка явился «Словарь Академии Российской» (1789—1794). Он содержит около 50 тысяч слов, употреблявшихся в русском языке XVIII в., причем широко привлекает терминологические лексикону, в упорядочении которой принимали участие крупнейшие ученые того времени.

Русские ученые и путешественники на протяжении XVIII в. собрали большой материал и изучили многие языки Сибири, тюркские и финно-угорские языки Поволжья, горские языки Кавказа, некоторые иранские языки.

На славянском юге развитие старославянской образованности с XIV в. было прервано турецким завоеванием. В Болгарии только во второй половине XVIII в. священник Паисий Хилендарский в своей «Истории славяно-българской» (1762) призывает на борьбу за родной народ и его язык. В Сербии в XVIII в. под русским влиянием возникает литература на «славяно-сербском» книжном языке. Грамматические исследования и словари сербско-хорватского языка в XVII—XVIII вв. появляются прежде всего у хорватов. Первую словенскую грамматику написал Антон Богорич в XVI в.

В Польше письменность на родном языке возникает в XIV в. Около 1440 г. появился трактат о польской орфографии, принадлежащий краковскому канонику Якову Паркошу, содержащий ценные наблюдения над особенностями польского языка того времени. Первая грамматика польского языка, написанная по-латински, принадлежит французцу Петру Статориусу-Стойенскому (1568). Первый большой словарь польского языка принадлежит Григорию Кнапскому (1621). В рационалистическом духе в XVIII в. были составлены польские грамматики О. Копчинского.

Письменность на чешском языке возникает в XIII в. Классовая и национальная борьба XV в. (гуситское движение) способствовала совершенствованию литературного языка. Его реформатором явился Ян Гус (1373—1415), который освободил литературный язык от архаизмов и многочисленных немецких заимствований, укрепил своим авторитетом норму литературного языка и реформировал графику (сочинение «Чешская орфография»). Уже в XIV в. в Чехии появляются латинско-чешские словарики, которые были обработаны Кларетом. В период гуманизма и деятельности общины «чешских братьев» (XVI — начало XVII вв.) чешский литературный язык обогащается стилистически и развивает синтаксические средства. Словарный состав языка XVI в. отражен в латинско-

чешско-немецко-греческом словаре (1598) Адама Велеславина и трудах Я. А. Коменского (1592—1670). Первой оригинальной грамматикой явилась «Grammatica bohemica» (1603) Лаврентия-Бенедикта Недожерского. В эпоху упадка чешского литературного языка лучшей грамматикой была «Grammatica Slavico-Bohemica» (1746) словака Павла Долежала.

Необычайно разносторонней была деятельность Иосифа Добровского (1753—1829), которого по праву считают основателем славянской филологии как науки. Борясь с германизацией, Добровский проделал огромную работу по нормализации и регламентации чешского литературного языка. Большое значение имеют его труды «История чешского языка и литературы» (1792), «Подробное руководство по чешскому языку» (Ausführliches Lehrgebäude der böhmischen Sprache», издания 1809 и 1819 гг.), «Немецко-чешский словарь» и др. Славистические интересы Добровского также были широки. Он первым с научной точки зрения начал изучать старославянский язык и его грамматику, дал классификацию современных славянских языков. Ему принадлежат такие работы, как «Глаголица» (1807), знаменитые «Основы древнего наречия славянского языка» («Institutiones linguae slavicae dialecti veteris»), «Кирилл и Мефодий, славянские апостолы» (1823) и др.

Добровский придавал большое значение изучению русского языка. Он специально посетил Россию, чтобы ближе познакомиться со страной и установить научные связи с русскими учеными.

Ученики и продолжатели дела Иосифа Добровского, которых называли будителями (от глагола «будить») чешского народа, сумели возродить новочешский литературный язык, создали оригинальную литературу, способствовали обогащению словарного состава чешского языка.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- В и к о Д. Основания новой науки об общей природе наших. Л., 1940.
Гердер И. Г. Избранные сочинения. М.—Л., 1959.
Лейбниц Г. В. Новые опыты о человеческом разуме. М.—Л., 1936.
Локк Дж. Избранные философские произведения. М., 1960.
Ломоносов М. В. Российская грамматика. — Поли. собр. соч. Т. VII. М.—Л., 1952.
Паллас П. С. Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный. Т. 1—4. Спб., 1787—1791.
Русская грамматика Лудольфа. Оксфорд, 1696 г. Переиздание, перевод, вступительная статья и примечания Б. А. Ларина, Л., 1937.

Ахманова О. С., Бокарев Е. А. Международный вспомогательный язык как лингвистическая проблема. — «Вопросы языкознания», 1956, № 6.

Габучан Г. М. К вопросу об арабских грамматических учениях. — Семитские языки. М., 1963.

Гиргас В. Ф. Очерк грамматической системы арабов. Т. 1—2. Спб., 1873—1879.

Гуковская З. В. Из истории лингвистических воззрений эпохи Возрождения. М., 1940.

Дрезден Э. В поисках всеобщего языка. М.—Л., 1925.

Звегинцев В. А. История арабского языкознания. Краткий очерк. М., 1958.

Ковтун Л. С. Русская лексикография эпохи средневековья. М.—Л., 1969.

Кононов А. Н. Махмуд Кашгарский и его «Диван лугат ат-турк». — «Советская тюркология», 1972, № 1.

Кузнецов П. С. О трудах М. В. Ломоносова в области исторического и сравнительного языкознания. — «Ученые записки МГУ. Кафедра русского языка», вып. 150, 1952.

Кузнецов П. С. У истоков русской грамматической мысли. М., 1958.

Макеева В. Н. История создания «Российской грамматики» М. В. Ломоносова. М.—Л., 1961.

Мачавариани М. В. Взгляды Локка и Лейбница на язык. — «Труды Тбилисского пед. ин-та иностр. языков», т. I, 1958.

Свадост Э. Как возникнет всеобщий язык? М., 1968.

Успенский Б. А. Первая русская грамматика на родном языке. М., 1975.

Ягич И. В. История славянской филологии. Спб., 1910.

ГЛАВА 4

ВОЗНИКНОВЕНИЕ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

§ 22. Проблема метода языкознания и вопросы периодизации истории сравнительно-исторического языкознания. Языкознание обладает многообразными связями с другими науками, изучающими природу, общество и человеческое сознание. Это обусловлено спецификой самого предмета нашей науки — человеческого языка. Язык — общественное явление, он создается обществом, обслуживает всех его членов как основное средство общения и является одним из необходимых условий существования общества. Именно поэтому языкознание входит в цикл общественных наук наряду с философией, историей, этнографией, занимающимися изучением общества. Для многих характеристик языка его генетические и исторические связи, грамматическая структура и словарный фонд, сходство или близость с другими языками являются определяющими. Вместе с тем язык зарождается и развивается в связи с возникновением и развитием человеческого мышления, язык — и продукт мышления человека, и материальная форма мышления. Поэтому языкознание неразрывно связано также с науками, изучающими законы мышления и психику человека, — логикой и психологией.

У языка как предмета языкознания имеются и другие стороны. Будучи обусловлен физиологическим строением человека, его мозга, нервной системы, речевого аппарата, язык закономерно является объектом изучения физиологии. Существовая в виде звуков, язык может рассматриваться и физикой.

В последние десятилетия в связи со стремлением сделать языкознание точной наукой и возникновением прикладного языкознания, обслуживающего нужды кибернетики, наметилась связь языкознания с математическими науками.

Следовательно, всеобъемлющая и универсальная роль языка в обществе и характер его механизма, внутренней организации приводят к тому, что языкознание по своему существу оказывается тесно связанным с общественными, естественными и точными

науками¹. В различные эпохи, в зависимости от степени и характера развития научной мысли, место языкознания среди других наук определялось по-разному. Например, в древней Греции и вплоть до XIX в. в Европе языкознание входило в состав философии, что объяснялось прежде всего неразработанностью вопросов языкознания. Со времени Аристотеля на изучение грамматического строя языков влияла прежде всего логика. Созерцательный подход к изучению языка, нормализация его, осуществляемая с предвзятых позиций, пренебрежение к закономерностям языкового развития, а зачастую и незнание конкретных языковых фактов, своеобразная языковая слепота, — все это было свойственно языкознанию до XIX в. Исключения были редки. Это прежде всего грамматическая система Панини и «Российская грамматика» М. В. Ломоносова.

Подобный априорно-философский подход к языку прекращается в первой четверти XIX в. Казалось бы, языковеды серьезно разберутся в общественной сущности языка и дадут ему научное определение. Этого, однако, не случилось, так как научная мысль оказалась еще не подготовленной к столь серьезной задаче. Языкознание самоопределилось на других путях. Был создан сравнительно-исторический метод изучения родственных языков.

Как уже отмечалось, задолго до XIX в. было замечено сходство некоторых языков. Однако на протяжении нескольких веков ученые не могли объяснить эти факты. В начале XIX в. торжество идей исторического развития любого явления, знакомство с санскритом, романтическое стремление проникнуть в глубь истории своего народа и языка привели лингвистов в разных странах к заключению, что сходство нескольких языков может быть объяснено только их родством, происхождением их из общего древнего праязыка и последующим самостоятельным развитием, когда и проявились особенности отдельных языков. Сравнивая эти языки, изучая родственные явления во взаимной связи и исторической последовательности, выявляя исконные явления и инновации, можно в довольно полном виде восстановить (реконструировать) исторический ход развития родственных языков. На этой базе стали складываться сравнительные грамматики отдельных языковых семей: прежде всего индоевропейской, затем семитской, финно-угорской, далее — тюркской и др.

Определяющим моментом было создание нового метода изучения языков, который получил название сравнительно-исторического. Сравнение было для него средством систематизации языкового материала, а исторический подход к языку стал главным принципом исследования. Сравнение проводилось строго систематически и имело целью исследование истории языков. Подобное сравнительно-историческое изучение языков через некоторое время подготовило материал и условия для возникновения и общего языкознания. С открытием сравнительно-исторического метода языкознание за-

¹ Шендельс Е. И. Связь языкознания с другими науками. М., 1962.

няло самостоятельное место, отделившись от философских и исторических рассуждений о языке, не опиравшихся на строго проверенные и систематизированные языковые факты. Теперь языковеды знали, как относиться к многообразному, накопленному столетиями языковому материалу, закономерности языка и исключения из них стали получать отчетливое историческое объяснение, один язык и его явления стали объясняться фактами родственных ему языков.

Историю сравнительно-исторического изучения преимущественно индоевропейских языков целесообразно подразделить на четыре основных периода:

1) от зарождения сравнительно-исторического языкознания до формирования взглядов младограмматической школы (первая четверть XIX в. — 1870 г.);

2) период господства младограмматических воззрений (70—90-е годы XIX в.);

3) от младограмматиков до появления «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра и расшифровки хеттских памятников (конец XIX и первые два десятилетия XX в.);

4) от распространения идей Соссюра до нашего времени.

Указанная периодизация во многом условна и может вызывать возражения, но она, опираясь на прогресс в сравнительно-историческом изучении индоевропейских языков, во многом совпадает с движением общетеоретических воззрений на язык как на предмет изучения, и в этом ее преимущество и полезность.

Зарождение сравнительно-исторического языкознания связано с деятельностью Ф. Боппа, Я. Гримма (Германия), Р. Раска (Дания) и А. Х. Востокова (Россия).

§ 23. Франц Бопп (1791—1867). Первым ученым, приступившим к созданию сравнительной грамматики на основе сближений между санскритом и языками Европы, был немец Франц Бопп. После пребывания в Париже, тогдашнем центре востоковедения, где он ознакомился с санскритом, в 1816 г. Бопп в возрасте 25 лет опубликовал во Франкфурте-на-Майне свою первую работу «О Системе спряжения санскритского языка в сравнении с таковым Греческого, латинского, персидского и германского языков» («Über das Conjugationssystem der Sanskritsprache in Vergleichung mit jenem der griechischen, lateinischen, persischen und germanischen Sprache»).

В этой работе он рассматривает лишь одну сторону грамматического строя языка — глагольную флексию; путем сравнения форм названных в заглавии языков Бопп показывает, что эти

формы в основном сходны, что свидетельствует об их общем происхождении. О роли сопоставления с санскритом для сравнительной грамматики А. Мейе пишет следующее: «Знакомство с санскритом в двух отношениях имело решающее значение для создания сравнительной грамматики. Прежде всего, санскрит сохранил архаичную морфологию и систему согласных, позволяющие составить себе представление о том, чем мог быть индоевропейский язык; без этого ряд существенных черт этого языка остался бы навсегда неизвестным или плохо известным. Во-вторых, индийские грамматики произвели до самых мельчайших подробностей анализ фонетики и грамматики этого языка; с начала XIX в. грамматики Кольбрука, Уилкинса (1808), Кери, Форстера, список корней Уилкина (1815), издание «Амаракоши» и других туземных словарей, предпринятое Кольбруком (Калькутта, 1807), ознакомили европейских ученых с важнейшими результатами работы индийских грамматиков; в той широкой мере, в какой санскрит представляет индоевропейскую фонетику и морфологию, здесь уже был налицо независимый от греческих теорий анализ индоевропейской грамматики, достаточный для обновления лингвистических представлений и покоящийся на наблюдении фактов»¹.

Таким образом, 1816 г. может быть назван годом рождения сравнительно-исторического языкознания. До Боппа было известно, что индоевропейские языки (этот термин введен тоже Боппом) представляют собой семью родственных языков, возникших из одного праязыка. Это декларативно заявляли В. Джонс и Ф. Шлегель. Однако заслугой Боппа является то, что он сумел на основе материала родственных языков построить общую теорию. При сравнении окончаний глаголов он выяснил, что в индоевропейских языках имеются не только отдельные сходные явления, но целая система соответствий, единство грамматической системы. Его цель — выводя древний, первоначальный вид форм, объяснить явления одного языка с помощью фактов другого языка. Это явилось новым и определяющим для создания сравнительно-исторического метода.

Бопп предполагал, что своим исследованием он приближается к восстановлению «первобытного» состояния языка. Это, конечно, неверно. Поиски первоисточника анализируемых им форм — наиболее уязвимое место в копцепции Боппа. Примыкая к индийским грамматистам, он исходил из предположения, что слова производились первоначально от односложных корней. Одни корни были глагольными: *as* 'быть', *tan* 'растягивать', другие местоименными: *ta* 'тот', *ma* 'мой' и т. п. От первых, по его мнению, образовались глаголы и имена существительные, от вторых — местоимения и частицы. По мнению Боппа, окончания падежей и личные флексии глаголов также первоначально были местоименными корнями,

¹ Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. Приложение: Очерк развития сравнительной грамматики. М.—Л., 1938, с. 448.

которые с течением времени подверглись слиянию (агглютинации) с самостоятельными именными и глагольными корнями. Суффикс у латинского перфекта *atnavi* 'я любил' он объясняет как образование от корня *Blu*, латинского *fui* и т. д. Ошибался Бопп и в оценке санскрита как древнейшего из индоевропейских языков. Изменения после распада индоевропейского праязыка Бопп оценивал как постепенный упадок.

Таким образом, Бопп открыл сравнительную грамматику, по замечанию Мейе, в поисках индоевропейского праязыка, подобно Колумбу, который открыл Америку в поисках пути в Индию. Сказанное можно подтвердить словами самого Боппа: «Мы должны прежде всего познакомиться с системой спряжения древнеиндийского языка и обозреть сравнительно с ней греческое, латинское, германское и персидское спряжение, тем самым мы обнаружим их тождество, вместе с тем увидим последовательное и постепенное разрушение простого языкового организма и усмотрим тенденцию к замене его механическими сочетаниями, из чего возникло подобие нового организма, когда элементы этих сочетаний сделались неузнаваемы».

Став в 1821 г. профессором в Берлинском университете, Бопп продолжал свои исследования. В 1833—1852 гг. Бопп издал в трех томах свою главную работу «Сравнительная грамматика санскрита, зендского, армянского, греческого, латинского, старославянского, готского и немецкого языков». Он включает в исследование все новые и новые языки: вместо персидского уже находим более древний зендский (язык Авесты), появление литовских грамматик и развитие славянской филологии дают возможность включить литовский и старославянский языки, уже использован армянский язык и материалы кельтских и албанского языков. Хеттский, тохарский и некоторые другие языки были открыты значительно позже. Правда, Бопп ошибался, стремясь доказать родство с индоевропейскими языками также индонезийских и кавказских языков.

Обращение Боппа к анализу индоевропейских флексий имело также важное значение для сравнительно-исторического языкознания, ибо соответствия в системе флексий являются гарантией родственных отношений языков, так как флексии обычно не подвергаются заимствованию, чего нельзя сказать о словах и корнях языка. Бопп «почти исключительно занимался морфологией и в морфологии — анализом словоизменения, но пренебрегал изучением фонетической эволюции и ее законов; он не исследовал ни употребления форм, ни структуры предложения. После Боппа оставалось строго проследить развитие каждого языка, построить историческую фонетику, теорию употребления форм и теорию предложения, установить строгие законы и в особенности устранить умозрительные заключения о происхождении форм, в чем Бопп является приверженцем старых идей и отнюдь не основоположником нового учения,

Эта работа началась еще при жизни учителя с самого появления его первых трудов»¹.

£ 24. Расмус Раек (1787—1832). Одновременно с Боппом, но независимо от него начал сравнительно-историческое изучение индоевропейских языков датский языковед Расмус Христиан Раек. В 1811 г. он издал свою первую работу «Руководство по исландскому языку», в которой выступил против логической грамматики: «Задача грамматики не давать указания, как должно образовывать слова, а описывать, как слова образуются и изменяются».

В 1816—1823 гг. Раек путешествовал по Азии, побывал в Индии и России, но в своих работах так и не использовал языковых показаний санскрита. С 1823 г. до преждевременной смерти Раек был профессором в Копенгагене.

В 1814 г. он написал, а в 1818 г. напечатал свой главный труд «Исследование в области древнесеверного языка, или Происхождение исландского языка». Вторая часть этой работы в немецком переводе была опубликована в 1822 г. под названием «О фракийском языковом классе».

Раек открыл сходство германских языков с греческим, латинским и балто-славянскими языками и высказал много положений, остающихся актуальными до нашего времени. Так, он считает, что «ни одно средство познания происхождения народов и их родственных связей в седой древности, когда история покидает нас, не является столь важным, как язык»². Он предлагает четко различать при сравнении языков лексику и грамматику и отмечает первостепенную важность грамматических соответствий и той лексики, которая связана с самыми необходимыми понятиями, явлениями и предметами. «Если мы сравним несколько языков, стремясь к тому, чтобы это сравнение было полным и дало нам возможность судить об их родстве, древности и прочих отношениях, то мы должны непременно иметь в виду обе эти стороны языка и особенно не забывать о грамматике, так как опыт показывает, что лексические соответствия являются в высшей степени ненадежными».

Раек считает грамматические соответствия более надежным признаком родства или общности происхождения языков потому, что при взаимодействии языков чрезвычайно редко или, вернее, никогда язык не перенимает форм склонения и спряжения, но, наоборот, скорее теряет свои собственные.

¹ Мейер А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, с. 450—451.

² Звегицев В. А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях, ч. I. М., 1964, с. 40.

Раек обращает внимание на то, что слова могут менять свое значение, отмечает отличительные признаки исконных и заимствованных слов, рекомендует при исследовании производить тщательный морфологический анализ слова — «не разлагать самый корень и не затрагивать его», предлагает установить правила для «буквенных переходов», т. е. фонетических соответствий между родственными языками, справедливо полагая, что при этимологическом анализе «нет иного средства помощи, кроме значения». Именно поэтому считают, что Раек реабилитировал этимологию.

Раек не ставит перед собой несбыточных генетических задач, как это делал Бопп. Он исследовал связи скандинавских языков с другими индоевропейскими языками, не стремясь при этом к восстановлению первоначальных форм сравниваемых языков. Начав свое исследование с исландского языка, Раек сопоставляет его прежде всего с ближайшими «атлантическими» языками — гренландским, кельтским, баскским, финским и отказывает им в родстве (относительно кельтских языков он позднее изменил свои взгляды). Затем Раек сопоставляет исландский язык с ближайшим родственным норвежским, далее идет сравнение с другими скандинавскими (шведский, датский) языками. Эти языки сравниваются с другими германскими. Наконец, вся германская группа языков и ее признаки сравниваются с показаниями греческого и латинского языков, которые Раек именует «фракийскими».

В результате Раек приходит к заключению, что скандинавские и германские языки являются близкими ветвями и что они вместе со славянской и балтийской языковыми группами имеют свой источник в «древнефракийском» языке, под которым понимается вымерший праязык или язык доисторических времен юго-восточной Европы. Так как, по его мнению, «греческий и латинский являются самыми древними и единственными его пережитками, то они должны рассматриваться как источники исландского языка».

А. Мейе дает следующую сравнительную оценку трудов Раска и Боппа: «Раек значительно уступает Боппу в том отношении, что не привлекает санскрита, но он указывает на исконное тождество сближаемых языков, не увлекаясь тщетными попытками объяснения первоначальных форм; он довольствуется, например, утверждением, что каждое окончание исландского языка можно в более или менее ясном виде отыскать в греческом и в латинском, и в этом отношении его книга более научная и менее устарела, чем сочинения Боппа»¹.

§ 25. **А. Х. Востоков (1781—1864).** Александр Христофорович Востоков относится к основоположникам сравнительно-исторического метода на славянском языковом материале. Основные работы Востокова — «Рассуждение о славянском языке» (1820), «Русская грамматика» (1831), «Опыт словаря областного великорусско-

¹ Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, С. 451.

го языка» (1852), «Словарь церковнославянского языка» (1858—1861). Филологические труды Востокова, в основном полеографические и по истории отдельных памятников славянской письменности, издал И. И. Срезневский в книге «Филологические наблюдения А. Х. Востокова» (1865). С 1826 г. Востоков состоял членом Российской Академии и членом-корреспондентом Академии наук, в 1841 г. он избирается академиком. Востоков был интересным поэтом. Вследствие физического недостатка — заикания он не мог вести преподавательскую деятельность, а состоял хранителем библиотеки Румянцевского музея.

Эпохальное значение имело небольшое «Рассуждение о славянском языке» Востокова, напечатанное в 1820 г. в «Трудах Общества любителей российской словесности». В нем Востоков начинает с обозрения славянских языков, повторяет классификацию Добровского на восточные и западные славянские языки, но основное внимание уделяет выяснению места старославянского языка и его отношения к русскому, сербскому и другим языкам. Сопоставляя корни и грамматические формы живых славянских языков со старославянскими фактами, Востоков сумел разгадать непонятные до него факты старославянских памятников. Прежде всего, он определил звуковое значение «юсов» — большого и малого, произведя сопоставление ряда старославянских слов со словами польского языка, сохранившего носовые гласные. Это сопоставление фактов мертвых языков с фактами живых языков и диалектов было новшеством и позднее стало всеобщим достоянием сравнительной грамматики.

Востоков пишет: «Разность диалектов, существовавшая, без сомнения, в самой глубокой уже древности у разных поколений славянских, не касалась в то время еще до склонений, спряжений и других грамматических форм, а состояла большею частью только в различии выговора и в употреблении некоторых особенных слов». Например, русские издавна говорили *волость*, а не *власть*, *город*, а не *град*, *берег*, а не *брег*, *ночь*, а не *нощь*, *вожь*, а не *вождь* и т. п. Но чем глубже в древность идут памятники разных славянских диалектов, тем ближе они между собой. Востоков полагает, что «во время Константина и Мефодия все племена славянские, как западные, так и восточные, могли разуместь друг другу так же легко, как теперь, например, архангелогородец или донской житель разумеет москвича или сибиряка». Таким образом, Востоков понимал, что славянский праязык распался на диалекты, которые дифференцировались постепенно, увеличивая «грамматическую разность», пока не стали отдельными языками.

На примере носовых гласных, развития праславянских сочетаний *Ц, dj* и *Ы* перед гласными переднего ряда Востоков показывает характер звуковых соответствий в родственных языках и развитие различных сочетаний в разных языках и диалектах от одной предполагаемой формы до современных фактов. Этот метод реконструкции не засвидетельствованных письменными памятниками форм также имеет общеметодологическое значение, выходит за пределы славянского языкового материала и является вкладом в мировое языкознание.

Полемизируя с мнением Добровского о сербском происхождении старославянского языка, Востоков вместе с тем отверг и представление о старославянском как о праязыке, ибо он «не мог быть коренным или первобытным языком всего народа славянского, разделенного тогда на многие племена и на великом пространстве Европы рассеянного: он был наречием одного какого-нибудь племени». Востоков четко различает старославянский и русский языки, отмечая, что старославянский, «на который переложены библейские книги, был не только у сербов, как полагает Добровский, но и у русских славян едва ли не в общенародном употреблении». Востоков принципиально различает древнерусский язык, на котором написаны «Русская правда» и «Слово о полку Игореве», от церковнославянского. Недаром он сравнивает старославянский с книжным языком, каким для западного духовенства был латинский. По его мнению, в таком же употреблении был славянский язык в России среди духовенства, пока народный русский язык не сделался книжным. Востоков подчеркивает также и глубокое воздействие старославянского на литературный русский язык. Он пишет: «Правда, что и русский простонародный язык весьма несходен стал не только со славянским, но даже с русским же книжным языком, обогатившимся многими словами из церковнославянского и поправляющим по оному выговор свой и правописание... Какому бы диалекту первоначально ни принадлежал язык церковных славянских книг, он сделался теперь как бы собственностью россиян, которые лучше других славян понимают сей язык и более других воспользовались оным для обогащения и для очищения собственного своего народного диалекта».

В последующие годы Востоков продолжал научное изучение и особенно издание древних славянских рукописей, без чего изучение старославянского языка не представлялось возможным. Он составил образцовое «Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музея» (1842), в котором уже последовательно различаются болгарский, сербский, русский и южнорусский (украинский) изводы старославянского языка. Это позволило на практике осуществить периодизацию этого языка на древний, средний и новый периоды, отличить прежде всего старославянский язык от среднеболгарской его трансформации. В 1843 г. Востоков осуществил научное издание Остромирова евангелия о превосходным лингвистическим комментарием.

Якоб Гримм

§ 26. Якоб Гримм (1785-1863). Подобно Востокову, исследовавшему славянские языки, Я. Гримм исследовал с помощью сравнительно-исторического метода одну языковую группу — германскую. Важное значение имеет его «Немецкая грамматика» («Deutsche Grammatik») в четырех томах. Собственно, это историческая грамматика немецкого языка на широком фоне сравнения со всеми другими германскими языками, начиная с первых письменных памятников. Первый том этого труда вышел в 1819 г. Второе, радикально переработанное издание первого тома, который включал в себя историческую фонетику германских языков, в том числе и закон

передвижения согласных в германских языках, вышло в 1822 г. Все четыре тома были завершены в 1837 г. «История немецкого языка» («Geschichte der deutschen Sprache») появилась в 1848 г. В своем большом «Немецком словаре» Я. Гримм стремился охватить словарный состав немецкого языка от Лютера до Гёте. Первый том вышел в 1854 г., последний — только через сто лет, в 1960 г.

Работа Гримма оказала исключительное влияние на разработку истории отдельных индоевропейских языков своим практическим подходом к изучению языковых фактов. Гримм не занимается в «Немецкой грамматике» выдвиганием общих языковедческих теорий или смелых предложений, он осуществляет исторический подход к изучению родственных языков и излагает действительное движение грамматических форм в германских языках. Несомненно, что многим исследователям (из русских — Ф. И. Буслаеву) импонировал тезис Гримма: «Наш язык — это также наша история», который мастерски был осуществлен им на практике. Другим принципом Гримма было стремление к тщательному изучению фактов. Он говорил: «В грамматике я чужд общелогических понятий. Они, как кажется, привносят с собой строгость и четкость в определениях, но они мешают наблюдению, которое я считаю душой языкового исследования». Следование этим принципам позволило Гримму на большом материале доказать и обосновать отмеченный уже Раском и другим датским языковедом Я.-Бредслорфом (1790—1841) закон первого германского передвижения согласных, по которому система смычных согласных всех германских языков передвинулась на одну ступень: индоевропейские придыхательные *bh, dh, gh* изменились в германском в *b, d, g*; индоевр. *b, d, g-y-* герм. *p, t, k*; индоевр. *p, t, &->* герм. */, th, h* (ср. лат. *pater* — нем. *Vater*, лат. *cogni* — нем. *Nom*, лат. *duo* — нем. *zwei* (из *twel*).

Это был первый образец фонетических законов, на признании и познании которых строится современная история любого языка.

А. Мейе отмечает,- что «Немецкая грамматика» Гримма «была первым описанием целой группы диалектов, начиная с самых древних засвидетельствованных форм, и тем самым послужила образцом для последующих исследований других групп диалектов, засвидетельствованных древними документами; самые мелкие подробности отмечаются в ней со старанием или, лучше сказать, с благоговением; нотонкаяи сложная игра действий и воздействий, которыми разъясняются языковые явления, еще полностью не освещена, это скорее собрание наблюдений, а не объяснений»¹.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Дельбрюк Б. Введение в изучение индоевропейских языков. М., 1904.
Десницкая А. В. Вопросы изучения родства индоевропейских языков. М.—Л., 1955.
Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954.
Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938.
Шрадер О. Индоевропейцы. Спб., 1913.

¹ Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, с. 452.

**ВОЗНИКНОВЕНИЕ ОБЩЕГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ
(ЯЗЫКОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ В. ГУМБОЛЬДТА)**

§ 27. Вильгельм Гумбольдт (1767—1835). Гумбольдт был разносторонне образованным человеком, «одним из величайших людей Германии», как оценил его В. Томсен¹. Он занимался языкознанием, литературоведением, философией, был политическим деятелем и дипломатом. Лингвистические познания Гумбольдта были необычайно обширны: его отличало глубокое знание не только индоевропейских языков, но и других языков мира — от баскского до малайско-полинезийских и индейских языков Америки. Подобная эрудиция и лингвистический диапазон позволили ему сделать основательные и безупречные в фактическом отношении выводы. Своими трудами он заложил основы общего теоретического языкознания, поставив и разрешив (правда, в идеалистическом духе) ряд важнейших проблем языкознания и оказав глубочайшее влияние на последующее развитие лингвистики. В этом отношении его можно поставить в один ряд с такими лингвистами, как Бопп и Соссюр, Фортунатов и Бодуэн де Куртенэ, оказавшими глубокое и длительное влияние на деятельность целых лингвистических школ. Если Бопп пренебрегал общими идеями науки о языке, предпочитая выяснять точные подробности, то Гумбольдт, напротив, в своих работах излагал исключительно общие идеи языковедческого и философского характера, устанавливал типы языковых структур, начал построение научной теории языка, основанной на применении сравнительно-исторического метода и на привлечении языков разного типа.

Первой лингвистической работой Гумбольдта был доклад «О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития» (1820). В последующие годы он работал над своим основным трехтомным сочинением «О языке кави на острове Ява» («Über die Kawisprache auf der Insel Java»), опубликованным уже посмертно его братом А. Гумбольдтом в 1836—1840 гг. Чрезвычайно важное значение имеет теоретическое введение к этому труду «О различии строения человеческих языков и его влиянии

¹ Тоисен В. История языковедения до конца XIX века, с. 64.

на духовное развитие человеческого рода» («Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluß auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts»).

Именно в этой работе содержится наиболее полное изложение взглядов Гумбольдта на язык.

§ 28. Основные положения концепции

Гумбольдта. Гумбольдт считал, что языкознание должно стремиться к созданию собственных методов изучения языка. «Сравнительное изучение языков только в том случае сможет привести к верным и существенным выводам о языке, развитии народов и образовании человечества, если оно станет предметом самостоятельного исследования, направленного на выполнение своих задач и следующего своим целям».

Создавая философию языка, Гумбольдт в своих построениях следует философии Канта, а отчасти Фихте и Шеллинга. Следуя Канту, он рассматривает сознание в качестве особого начала, независимого от объективно существующей материальной природы и развивающегося по своим особым законам. Он считает, что «язык есть душа во всей ее совокупности. Он развивается по законам духа». В плане агностицизма трактуется и связь звуковой материи языка со значением в языке: «Как часть человеческого организма, тесно связанная с внутренними духовными силами, она находится в зависимости от общих склонностей народа, но сущность и причины этой зависимости представляют непроницаемую тайну». Об этой черте философии Канта В. И. Ленин писал: «Когда Кант допускает, что нашим представлениям соответствует нечто вне нас, какая-то вещь в себе, — то тут Кант материалист. Когда он объявляет эту вещь в себе непознаваемой, трансцендентной, потусторонней, — Кант выступает как идеалист»¹. Наряду с этим Гумбольдт постоянно подчеркивает и стремится глубоко раскрыть связь языка и мышления. Он заявляет, что «язык есть орган, образующий мысль. Умственная деятельность — совершенно духовная, глубоко внутренняя и проходящая бесследно — посредством звука речи материализуется и становится доступной для чувственного восприятия. Деятельность мышления и язык представляют поэтому неразрывное единство». Конечно, между этими правильными формулировками и агностицизмом имеется противоречие, но подобных противоречий при исходных идеалистических позициях и тонких диалектических рассуждений у Гумбольдта очень много.

„Вильгельм Гумбольдт“

¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 18, с. 206.

Гумбольдт подчеркивает эволюцию, развитие языка. По его мнению, язык никогда не может быть мертвым произведением. «Язык есть не продукт деятельности (*ergon*), а деятельность (*ephegeia*). Его истинное определение поэтому может быть только генетическим». Каждое поколение получает от предыдущего язык в готовом виде, но в этих готовых формах содержится все для обновления языка и вечного движения его в результате человеческого творчества. Подобная трактовка языка Гумбольдтом предвосхищает последующее разграничение диахронии и синхронии, на котором настаивали Бодуэн де Куртенэ и в особенности Соссюр. Вместе с тем взгляды Гумбольдта во многом противоречат тому, что мы видели у основоположников сравнительно-исторического языкознания. Он много занимался языками различных систем, а также так называемыми примитивными языками. В этом плане Гумбольдт сравнивал различные языки с чисто структурной стороны, не обращая внимания на их генетическое родство. Устанавливая общие принципы лингвистического исследования, он подчеркивал значение функции (роли тех или иных элементов) в языке: «Расчленение строения языков, необходимое для их изучения, может привести к выводу, что они представляют собой некий способ достижения определенными средствами определенной цели». Гумбольдт живо чувствовал особый характер каждого языка и был способен быстро отмечать его особенности.

Гумбольдт, первым обратил внимание на системный характер языка. По его мнению, язык — это внутренне взаимосвязанный организм. «Характерная форма языка отражается в его мельчайших элементах, и вместе с тем каждый из этих элементов тем или иным и не всегда ясным образом определяется языком». Деление языка на составные части — результат научной абстракции и классифицирующей деятельности человека. «Для того чтобы человек мог понять хотя бы одно-единственное слово не просто как душевное побуждение, а как членораздельный звук, обозначающий понятие, весь язык полностью и во всех своих связях уже должен быть заложен в нем. В языке нет ничего единичного, каждый отдельный его элемент проявляет себя лишь как часть целого». Гумбольдт заметил, что язык состоит не только из фактов, из достигнутого состояния, но в нем, в его системе заключены способы, посредством которых осуществляется дальнейшее развитие. По его мнению, «язык как совокупность его продуктов отличается от отдельных актов речевой деятельности». Уже прочно оформившиеся элементы образуют в известном смысле мертвую массу, но в ней заключается живой зародыш нескончаемых изменений. Подобное разграничение приводит к выделению в языковой деятельности двух моментов — языка и речи.

Поразительно тонкие диалектические формулировки характеризуют позицию Гумбольдта: «Речь строится не из предшествующих ей слов, а, наоборот, слова возникают из речи: ...для предложения и речи язык устанавливает только регулирующие схемы,

предоставляя индивидуальное оформление их произволу говорящего».

Гумбольдт, подчеркнув мыслительную функцию языка, большое внимание уделяет звуковой стороне языка и его коммуникативной функции. «В действительности язык развивается только в обществе, и человек понимает себя постольку, поскольку опытом установлено, что его слова понятны также и другим». В беспорядочном хаосе слов и правил, которые обычно именуют языком, наличествуют только отдельные элементы, воспроизводимые речевой деятельностью. Сущность языка заключается в его воспроизведении. Поэтому следует сосредоточивать внимание на связной речи. По Гумбольдту, язык представляет собой непрерывную деятельность духа, стремящуюся превратить звук в выражение мысли. «При рассмотрении языка вообще или же при анализе конкретных и отличающихся друг от друга языков мы сталкиваемся с двумя явлениями — звуковой формой и ее употреблением для обозначения предметов и для связи мыслей». Звуковая форма — это ведущий принцип различия между языками. Процесс употребления осуществляется требованиями, которые предъявляет мышление языку, вследствие чего возникают общие законы языка. Этим, в частности, объясняется тождество обозначений, передачи понятий в разных языках, не имеющее отношения к генетическим связям.

Гумбольдт считал, что понятие, хотя и в неформившемся виде, предшествует слову, которое только оформляет и фиксирует понятие. В связи с таким пониманием структуры языка становится понятной и его формулировка: «В языке таким чудесным образом сочетается индивидуальное со всеобщим, что одинаково правильно сказать, что весь род человеческий говорит на одном языке и что каждый человек обладает своим языком».

Последняя цитата из труда ученого вынуждает выяснять характер отношений между индивидуальным и общественным факторами в функционировании языка. Язык, по Гумбольдту, является средством самовыражения индивида, это орган внутреннего бытия, само это бытие, находящееся в процессе внутреннего самопознания и проявления. Эта индивидуалистическая и произвольная трактовка сущности языка нашла развитие в лингвистических работах К. Фосслера, Б. Кроче и многих современных негумбольдтианцев. Как же связать индивидуалистическое объяснение языка с его общественной сущностью, которую Гумбольдт не может игнорировать? Эта связь, как и следовало ожидать, у него оказывается чрезвычайно противоречивой. С одной стороны, он подчеркивает, что «речевая деятельность даже в самых своих простейших формах есть соединение индивидуальных восприятий с общей природой человека». Понимая, что ссылки на природу человека мало что объясняют, и не зная законов развития общества, Гумбольдт выдвигает идею «национального мировоззрения», «народного духа», которым якобы руководствуется развитие языка и которое способно объяснить раз-

личие человеческих языков. Это самая спорная и малоубедительная сторона концепции Гумбольдта.

В языке, по мнению Гумбольдта, фиксируется определенное мировоззрение, отражающее духовные качества народа — его носителя. «Язык всеми тончайшими фибрами своих корней связан с народным духом... Духовное своеобразие и строение языка народа настолько глубоко проникают друг в друга, что, коль скоро существует одно, другое можно вывести из него... язык есть как бы внешнее проявление духа народа, язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык — трудно себе представить что-либо более тождественное». Подобная абсолютизация национальных особенностей связана у Гумбольдта со своеобразным пониманием взаимоотношений между человеком и его мышлением, языком и объективной действительностью. Гумбольдт преувеличивал значение языка и полагал, что язык находится между человеком и воздействующим на него внешним миром. Активная роль языка приводит к тому, что он рисует умственному взору каждого человека картину внешнего мира в соответствии с особенностями того мировоззрения, которое отражено в языке. Гумбольдт утверждал: «Если звук стоит между предметом и человеком, то весь язык в целом находится между человеком и воздействующей на него внутренним и внешним образом природой... Так как восприятие и деятельность человека зависят от его представлений, то его отношение к предметам целиком обусловлено языком».

Против подобных рассуждений Гумбольдта резко выступал русский материалист и революционер Н. Г. Чернышевский. Он указывал на невозможность зависимости умственной полноценности народа от строя языка. В статье «О классификации людей по языку» Чернышевский писал: «Не в том главное дело, каковы формы языка, а в том, каково умственное состояние народа, говорящего языком»¹. Человек, по Гумбольдту, оказывается в своем восприятии мира целиком подчиненным языку, который ведет этого слепца по истории, как поводырь. Практическая деятельность людей, следовательно, совершенно исключается, а язык оказывается в какой-то степени творцом существующего мира. «Тем же самым актом, посредством которого он из себя создает язык, человек отдает себя в его власть, каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, из пределов которого можно выйти только в том случае, если вступаешь в другой круг». Изучение иностранного языка можно поэтому сравнить с приобретением новой точки зрения в прежнем миропонимании. На таком понимании Гумбольдт строил свое учение о внутренней форме языка, отражающей особенности национального мировоззрения, и о внутренней форме слова, в которой отражаются отличительные и мотивирующие признаки каждого языка при наименовании понятий.

¹ Чернышевский Н. Г. Поли. собр. соч., т. 10. М., 1951.

§ 29. Значение деятельности Гумбольдта. В своей деятельности Гумбольдт выступал за типологическую сопоставительную грамматику родственных и неродственных языков. Он отрицал дедуктивную общую грамматику, которая стремилась в свои готовые логические схемы втиснуть все языки мира, игнорируя самобытность каждого языка. Ярким представителем подобного направления был в то время К- Ф. Беккер, который в своей «Подробной немецкой грамматике» (1836) исходил из логических категорий Гегеля.

Именно поэтому А. А. Потебня и дает категоричную оценку Гумбольдта и Беккера: «Крайне ошибочно было бы сравнивать знаменитые антиномии Гумбольдта с невольными и бессознательными логическими ошибками вроде тех, какие мы видим у Беккера. Разница между Гумбольдтом и Беккером та, что первый — великий мыслитель, который постоянно чувствует, что могучие порывы его мысли бессильны перед трудностью задачи, и постоянно останавливается перед неизвестным, а второй в нескольких мелких фразах видит ключ ко всем тайнам жизни и языка; первый, заблуждаясь, указывает новые пути науке, а второй только на себе доказывает негодность старых. Решить вопрос о происхождении языка и отношении его к мысли, по Беккеру — значит назвать язык организмом, по Гумбольдту — примирить существующие в языке противоречия речи и понимания, субъекта и объекта, неделимого и народа»¹.

Действительно, великий мыслитель ратовал за индуктивную, основанную на фактах, сопоставительную грамматику, которая выявила бы различные способы передачи одного и того же значения в различных языках. «Многообразие форм, в которое облекается одно и то же содержание, — утверждал Гумбольдт, — может быть бесконечным». Таким образом, соотнося факты различных языков с одинаковой функцией, Гумбольдт надеялся проникнуть в тайну языка как средства образования мыслей.

Большое значение для развития языковедческой мысли имели диалектические противоречия (антиномии, т. е. противоречия между двумя взаимоисключающими положениями, каждое из которых признается доказуемым), которые наметил Гумбольдт при изучении языка. В частности, отметим:

1. Противоречие между социальным и индивидуальным моментами в языке. Язык одновременно является принадлежностью индивида и отражает общественные и национальные факторы.

2. Противоречие между завершением развития языка в данный момент и его непрерывным развитием.

3. Язык как совокупность определенных фактов и вместилище приемов, с помощью которых развивается речь.

4. Язык как определенная система и в то же время реализация в виде отдельных актов речевой деятельности.

5. Язык как средство объективизации мысли, доступной благодаря этому и для других, и язык как стимул мысли слушающего.

¹ Потебня А. Мысль и язык. Харьков, 1913, с. 32.

6. Стремление отличить логические формы мышления от языковых форм, в частности грамматических, хотя Гумбольдт настаивал на влиянии системы языка на характер мышления.

Все эти важнейшие проблемы на конкретном материале и в различной связи обсуждались и развивались последующими лингвистами и целыми направлениями. Поэтому многие лингвистические идеи Гумбольдта оказывали многостороннее влияние на языкознание XIX и XX вв.

Убеждение Гумбольдта, что язык представляет собой систему, организм, органическое целое, сказалось в концепциях А. Шлейхера, И. А. Бодуэна де Куртенэ, Ф. де Соссюра, а через последнего на современном языкознании.

Стремление Гумбольдта рассматривать язык в его неразрывной связи с духовной жизнью и мышлением отдельных индивидуумов, его индивидуалистическая точка зрения повлияли на взгляды Г. Штейнталя, А. А. Потебни и на построения психологической школы в языкознании.

Тезис Гумбольдта о социальной стороне языка, о том, что язык поднимается над индивидами, обусловил многие положения социологической школы Ф. де Соссюра, А. Мейе, Ж- Вандриеса и др.

Рассмотрение Гумбольдтом языка как творческой деятельности индивида при создании культуры в немалой степени повлияло на взгляды А. А. Потебни, К. Фосслера, Б. Кроче и других представителей эстетического направления в языкознании.

Гумбольдтовское понятие «народного духа» лежит в основе этнолингвистики, считающей каждый язык воплощением особой этнической культуры, народного духа, национального мировоззрения и языкового гения. Сюда же примыкают и другие разновидности неогумбольдтианства в зарубежных странах.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Потебня А. А. Мысль и язык. Изд. 3-е. Харьков, 1913.

Чернышевский Н. Г. О классификации людей по языку. — Поли, собр. соч. Т. 10. М., 1951.

Гайм Ф. Вильгельм фон Гумбольдт. Описание его жизни и характеристика. М., 1898.

Павлов В. М. Философская основа неогумбольдтианского направления. — «Вопросы общего языкознания». Л., 1967.

Павлов В. М. Проблема языка и мышления в трудах В. Гумбольдта и в неогумбольдтианском языкознании. — Язык и мышление. М., 1967.

Рабинович Г. В. Некоторые вопросы лингвистической теории В. Гумбольдта. Тбилиси, 1960.

ГЛАВА 6

РАЗВИТИЕ СРАВНИТЕЛЬНО- ИСТОРИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ И НАТУРАЛИСТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ (А. ШЛЕЙХЕР)

§ 30. Развитие и применение сравнительно-исторического метода при изучении языковых групп. В трудах основоположников сравнительно-исторического языкознания новый метод был намечен в общих чертах применительно к отдельным группам индоевропейских языков. В последующий период произошло уточнение и конкретизация сравнительно-исторического метода. Особенно показательным явилось применение сравнительно-исторического подхода к романским и германским языкам. Ф. Соссюр об этом пишет следующее: «Романисты находились в условиях гораздо более благоприятных, чем индоевропеисты, поскольку им был известен латинский язык, прототип романских языков, и поскольку обилие документов позволяло им детально проследживать эволюцию отдельных романских языков. Оба эти обстоятельства ограничивали область гипотетических построений и сообщали всем изысканиям романистики в высшей степени конкретный облик. Германисты находились в аналогичном положении: правда, прагерманский язык непосредственно не известен, но зато история происходящих от него языков может быть прослежена на материале многочисленных документов, сквозь длинный ряд столетий. Поэтому-то германисты, как более близкие к реальности, и пришли к воззрениям, отличным от воззрений первых индоевропеистов»¹.

Большие заслуги в деле развития и усовершенствования методики сравнительно-исторического языкознания принадлежат **Августу Фридриху Потту** (1802—1887), немецкому исследователю, главным трудом которого были «Этимологические исследования в области индогерманских языков, с особым упором на переход звуков в санскрите, греческом, латинском, литовском и готском языках» (2 тома, 1833—1836; второе издание в 6 томах, 1859—1876). Потт заложил научные основы этимологии — науки о происхождении и первоначальном значении слов. Он отдавал себе отчет в том, что без строгих звуковых соответствий между словами родственных языков этимологии не имеют доказательной силы. Именно Потту

¹ Де Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. М., 1933, с. 31.

принадлежит заслуга разработки сравнительной фонетики индоевропейских языков. Младограмматики считали его одним из своих предшественников.

Вторым видным языковедом был также немец **Адальберт Кун** (1812—1881) — основатель лингвистической палеонтологии и сравнительной мифологии. Для лингвистической палеонтологии первостепенное значение имеют слова и их значения, которые являются своего рода культурно-историческим документом и по которым можно в известной степени судить о древнейшем быте и культуре народов. Сказанное относится как к словам общего языка,

так и к географическим названиям, о которых еще Лейбниц писал: «Так как названия рек обыкновенно ведут свое начало от самой глубокой, известной нам древности, то по ним лучше всего судить о старом языке и о древних жителях».

Лингвистическая палеонтология, исследуя язык как исторический источник, может давать ответы на следующие вопросы: во-первых, с какими народами данный народ связан по своему происхождению; во-вторых, какими были быт и культура этого народа в древние времена; в-третьих, с какими народами соприкасался данный народ, что он получил из языка других народов и что взял сам.

Однако позднее стало ясно, что картина экономической, общественной и культурной жизни древних народов, составленная только по данным языка, всегда будет неполной и отрывочной. Эти материалы нуждаются в комплексной проверке данными археологии, истории, этнографии, фольклора, антропологии. Полезно также исследовать историю слов и историю вещей, которые ими называются. У истоков лингвистической палеонтологии индоевропейских народов и стоял А. Кун. После него наибольшую активность проявлял немецкий исследователь **Отто Шрадер**¹.

В работах последователей Боппа новый метод был развит применительно к отдельным группам индоевропейских языков. В первую очередь обращено было внимание на санскрит, не только из-за той роли, которую он сыграл при сравнении с родственными языками, но и ради самого языка, что привело к развитию индийской филологии.

Изучение древнеиндийских грамматистов принесло богатые плоды. Санскрит изучали немцы **Теодор Бенфей** (1809—1881), **Макс Мюллер** (1823—1900), американец **В. Д. Уигни** (1827—1894). О. Бетлинг и Р. Рот составили большой санскритско-немецкий сло-

¹ См. перевод книги: Шрадер О. Сравнительное языковедение и первоисточники. Лингвистическо-исторические материалы для исследования индоевропейской древности. Спб., 1880.

Георг Курциус

Фридрих Диц

варь, изданный Российской Академией наук в Петербурге в 1853—1875 гг. (7 томов). «То, что ученые подчас слишком далеко заходили в своем восхищении всем тем новым, что при этом открывалось, то, что значение санскрита переоценивали и формы этого языка считали непременно древнее и значительнее форм всех других языков, то, что некоторые доходили даже до того, что начинали видеть в санскрите праязык всех других родственных языков, — все это мы теперь прекрасно можем понять, тем более что мы должны признать, что тогда было много обстоятельств, делавших подобные преувеличения извинительными», — пишет В. Томсен.

Развитие сравнительного языкознания с упором на санскрит долгое время не встречало признания со стороны классической филологии. Этот разрыв первым преодолел немецкий филолог-классик **Георг Курциус** (1820—1885). Он начал последовательно применять сравнительно-исторический метод при изучении греческого языка. Главная его работа — «Основные черты греческой этимологии» («Grundztige der griechischen Etymologic», 1858—1862).

Основоположником сравнительно-исторического исследования романских языков был немецкий романист **Фридрих Диц** (1794—1876). Основываясь на работах Боппа и Гримма, он в 1836—1843 гг. издает в Бонне трехтомную «Грамматику романских языков». В 1854 г. Диц издает «Этимологический словарь романских языков» — естественное и необходимое дополнение к «Грамматике».

Об исследовании славянских языков Добровским и Востоковым уже было сказано. В начале XIX в. происходило бурное развитие славянской филологии. Каждый славянский народ, большой и малый, выдвигает ряд ученых, которые принимаются за глубокое изучение родного языка, отечественной истории и литературы. Это был период так называемого возрождения славянских народов, обусловленный развитием капитализма, процессом складывания буржуазных славянских наций и мощным подъемом национально-освободительной борьбы южных и западных славян. Рост национального самосознания славянских народов обусловил закономер-

Павел Шафарик

Франц Миклошич

ный интерес к языковому родству и к тем элементам культуры, которые сближали славянские народы между собой.

Такие деятели чешского национально-культурного движения, как Иосиф Юнгманн (1773—1847), словаки Ян Коллар (1793—1852) и Павел Шафарик (1795—1861), выступили в защиту родного языка, пропагандировали идею славянской взаимности, приступили к серьезному изучению истории, литературы и этнографии славян. П. Шафарик в 1826 г. издает «Историю славянского языка и литературы на всех наречиях» («Geschichte der slavischen Sprache und Literatur in alien Mundarten») — первое обозрение славянских языков и литератур. В 1837 г. он издает «Славянские древности», содержащие анализ всех известий о древних славянах. Много занимался старославянскими памятниками словенец Бартоломей Копитар (1780—1844).

В Польше выдающимся филологом был Самуил Линде (1771—1847).

В Сербии развернулась деятельность Вука Караджича (1787—1864) — создателя сербского литературного языка и борца за народность литературы.

В России проходила деятельность таких известных славистов, как Осип Максимович Бодянский (1808—1877), Измаил Иванович Срезневский (1812—1880) и Виктор Иванович Григорович (1815—1876). Много сделал для исследования старославянского языка и сравнения его с литовским А. Шлейхер, который издал в 1852 г. работу «Морфология церковнославянского языка», а в 1855—1857 гг. исследование «Руководство по изучению литовского языка».

Однако истинным создателем славянского сравнительно-исторического языкознания явился словенец Франц Миклошич. Он был автором первой «Сравнительной грамматики славянских языков» («Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen»), Первый том «Фонетика» появился в 1852 г., второй «Морфология» — в 1856 г., третий «Синтаксис» — только в 1874 г.

Эта работа состоит из описания материала отдельных славянских языков, причем первое место отводится старославянскому языку. Анализ фактов старославянского языка проведен на фоне языка праславянского, что сохраняется в учебном процессе и в настоящее время. В 1875 — 1883 г. Миклошич выпускает второе издание своей сравнительной грамматики, дополнив ее разделом о словообразовании,

Миклошич много занимался изучением лексики славянских языков. Результатом этих занятий явились два ставших этапными в истории лексикографии словаря: «Старославянско-греко-латинский словарь» (1862—1865) и «Этимологический словарь славянских языков» («*Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen*», 1886).

К русскому языку метод сравнительно-исторического исследования применил Федор Иванович Буслаев.

Август Шлейхер

§ 31. Натуралистическая концепция А. Шлейхера. Работы Ф. Боппа, открывшего родство индоевропейских языков, достойно продолжил его талантливый преемник Август Шлейхер (1821—1868). Шлейхер, кроме языкознания, изучал также ботанику и философию, что наложило известный отпечаток на его взгляды. Он преподавал сначала в Бонне, затем в Праге, а с 1857 г. в Иенском университете. В 1852 г. он издает «Морфологию церковнославянского языка», затем, после полугодового изучения литовского языка, «Литовскую грамматику» с хрестоматией и словарем (1856—1857). В 1861—1862 гг. был опубликован главный труд Шлейхера «Компендий сравнительной грамматики индоевропейских языков», подводящий итоги сравнительному изучению индоевропейских языков за истекшие полвека. Эта книга за 15 лет выдержала четыре издания. Общелингвистические взгляды Шлейхера отразились прежде всего в его «Сравнительно-лингвистических исследованиях» (две части, 1848—1850), книге «Немецкий язык» (1859) и брошюрах «Теория Дарвина и языкознание» (1863) и «О значении языка для естественной истории человека» (1865).

Обычно Шлейхера рассматривают как создателя натуралистической концепции языка, ибо он относил язык к категории живых организмов. Об этом можно судить по таким его высказываниям: «Жизнь языка не отличается существенно от жизни всех других живых организмов — растений и животных. Как и эти последние, он имеет период роста от простейших структур к более сложным формам и период старения, в который языки все более и более отдаляются от достигнутой наивысшей степени развития и их формы терпят ущерб». Вместе с тем Шлейхер понимал и существенные

отличия между языком и природным организмом, когда писал: «Понятно, что только основные черты воззрений Дарвина имеют применение к языкам. Область языков слишком различна от царств растительного и животного, чтобы совокупность рассуждений Дарвина до малейших подробностей могла иметь для нее значение».

Сопоставление языка с организмом существовало и до Шлейхера. В. Гумбольдт, в противоположность метафизическим воззрениям на язык как на неизменный механизм, подчеркивал этим сравнением, что язык — это целесообразная система, находящаяся в постоянном движении. Шлейхер стал употреблять слово «организм» в связи с языком в его прямом, биологическом смысле. Не следует думать, что Шлейхер был наивным человеком. Естественно, что занятия ботаникой могли оказать определенное влияние на его взгляды. Однако наиболее важной побудительной причиной его натурализма было стремление преодолеть господствовавшие в его время субъективно-идеалистические взгляды на язык и мышление и подчеркнуть материальную сторону языка¹ — что дух есть сам по себе высший продукт материи. Это явствует из его характеристики языка: «Язык — это воспринимаемый ухом симптом деятельности целого комплекса материальных отношений в построении мозга и речевых органов с их нервами, костями, мускулами и др.». Правда, стремясь показать материальную обусловленность духа, сознания, Шлейхер недостаточное внимание уделял общественной роли языка, что в итоге и привело его к неосторожным, иногда метафорическим сопоставлениям языка и живого организма. Прав был А. А. Потебня, говоривший: «Организм живет самостоятельно, а слово — только в устах человека».

Язык — общественное явление, а не природный организм. Язык возникает и развивается вместе с тем общественным коллективом, народом, который пользуется этим языком. Язык может погибнуть вместе с народом, может выйти из употребления, если народ перейдет на другой язык, но он бесконечно развивается, если его использует общество. Шлейхер стремился установить объективные законы развития языков, показать независимость последних от воли говорящих людей. Ср. его тезис: «Языки — это естественные организмы, которые возникли без участия человеческой воли, выросли и развились по определенным законам и в свою очередь стареют и умирают».

Кроме натурализма, в концепции Шлейхера были и другие минусы — неудачные гипотезы о двух периодах жизни и развития языка и о так называемой триаде, заимствованные из системы Гегеля. Последний в «Философии истории» (1840) высказал убеждение, что «памятники свидетельствуют о том факте, что языки, на которых говорили народы в их неразвитом состоянии, достигали весьма высокой степени развития... Далее, является фактом, что с прогрес-

¹ См.: Десницкая А. В. О лингвистической теории Августа Шлейхера (К 150-летию со дня рождения). — «Вопросы языкознания» 1971, № 6, с. 7.

сом цивилизации в обществе и в государстве это систематическое выражение ума отшлифовывается, и язык становится при этом более бедным и менее расчлененным». Этот неправильный взгляд на два периода развития языка Шлейхер, переняв у Гегеля, последовательно развивал. Он писал: «Жизнь языка распадается прежде всего, следовательно, на два совершенно отдельных периода: история развития языка (доисторический период) и история распада языковых форм (исторический период)». Против этого антиисторического взгляда выступил Я. Гримм, позднее — А. А. Потенбя, резко критиковал формулу Шлейхера «История и история языка находятся в обратном отношении» Бодуэн де Куртенэ; многие другие лингвисты также не соглашались с тем, что развитие языка является его регрессом.

К философской триаде Гегеля — тезис, антитезис и синтез — Шлейхер априорно подтягивал многие явления языка, стремясь представить их в виде тройного ряда. Так, в типологической классификации языков он различал три типа — изолирующий, агглютинирующий и флективный, игнорируя полисинтетический, или инкорпорирующий, тип, который выделял еще Гумбольдт. Шлейхер и в слове видел три составных элемента — звук, форму и функцию, среди гласных он выделял три основных звука — *a*, *i*, *u*.

Шлейхер был великим языковедом, который во многом определил пути дальнейшего развития языкознания. Его достижения касаются многих сторон и характеристик языка. Прежде всего, сохраняется ценность его рассмотрения языка в тесной связи с мышлением. «Язык, — писал Шлейхер, — есть звуковое выражение мысли, проявляющийся в звуках процесс мышления. Чувства, восприятия, волеизъявление язык прямо не выражает; язык — не непосредственное выражение чувства и воли, но только мысли... Язык имеет своей задачей создать звуковой образ представлений, понятий и существующих между ними отношений, он воплощает в звуках процесс мышления... язык посредством имеющихся в его распоряжении точных и подвижных звуков может с фотографической точностью отобразить тончайшие нюансы мыслительного процесса».

Далее, Шлейхер первым из языковедов поставил вопрос о законах развития языка. Он полагал, что языкознание должно на основе точного наблюдения над языком и языками устанавливать законы языкового развития. Шлейхер, находясь под сильным влиянием значительных успехов естествознания, рассматривал и фонетические изменения как процессы, происходящие на основе строгих и неизменных законов, подобных законам природы. Подражая натуралистам, лингвисты постепенно превратили языкознание в историю языка¹. Особенно отчетливо это сказалось на младограм-

¹ Характеристику натуралистической концепции Л. Шлейхера см. в кн.: Ч и к о б а в а А. С. Проблема языка как предмета языкознания. М., 1959, с. 33-61.

матической школе, В «Компендии сравнительной грамматики индо-германских языков» Шлейхера фонетика занимает уже третью часть книги, а объяснения грамматических форм, составлявшие основу книги Боппа, отходят на второй план.

Наряду с прослеживанием действия звуковых законов Шлейхер подчеркивал и роль аналогии, которую он поставил на службу своей общей теории развития языка. Он считал, что уже в древности ощущалось действие силы, которая ликвидирует многообразие форм, выравнивая их по более употребительным моделям. Древнее обилие грамматических форм упрощается в результате аналогии.

Шлейхер поставил и частично решил также проблему восстановления индоевропейского праязыка и проследил его развитие в каждом из ответвлений. Отношение индоевропейских языков друг к другу и последовательность их выделения он представил в виде родословного древа развития индоевропейских языков. Подобная реконструкция праязыка стала возможна, во-первых, в результате признания строгих и постоянных языковых законов, во-вторых, на базе признания допустимости перехода от исторически засвидетельствованных фактов и языков к более древним формам. «Шлейхер, — пишет А. Мейе, — реконструировал общий язык, определил его существенные черты и его эволюцию; он был не прав, видя в этой эволюции только упадок, он не сумел всегда быть верным принципу закономерности, который он теоретически признавал, но метод, им примененный, сделался с тех пор методом всех лингвистов и подчинил себе все последующее развитие науки»¹.

Наконец, Шлейхер выдвинул множество научных положений, которые были подхвачены позднейшими лингвистическими направлениями. Так, весьма плодотворным было определение языкознания как науки, изучающей строение языков, выявляющей различные типы морфологической структуры, сопоставляющей эти типы в синхронном и историческом планах. Это проблемы языковой типологии, ставшие весьма актуальными в настоящее время. Шлейхер часто указывал на отличия лингвистики от филологии. Лингвистика, по его мнению, изучает язык как таковой и не касается использования языка в определенных исторических условиях. Филология же, изучая литературные памятники, включает в себя все проблемы, относящиеся к функционированию языка и исторической жизни народов, говорящих на этих языках. Здесь Шлейхер намечает позднейшее деление лингвистики на внутреннюю и внешнюю. Шлейхер был первым лингвистом, поставившим вопрос о результатах языковых контактов и отметившим лингвистическую непрерывность фонетико-морфологических признаков, свойственных неродственным языкам, но находящимся на смежных территориях. Он писал, что «эти бросающиеся в глаза соответствия в строении географически соседствующих языковых семей мы считаем сохранивши-

¹ Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, с. 456.

мися от времен ранней и самой ранней языковой жизни. Очаги возникновения языков со сходным типом строения, вероятно, должны были находиться неподалеку друг от друга».

§ 32. Психологизм в языкознании. Наряду с бурным развитием сравнительно-исторического языкознания, накоплением новых фактических данных и установлением частных законов развития языка, продолжались поиски общетеоретических концепций, на основе которых можно было бы объяснить известные данные и методические установки, применяемые языкознанием. Натуралистическая концепция Шлейхера оказывалась слишком односторонней и вызывала протест. Принципы логической грамматики были отброшены после выступления Гумбольдта. Его понимание языка как непрерывного процесса, как творческой деятельности, как постоянного живого воспроизведения речевых фактов больше всего соответствовало господствовавшему историческому подходу к языку. Однако из богатого, диалектически насыщенного творчества Гумбольдта развиваются лишь отдельные положения. В частности, понятие «языковой деятельности» свелось к рассмотрению языка как одной из функций человеческого организма. А это неизбежно вело к отождествлению сущности языка с понятием психофизиологических процессов, осуществляемых в индивидуальном процессе речи. Основной языкознания могла стать или физиология, или психология. Преобладающей во второй половине XIX в. стала психологическая трактовка сущности и процессов развития языка.

Наиболее видным сторонником психологического направления в языкознании был последователь Гумбольдта, немецкий языковед-теоретик **Герман Штейнталь** (1823—1899). В своей книге «Грамматика, логика и психология, их принципы и взаимоотношения» (1855) Штейнталь строго определил границы языкознания и логики и одновременно обосновал тесные связи между языкознанием и психологией. Более подробно последняя проблема разобрана в его «Введении в психологию и языкознание» (изд. 2-е, 1881). В других своих работах Штейнталь способствовал популяризации типологической классификации языков, разработанной Гумбольдтом. Это — «Происхождение языка» (изд. 4-е, 1888), «Классификация языков как развитие языковой идеи» (1850), «Характеристика важнейших типов языкового строя языка» (1860), «Положения В. Гумбольдта по философии языка» (1848) и др.

Штейнталь считает, что «предметом языкознания является язык или язык в о о б щ е, т. е. выражение осознанных внутренних, психических и духовных движений, состояний и отношений посредством артикулированных звуков». Совокупное содержание внутреннего мира, которое мыслится предшествующим языку и должно быть выражено посредством языка, — второй тезис Штейнталя. Таким образом, в концепции Штейнталя основным и определяющим оказывается взаимодействие индивидуальной речи и индивидуального мышления.

Учение Гумбольдта о сложных взаимоотношениях между языком, сознанием и действительностью подменяется субъективизмом, индивидуализмом. Для объяснения связи между индивидуальными языком и мышлением Штейнталь использовал ассоциативную психологию Иоганна Фридриха Гербарта (1776—1841), исходившего из учения субъективного идеалиста Фихте, Герbart сводил всю деятельность человеческого сознания к самодвижению представлений, управляемому законами ассимиляции (т. е. объединения и закрепления тождественных или близких представлений), апперцепции (определяемости нового восприятия массой уже имеющихся в сознании представлений) и ассоциации (установления связей различного рода между представлениями). Исходя из этих законов движения представлений, Штейнталь пытался объяснить образование и развитие языка и мышления у индивида; те же законы, по его мнению, вызвали происхождение и развитие языка в человеческом обществе. При подобном психологическом и индивидуалистическом подходе к языку оставалась без внимания его общественная сущность, фактически язык отрывался от мышления и нельзя было объяснить взаимоотношения индивида и общества. Штейнталь сосредоточивает внимание на индивидуальном акте речи.

Штейнталь не мог игнорировать роль языка в обществе. По-этому он писал: «Мы совсем не можем мыслить себе человека иначе, кроме как говорящим и вследствие этого членом определенного национального коллектива, и, следовательно, не можем мыслить человечество иначе, кроме как разделенным на народы и племена». По его мнению, первоначально мыслили только сообща, каждый связывал свою мысль с мыслью своего соплеменника, и возникшая отсюда новая мысль принадлежала как тому, так и другому, подобно тому как дитя принадлежит отцу и матери. Сходная физическая организация и сходные впечатления, получаемые извне, производят сходные чувства, склонности, желания, а эти в свою очередь — сходные мысли и сходный язык. В индивидууме возникают психические образования, комплексы представлений, которые без влияния других людей или вовсе не возникли бы в нем, или же возникли бы очень поздно (как, например, доказать теорему Пифагора впервые или же выучить ее по учебнику). Подобная «психология народов» (этнопсихология), как видим, далека от общественной деятельности людей.

Штейнталь отрывает движение представлений от мышления, утверждая, что «категории языка и логики несовместимы и так же мало могут соотноситься друг с другом, как понятия круга и красного». Все его внимание сосредоточено на индивидуальном акте речи — акте целиком психическом. Все, что есть психического в развитии представлений, совершается внутри отдельной психики по общим законам индивидуальной психологии. Однако воздействие одного человека на другого, перенос содержания представлений от одного индивидуума к другому не могут быть осуществлены психическим путем. Это может быть совершено только опосре-

дованным образом — при помощи языка, звуков, физических образований.

Таким образом, в борьбе двух основных направлений общего языкознания — сторонников теории, что язык есть физическое, естественное явление, и их противников, утверждавших, что язык есть психическое явление, — на время победило последнее. Младограмматическая школа исходила из тезиса Штейнталя: «Так как дух народа живет только в индивидах и не имеет существования, особенного от индивидуального духа, то и в нем естественно совершаются, как и в последнем, только те же основные процессы, которые ближе разъясняет индивидуальная психология». За Штейнталем следует в своей теоретической книге «Принципы истории языка» («Prinzipien der Sprachgeschichte», 1880) глава младограмматиков Герман Пауль.

В России видным представителем психологического направления в языкознании, оригинальным языковедом-мыслителем был профессор Александр **Афанасьевич** Потемня, жизнь и деятельность которого связана с Харьковским университетом.

Большую известность приобрели на рубеже XX в. работы **Вильгельма** Вундта (1832—1920), который отмечал социальный характер языка, но был ярко выраженным психологистом. Язык как продукт коллективной жизни людей Вундт изучал в одном ряду с мифами к которым примыкают зачатки религии и искусства, и с обычаями включающими в себя зачатки и общие формы развития права и культуры. Это синкретическое духовное творчество Вундт изучал на базе психологии, причем он неоднократно заявлял, что факты языка его интересуют с точки зрения их полезности для психолога. В своих основных работах «Психология народов — язык» (1900), «История языка и психология языка» (1901) (полюемически направленной против Б. Дельбрюка), «Элементы психологии народов» (1912) и др. Вундт стремился подвергнуть психологической трактовке все проблемы, которыми занимались младограмматики: фонетические и семантические изменения, формы слов, происхождение языка, дифференциация в языке и т. п. Отвергая ассоциативную психологию Гербарта, Вундт создал систему волюнтаристской психологии, которая основой психической жизни человека считает не интеллект, а волю. Вундт резко выступал против индивидуализма младограмматиков, в частности Г. Пауля: «Пауль совершенно не принимает в расчет того факта, что язык, мифы, обычаи создаются именно обществом и при развитии их во всех существенных отношениях общество определяет индивидуум; индивидуум же не определяет общество даже каким-либо косвенным образом». Однако общая социальная направленность психологической системы Вундта — коллективный психологизм — мало в чем отличается от индивидуальной психологии. И в том, и в другом случаях язык рассматривается не как средство общения людей, а только как орудие выражения мысли. Поэтому характеристика А. Мейе справедлива лишь отчасти: «Девятнадцатый век был веком истории, и успехи, достиг-

нутые лингвистикой при помощи исторической точки зрения, паразитительны. Социальные науки формируются теперь, и лингвистика должна тут занять место, подобающее ей в соответствии с ее природой».

§33. К. Маркс и Ф. Энгельс о проблемах языкознания. Маркс и Энгельс, разрабатывая диалектический материализм и обосновывая материалистическое понимание человеческой истории, проявляли живой интерес к проблемам языка как в теоретическом, так и в практическом плане. Их высказывания являются прочной основой при решении важнейших вопросов языкознания. Вместе с тем в их трудах мы находим глубокую оценку современного им языкознания. Уже в ранней работе «Немецкая идеология» (1846) основоположники марксизма выступили с материалистическим истолкованием коммуникативной функции языка, происхождения и связи языка и мышления, направленным против идеалистических теорий, имевших тогда хождение в Германии (в том числе против Гумбольдта). В соответствии с материалистической философией утверждается первичность материи, ибо мысль не существует в чистом виде, а закрепляется в природной материальной форме, в качестве которой и выступает язык. Утверждается не только общая (сознание невозможно без языка, не может быть «неодухотворенного» языка) связь языка и сознания, но и их генетическое единство. Язык и сознание — явления общественные, социальные. Они возникли для удовлетворения потребности людей в общении, так как человеческое общество немислимо без языка. «На «духе» с самого начала лежит проклятие — быть «отягощенным» материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, звуков — словом в виде языка. Язык так же древен, как и сознание; язык *есть* практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоящей необходимости общения с другими людьми»¹. Вместе с тем Энгельс считал, что нет оснований отрицать наличие генетических корней мышления и речи в животном царстве. По его мнению, «нам общи с животными все виды рассудочной деятельности: индукция, дедукция, следовательно, также абстрагирование ...анализ ...синтез»². Это наблюдение имеет важное значение, так как позволяет перейти от мира животных к человеку, причем именно язык явился катализатором мышления и общественного бытия людей.

Ф. Энгельс в работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» вновь возвращается к проблеме происхождения языка. Он связывает возникновение как человека, так и языка с процессом труда. «Развитие труда, — пишет Энгельс, — по не-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 29.

² Там же, т. 20, с. 178.

обходимости способствовало более тесному сплочению членов общества, так как благодаря ему стали более часты случаи взаимной поддержки, совместной деятельности, и стало ясней сознание пользы этой совместной деятельности для каждого отдельного члена. Коротко говоря, формировавшиеся люди пришли к тому, что у них появилась *потребность что-то сказать* друг другу. Потребность создала себе свой орган: неразвитая глотка обезьяны медленно, но неуклонно преобразовывалась путем модуляции для все более развитой модуляции, а органы рта постепенно научились произносить один членораздельный звук за другим¹. «Сначала труд, а затем и вместе с ним членораздельная речь явились двумя самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий мозг, который, при всем своем сходстве с обезьяньим, далеко превосходит его по величине и совершенству»².

Отмечая социальную обусловленность языка, Маркс и Энгельс видели и внутренние закономерности, которыми определяется развитие языка. Так, Энгельс писал: «Понятия числа и фигуры взяты не откуда-нибудь, а только из действительного мира. Десять пальцев, на которых люди учились считать, т. е. производить первую арифметическую операцию, представляют собой все, что угодно, только не продукт свободного творчества разума. Чтобы считать, надо иметь не только предметы, подлежащие счету, но обладать уже и способностью отвлекаться при рассматривании этих предметов от всех прочих их свойств кроме числа, а эта способность есть результат долгого, опирающегося на опыт, исторического развития»³. Одновременно он, имея в виду фонетические явления немецкого языка, высказывал мнение о том, что «едва ли удастся кому-нибудь, не сделавшись смешным, объяснить экономически существование каждого маленького немецкого государства в прошлом и в настоящее время или объяснить экономически происхождение верхненемецкого передвижения согласных, расширившего географическое разделение, образованное горной цепью от Судетов до Таунуса, до настоящей трещины, проходящей через всю Германию»⁴. Следовательно, при изучении языка следует также руководствоваться объективными законами движения самого материала языка.

Помимо принципиальных проблем соотношения общества, сознания и языка, Маркс и Энгельс высказывали свое отношение к развитию языка в различных исторических условиях. Так, Маркс, конспектируя книгу Л. Г. Моргана «Древнее общество», писал о развитии языка при первобытнообщинном строе: «*Постоянная тенденция к разделению* коренилась в элементах родовой организа-

¹ Маркс К- и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 489.

² Там же, с. 490.

³ Там же, с. 37.

⁴ Энгельс Ф. Письмо к И. Блоху от 21—22 сентября 1890 г. — Маркс К-и Энгельс Ф. Избр. произв., т. II. М., 1952, с. 79.

ции; она усиливалась тенденцией к образованию различия в языке, неизбежной при их (т. е. диких и варварских племен) общественном состоянии и обширности занимаемой ими территории. Хотя устная речь замечательно устойчива по своему лексическому составу и еще устойчивее по своим грамматическим формам, но она не может оставаться неизменной. Локальное разобщение — в пространстве — вело с течением времени к появлению различий в языке; это приводило к обособлению интересов и к полной самостоятельности¹. Иные закономерности характерны для развития языков в новое время, в эпоху формирования капиталистических отношений: «...В любом современном развитом языке естественно возникшая речь возвысилась до национального языка отчасти благодаря историческому развитию языка из готового материала, как в романских и германских языках, отчасти благодаря скрещиванию и смешению наций, как в английском языке, отчасти благодаря концентрации диалектов в единый национальный язык, обусловленной экономической и политической концентрацией. Само собой разумеется, что в свое время индивиды целиком возьмут под свой контроль и этот продукт рода»².

Принципы социально-исторического рассмотрения языка Ф. Энгельс отстаивал и в своих занятиях сравнительно-историческим языкознанием (компаративистикой). Это особенно важно, ибо в то время господствовали натуралистические взгляды А. Шлейхера и позднее психологические воззрения Г. Штейнтала, усвоенные младограмматиками. Известно, что как Маркс, так и особенно Энгельс знали много языков. П. Лафарг вспоминает: «Когда Марксу было уже 50 лет, он принялся за изучение русского языка, и несмотря на трудности этого языка, овладел им через каких-нибудь полгода настолько, что мог с удовольствием читать русских поэтов и прозаиков, из которых особенно ценил Пушкина, Гоголя, Щедрина»³. Энгельс начал изучать русский язык на 31-м году жизни. В 1852 г. он писал Марксу: «Последние две недели я старательно зубрил русский язык и теперь покончил с грамматикой, еще 2—3 месяца дадут мне необходимый запас слов, и тогда я смогу приступить к чему-нибудь другому»⁴.

Лингвистические интересы Ф. Энгельса были широки и разнообразны. Его специально языковедческое исследование «Франкский диалект» (1881—1882) предвосхитило многие выводы исторической диалектологии германских языков. В своих общесоциологических работах он пользовался достижениями и конкретными выводами современного ему сравнительно-исторического языкознания. Например, в «Происхождении семьи, частной собственности и государства», говоря о возникновении семьи как первой обще-

¹ Архив Маркса и Энгельса, IX, 1941, с. 79.

² Маркс К. и Энгельс Ф. *Немецкая идеология*. — Соч., т. 3, с. 427.

³ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. *Об искусстве*, т. II, М., 1957, с. 683.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. *Соч.*, т. 28, с. 30.

ственной ячейки, Энгельс использует и языковые данные. В начальных периодах развития это была организация несвободных лиц, подчиненная старейшине. В ее состав входили и рабы. В латинском языке *familius* означало домашнего раба, а позднейшее *familia* 'семья' — группу рабов, принадлежавших одному хозяину.

Анализируя эпоху родового строя и возникновения государства, Энгельс снова обращается к языковым фактам. Он показывает, что немецкое *König* (из *kuning*, славянское заимствование *князь*) соответствует готскому *kuni*, что означало сперва старейшину рода. От того же индоевропейского корня, что и род, происходит название женщины, возглавлявшей род в эпоху матриархата: ср. греческое *gune*, славянское *жена* (из **gena*) и т. п.

Свое отношение к сравнительно-историческому языкознанию Ф. Энгельс выразил в полемике с Дюрингом, когда подчеркивал, что «...материя и форма родного языка» становятся понятными лишь тогда, когда прослеживается его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если не уделять внимания, во-первых, его собственным отмершим формам и, во-вторых, родственным живым и мертвым языкам»¹. Критикуя узкую программу филологического образования, выдвигаемую Дюрингом, Энгельс обращается к создателям индоевропеистики, видя в них представителей подлинной науки: «Ясно, что мы имеем дело с филологом, никогда ничего не слышавшим об историческом языкознании, которое за последние 60 лет получило такое мощное и плодотворное развитие, — и поэтому-то г-н Дюринг ищет «в высокой степени современные образовательные элементы» изучения языков не у Боппа, Гримма и Дица, а у блаженной памяти Хейзе и Беккера»².

Более всего привлекали Энгельса славянские и германские языки. О своем способе изучения языков он писал: «Вот какого метода я всегда придерживаюсь при изучении какого-либо языка: не заниматься грамматикой (за исключением склонений и спряжений, а также местоимений), а читать со словарем самые трудные произведения классического автора, какие только можно найти. Так итальянский я начал с Данте, Петрарки и Ариосто, испанский — с Сервантеса и Кальдерона, русский — с Пушкина; затем я читал газеты и прочее»³. В начале 50-х годов прошлого столетия Энгельс приступил к систематическому изучению славянских языков — русского, чешского, сербскохорватского, словенского, позднее к ним присоединились польский и болгарский языки. Одновременно он изучал специальные труды славянских ученых — И. Добровского, П. Шафарика, Б. Копитара, В. Ганки и особенно Ф. Миклошича. Добровский он рассматривал как основоположника научной филологии славянских диалектов. Миклошич в его оценке был виднейшим современным славистом.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 333.

² Там же, с. 333—334.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 36, с. 46.

В 1859 г. Энгельс писал Ф. Лассалю, что занятость службой не позволяет ему в такой обширной области, как филология, выйти за рамки дилетантизма, и добавлял: «Если я некогда лелеял смелую мысль разработать сравнительную грамматику славянских языков, то теперь я уже давно отказался от этого, в особенности после того, как эту задачу с таким блестящим успехом выполнил Миклошич»¹. В последующие годы, занимаясь историей древних германцев, Энгельс преимущественное внимание уделял сравнительному изучению германских языков и диалектов. Естественно, что некоторые взгляды и конкретные высказывания Ф. Энгельса по языковым вопросам в настоящее время получают иное освещение, ибо он работал в начальный период развития сравнительно-исторического языкознания. Однако методологические установки основоположников марксизма, их диалектический метод, диалектико-материалистическое понимание общественных (в том числе и языковых) явлений составляют идейную основу развития общественных наук и формирования научного мировоззрения, будят творческую мысль и помогают правильно осмыслить и обобщить результаты научной и педагогической работы.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Вундт В. Проблемы психологии народов. М., 1912.
Потебня А. А. Мысль и язык. Изд. 3-е. Харьков, 1913.
Десницкая А. В. О лингвистической теории Августа Шлейхера. — «Вопросы языкознания», 1971, № 6.
Климов Г. А. Вопросы компаративистики в трудах Ф. Энгельса. — «Вопросы языкознания», 1971, № 4.
Миرونов А. Ф. Энгельс и изучение истории нидерландского языка. — «Вопросы языкознания», 1971, № 6.
Чикобава А. С. Проблема языка как предмета языкознания. На материале зарубежного языкознания. М., 1959.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 477.

МЛАДОГРАММАТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

§ 34. Возникновение школы младограмматиков. Последняя треть XIX в. в языкознании характеризуется господством младограмматического направления. Возникновение этой школы произошло на рубеже 70—80-х годов, примерно через полвека после основания сравнительно-исторического языкознания. Представителей новой школы один из германистов иронически назвал «младограмматиками» (*Junggrammatiker*). Это шутивное название подхватил Бругман, и оно стало названием целого направления. В основе его лежал молодой задор, с которым представители нового направления нападали на взгляды старшего поколения лингвистов.

Ко времени выступления, младограмматиков сравнительно-историческое изучение языков распространилось по всему миру. Если в первый период развития компаративистики главными деятелями были немцы, датчане и славяне, то теперь возникают лингвистические центры и школы во многих странах Европы и в Америке. Во Франции в 1866 г. было основано «Парижское лингвистическое общество». В Америке работал известный индолог **В. Д. Уигни**, который, по мнению Соссюра, выступая против биологизма в языкознании и «психологии народов» Штейнталя, положил начало движению младограмматиков. В России работали **А. А. Потебня**, **И. А. Бодуэн де Куртене**, основавший Казанскую лингвистическую школу, и **Ф. Ф. Фортунатов** — основоположник Московской лингвистической школы. В Италии плодотворно трудился основатель теории субстрата **Г. И. Асколи** (1829—1907). В Швейцарии проходила деятельность выдающегося лингвиста **Ф. де Соссюра**, оказавшего сильное влияние на все последующее развитие языкознания. В Австрии работал многосторонний ученый, наиболее резкий критик младограмматизма **Гуго Шухардт** (1842—1927). В Дании выдвинулись **Карл Вернер** (1846—1896), уточнивший закон Раска — Гримма о первом германском передвижении согласных, и **В. Томсен** (1842—1927), прославившийся исследованиями о заимствованных словах.

К младограмматическому направлению примыкали по преимуществу ученые-языковеды Лейпцигского университета, вследствие

Август Лескин

Герман Пауль

чего младограмматиков иногда называют Лейпцигской школой языкознания. На первом месте следует поставить исследователя славянских и балтийских языков **Августа Лескина** (1840—1916), в работе которого «Склонение в славяно-литовских и германских языках» (1876) нашли яркое отражение установки младограмматиков. Идеи Лескина продолжали и развивали его ученики **Карл Бругман** (1849—1919), **Герман Остгоф** (1847—1909), **Герман Пауль** (1846—1921), **Бертольд Дельбрюк** (1842—1922) и др.

Основными работами, в которых с наибольшей полнотой сформулированы отличительные особенности младограмматической теории, являются: 1) предисловие К. Бругмана и Г. Остгофа к первому тому «Морфологических исследований» (1878), которое обычно называют «манифестом младограмматиков»; 2) книга Г. Пауля «Принципы истории языка» (1880)¹, отражающая в наиболее полном и последовательном виде концепцию школы младограмматиков.

£ 35. **Теоретические основы младограмматизма.** Младограмматиками были выдвинуты и защищались три положения:

1) фонетические законы, действующие в языке, не имеют исключений (исключения возникают в результате действия перекрещивающихся законов или вызываются другими факторами); 2) очень важную роль в процессе создания новых языковых форм и вообще в фонетико-морфологических изменениях играет аналогия; 3) в первую очередь необходимо исследовать современные живые языки и их диалекты, ибо они (в отличие от древних языков и литературного языка, созданного под контролем человека) могут служить базой для установления лингвистических и психологических закономерностей. Эти положения, естественно, нуждаются в более подробном разьяснении.

Младограмматическое направление возникло на основе множества наблюдений и открытий, позволивших глубже осветить историю индоевропейских языков. Наблюдения над живым произношением, изучение физиологических и акустических условий образования звуков, их взаимодействия в потоке речи, изменения звуков

¹ Русский перевод: Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960.

в истории языка и различных диалектах привели к созданию самостоятельной отрасли языкознания — фонетики. Подобные наблюдения и вели к тезису о наличии звуковых законов. «Во всех живых народных говорах свойственные диалекту звуковые формы проводятся через весь языковой материал и соблюдаются членами языкового коллектива в их речи куда более последовательно, чем это можно ожидать от изучения древних, доступных только через посредство письменности языков; эта последовательность часто распространяется на тончайшие оттенки звуков»¹. В области грамматики новые открытия показали, что в процессе развития флексии, кроме агглютинации, привлекаемой предшественниками младограмматиков, играют роль и другие морфологические процессы — перемещения границ между морфемами в пределах слова и особенно выравнивание форм по аналогии. Стало ясно, что корни слов не являются свойством древнейшего состояния языка, что они существуют всегда и могут меняться в связи с опрощением слов. Углубление фонетических и грамматических знаний позволило поставить на научные рельсы этимологию. Этимологические исследования показали, что фонетические и смысловые изменения в словах обычно независимы. Для изучения смысловых вопросов образования диалектов и взаимодействия языков, универсализируется исторический подход к явлениям языка.

Новое понимание лингвистических фактов привело младограмматиков к пересмотру романтических идей ранних компаративистов — Боппа, Гумбольдта, Шлейхера. Старый взгляд на единый процесс развития всех языков — от первоначального аморфного состояния, характеризуемого существованием изолированных слов-корней, через агглютинацию к флексии — был оставлен. Шлейхеровский натурализм и деление истории языка на два периода: доисторический период творческого развития языка и поздний, исторический период разрушения и деградации языкового строя — вызывает резкие возражения. «Реконструкция индоевропейского языка-основы была до сих пор главной целью и средоточием усилий всего сравнительного языкознания. Следствием этого явился тот факт, что во всех исследованиях внимание было постоянно направлено в сторону праязыка... Более поздние периоды развития языков рассматривались с известным пренебрежением, как эпохи упадка, разрушения, старения, а их данные по возможности не принимались во внимание»². Младограмматики решительно расправились с такими умозрительными идеями ранних компаративистов, как признание исключительности флексии (и пренебрежение к другим средствам передачи грамматических значений), единого морфологического процесса развития, а также

¹ Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях, ч. I. М., 1964, с. 191.

² Там же, с. 189.

с гумбольдтианским «народным духом» и неверным противопоставлением доисторического развития историческому. «Разочарование в глоттогонических теориях Гумбольдта и Шлейхера побудило младограмматиков отказаться от философского рассмотрения языка и заняться эмпирическими исследованиями истории конкретных языков и языковых групп. Такому умонастроению во многом способствовал господствовавший в буржуазной научной мысли того времени позитивизм с его пренебрежением ко всякой философии»¹.

Отгалкиваясь от своих предшественников, младограмматики заявляли, что до них языкознание слишком много занималось

языком и слишком мало человеком, как будто язык существует самостоятельно, отдельно от человека. «Никто не может отрицать, — писали Остгоф и Бругман, — что прежнее языкознание подходило к объекту своего исследования — индоевропейским языкам, не составив себе предварительно ясного представления о том, как живет и развивается человеческий язык вообще, какие факторы действуют при речевой деятельности и как совместное действие этих факторов влияет на дальнейшее развитие и преобразование языкового материала. С исключительным рвением и следовали языки, но слишком мало — говорящего человека»². Чтобы узнать язык, т. е. человеческую речь, способность человека говорить, не обязательно, подчеркивают они, изучать древние индоевропейские языки, преследуя главную цель — восстановление индоевропейского праязыка, который является чистой фикцией, а нужно исследовать современные живые языки и их диалекты. Благодаря тому что на этих языках говорят в настоящее время, что они живут перед нами и в нас полнокровной жизнью, в них легко можно заметить психологический элемент. Остгоф и Бругман выступают против праиндоевропейского тумана, утверждая, что «только тот компаративист-языковед, который покинет душную, полную туманных гипотез атмосферу мастерской, где куются индоевропейские праформы, и выйдет на свежий воздух осязаемой действительности и современности, чтобы познать то, что непостижимо с помощью сухой теории, только тот, кто раз и навсегда откажется от столь распространенного ранее и встречающегося и сейчас метода исследования, согласно которому язык изучают только на бумаге, только такой ученый сможет достичь правильного

¹ Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960, с. 8 (Вступительная статья Кацнельсона С. Д.).

² Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях, ч. 1, с. 187.

понимания характера жизни и преобразования языковых форм и выработать те методические принципы, без которых в исследованиях по истории языка вообще нельзя достичь достоверных результатов и без которых проникновение в периоды письменной истории языков подобно плаванию по морю без компаса»¹.

Механизм человеческой речи имеет две стороны: психическую и физическую. Младограмматики протестуют против исключительного внимания к физической стороне речи и требуют уделять должное внимание психической стороне. В основе их взглядов лежат следующие идеи: «Во-первых, язык не есть вещь, стоящая вне людей и над ними и существующая для себя; он по-настоящему существует только в индивидууме, тем самым все изменения в жизни языка могут исходить только от говорящих индивидов, во-вторых, психическая и физическая деятельность человека при усвоении унаследованного от предков языка и при воспроизведении и преобразовании воспринятых сознанием звуковых образов остается в своем существе неизменной во все времена»².

Таким образом, исходными положениями младограмматиков при определении сущности языка оказались индивидуализм и психологизм. Г. Пауль в своих «Принципах истории языка» целиком заимствовал психологическое обоснование языковых явлений у Штейнталя. Источником психической деятельности является голова индивида. Говорящий индивид — вот исходный пункт и объект изучения младограмматиков. Конечно, индивидуальная речь является конкретным выражением общенародной речи. Но младограмматики делали ошибку, когда исследование явлений языка полностью сводили к исследованию индивидуальной речи. Они часто заявляли, что народный язык и даже диалект — фикция и что реальной является только речь отдельного лица, а лучше всего исследовать свою собственную речь, как наиболее известную. Исходя из индивидуализма, младограмматики искали причины и законы изменения языка не в развитии человеческого общества, а в психике отдельного человека.

Понимание языка как постоянно изменяющегося явления вызвало постулат об историческом подходе к языку. Г. Пауль даже утверждал, что «все языкознание является историческим». Для более глубокого и детального изучения младограмматики рекомендовали изолированное и вырванное из системных связей языка рассмотрение языковых явлений («атомизм» младограмматиков).

Двусторонний характер языка (индивидуально-психологическая и физиологическая сторона) нашел свое отражение в методах изучения истории языка. С одной стороны, следует вскрывать и описывать фонетические законы, признание которых отражало

¹ Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях, ч. 2, с. 191—192.

² Там же, ч. 1, с. 193—194.

прежний взгляд на язык как естественный организм, который в своем развитии подчинен строгим и не знающим исключений (как и физические законы) закономерностям. С другой стороны, следует вскрывать новообразования по аналогии, основывающейся на психических законах ассоциации. Младограмматики утверждали: «Каждое звуковое изменение, поскольку оно происходит механически, совершается по законам, не знающим исключений, т. е. направление, в котором происходит изменение звука, всегда одно и то же у всех членов языкового сообщества, кроме случая диалектного дробления, и все без исключения слова, в которых подверженный фонетическому изменению звук находится в одинаковых условиях, участвуют в этом процессе»¹. С другой стороны, «ассоциация форм, т. е. новообразование языковых форм по аналогии, играет очень важную роль в жизни новых языков»². Следовательно, на человеческую речь влияют две силы: физическая (звуковое изменение) и психическая (аналогия). Можно было бы предположить, что младограмматики отдадут приоритет психической стороне, ибо они нападали на тех лингвистов, которые видели в языке только материальную сторону. Однако Остгоф и Бругман предпочитают звуковые законы, а к аналогии, по их мнению, «следует прибегать только тогда, когда нас принуждают к этому звуковые законы. Ассоциация форм является и для нас последним прибежищем»³.

Фонетические законы и действие аналогии, выдвинутые младограмматиками на первый план в лингвистическом исследовании, долгое время были предметом оживленной дискуссии, в ходе которой сами младограмматики вынуждены были пересмотреть понятие фонетического закона. Если сперва фонетические законы определялись как законы, действующие со слепой необходимостью природы, то в дальнейшем сферу их действия пришлось ограничить рядом факторов. Во-первых, было установлено резкое отличие фонетических законов от физических, которые непременно наступают при определенных общих условиях. Во-вторых, пришлось по необходимости ограничить их действие хронологическими и территориальными пределами, встречным действием аналогии, определенными фонетическими условиями, иностранными заимствованиями позднейших эпох. В целом в процессе развития языка вечно взаимодействуют звуковые изменения, нарушающие симметрию форм, и, как ответная реакция, — образования по аналогии, выравнивающие результаты фонетических изменений и унифицирующие систему грамматических форм.

§ 36. Достижения младограмматиков. Теория младограмматиков означала реальный прогресс по сравнению с предшествующим

¹ Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях, ч. 1, с. 194.

² Там же.

³ Там же, с. 197.

состоянием лингвистических исследований. Это объяснялось выработкой и применением некоторых важных принципов, в частности: 1) предпочтительное изучение живых народных языков и их диалектов, соединенное с прямым наблюдением над языковыми фактами и тщательным исследованием последних; 2) учет психического элемента в процессе общения и особенно языковых изменений (роль аналогических факторов); 3) признание существования языка в коллективе говорящих на нем людей, хотя младограмматики так и не смогли научно объяснить соотношение индивидуального и социального в языке; 4) постоянное внимание к звуковым изменениям, к материальной стороне человеческой речи; 5) стремление ввести фактор закономерности и понятие закона в объяснение языковых фактов. Руководствуясь этими положениями, младограмматики сделали множество важных открытий и опубликовали много работ, особенно в области индоевропейского языкознания.

Иоганн Шмидт

Прежде всего были поколеблены взгляды Шлейхера на родство индоевропейских языков и схему миграции пранарода, представленную в виде «родословного древа». Согласно взглядам Шлейхера, германцы, балтийцы и славяне раньше других отделились от прочих индоевропейских племен. Из оставшейся «арио-греко-итало-кельтской» языковой общности выделились позднее кельты, италики и греки как особый «народ», который спустя много времени распался на кельто-италиков и албано-греков. Ранее отделившаяся ветвь также распалась на германцев и балто-славян, которые разделились на балтийцев и славян гораздо позднее. Исходя из такой последовательности выделения отдельных языковых групп, Шлейхер сформулировал свое парадоксальное положение: «Чем восточнее живет сейчас индоевропейский народ, тем больше древнего сохранилось в его языке, чем западнее он живет, тем меньше древнего сохранилось в его языке и тем больше в нем новообразований».

Иоганн Шмидт (1843—1901) уже в 1872 г. выступил против гипотезы Шлейхера в своей книге «Родственные отношения индоевропейских языков». По его убеждению, славяно-балтийская ветвь имеет тесные языковые связи с германцами на западе и с индоиранцами на востоке. Греческий язык является как бы промежуточным звеном между индоиранскими и италийскими языками. Шмидт отменял гипотезу «родословного древа» и заменял ее новой — «волновой теорией», согласно которой особенности языков, в частности новообразования, распространялись волнообразно, concentрическими кругами из центра своего возникновения и становились все более слабыми по мере удаления от центра распространения новообразований. В связи с этим в индоевропейском языке при-

знавались диалекты и то, что каждый индоевропейский язык стоит в ближайших отношениях с двумя другими, например иранские языки с индийскими и славянскими, балтийские — со славянскими и германскими, германские — с балтийскими и кельтскими, кельтские — с германскими и италийскими, италийские — с кельтскими и греческими и т. д.¹

Популярность младограмматических методов возростала в связи с открытиями, которые привели к совершенно новой трактовке явления чередования гласных в индоевропейском языке.

В 1876 г. К. Бругман доказал, что в индоевропейском праязыке в безударном положении существовали слоговые носовые гласные (сонанты) *m*, *n*. Они чередовались с ударными *am*, *an*. Естественным выводом из этого открытия явилось убеждение, что ударным дифтонгам *ai*, *au* в безударном положении соответствуют гласные *i*, *u*. Таким образом, основными членами чередования оказались не простые гласные (как, вслед за древнеиндийскими грамматистами, полагал Шлейхер), а их «полные ступени» — дифтонги и дифтонгические сочетания, а простые краткие гласные являются результатом ослабления дифтонгов в безударном положении. Теперь было доказано влияние ударения на чередование гласных и сонантов с дифтонгами и дифтонгическими сочетаниями (типа *am*, *an* и т. п.). В 1878 г. Г. Осттоф открывает в индоевропейском праязыке еще два сонанта — плавный / и дрожащий *z*. Вместе с тем он доказывает, что древний долгий гласный в греческом языке всегда сокращался перед сонантами *m*, *n*, *z*, *l*, *i*, *u*, если за ними следовал согласный.

В 1887 г. датский языковед Карл Вернер доказал, что исключения из закона Раска — Гримма о первом германском передвижении согласных *p*, *t*, *k* > *v*, *th*, *h* также подчинены закономерности. Он установил, что германские языки некогда имели такое же свободное ударение, как и санскрит, и что место ударения до сих пор оказывает влияние на немецкий консонантизм. Например, с местом давнего ударения связано чередование *ziehen* с *h* — в противоположность *zog* с *g*, *leiden* с *d* — в противоположность *gelitten* с *t*, *Hofc* / — в противоположность *hiibsch* с *B*, *gewesen* с *s* — в противоположность *war c z* (*z* возникло из *g*).

В 1879 г. в Лейпциге выходит знаменитая работа Ф. де Соссюра «Трактат о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках». В этом же году Герман Коллиц на основе палатализации задненёбных согласных открывает систему гласных индоевропейского праязыка.

Как известно, Бопп, Grimm и Шлейхер полагали, что в индоевропейском праязыке, как и в санскрите, было только три гласных — *a*, *i*, *u*, лишь позже гласный *a* распался на *a*, *o*, *e*. Факты, подобные славянской первой палатализации (*k* перед *e*, *i* переходит в *ч*),

¹ См.: Шпехт Ф. Индоевропейское языкознание от младограмматиков до первой мировой войны. — Общее и индоевропейское языкознание. М., 1956, с. 16—17.

были обнаружены и в санскрите. Тем самым было доказано существование в санскрите древнего *e*, перед которым и происходило смягчение задненёбных. Открытие Соссюра заключалось в том, что он установил наличие в индоевропейском языке, кроме обычных односложных корней, корней с присоединением к ним звука *A* (сонантического коэффициента), в результате чего корни становились двусложными. Младограмматики знали уже о неопределенном гласном шва (*э*) в индоевропейском языке. Он был выведен теоретическим путем. Если в индоиранских языках был *t*, а в латинском и других языках *a*, то в индоевропейском языке

ертюл вД Дельбрук

предполагалось *э*; ср. латинское *pater*, санскритское *pitár* с индоевропейским **pэ(eg)* 'отец'. Соссюр исходил из того, что долгие гласные в системе чередования в индоевропейских языках восходят к дифтонгам, вторым компонентом которых были так называемые сонантические коэффициенты, условно обозначенные им как *A* и *O*. Поскольку чередования долгих *e*, *a*, *o* с шва (*э*) представляют полную аналогию чередованиям *ei*, *eú*, *en* с *i*, *u*, *n*, Соссюр высказал предположение, что *э* первоначально было неслоговым элементом особых дифтонгов *се* в качестве слогового элемента, ослабление которого привело к тому, что первоначальный слоговой элемент исчез, а неслоговой стал слоговым. Позднее, после открытия хеттского языка (1916), это предположение блестяще подтвердилось в ларингальной теории. Один из лингвистов следующим образом оценивает открытие Соссюра: «Следует рассматривать как триумф сравнительного языкознания то, что оно было в состоянии обнаружить более раннее существование звука, исчезнувшего в прежде известных языках и найденного лишь позднее в новооткрытом языке». Открытия младограмматиков сократили предполагаемую древность древнеиндийского вокализма и лишили санскрит того значения, которое он имел у основателей сравнительно-исторического языкознания.

Исследования младограмматиков в области сравнительно-исторического изучения индоевропейской и других языковых групп были столь значительны, что появилось стремление подвести им итоги в обобщающих трудах. Такой итоговой работой явились «Основы сравнительной грамматики индогерманских языков» Бругмана и Дельбрюка (с 1886 г.; 2-е изд. — 1897—1916), остающиеся до сих пор важным справочным изданием. Бругманом написаны разделы фонетики и морфологии (первые три тома), Дельбрюком — синтаксис (последние три тома). Появились обобщающие работы также по отдельным индоевропейским языковым группам (германской, романской, индийской, иранской). Большую ценность

представляют лингвистические журналы, в которых помещены конкретные исследования младограмматиков. При всех спорах о сущности фонетических законов достигнутые младограмматиками результаты свидетельствуют об их ценности для языкознания.

Изучение закономерностей в развитии звуковой структуры слова индоевропейского праязыка и отдельных языковых групп не могло не сказаться на научном исследовании звуков речи вообще. И действительно, с младограмматиков начинается научное становление фонетики. Фонетика также относится к теории языка. Исследуя язык с внешней, звуковой стороны, которая подчинена физическим законам акустики и физиологическому строению органов речи, фонетика благодаря функциональному, фонологическому истолкованию звуков речи входит в языкознание. Уже Г. Гельмгольц в 1863 г. описал физическую сторону звуков речи. И. А. Бодуэн де Куртенэ в своей книге «Опыт фонетики резьянских говоров» (1875; говоры словенского языка) дал точное описание звуков речи этих говоров. В 1876 г. швейцарский учитель Винтелер издает тщательное описание говора родного селения Керенц в немецкой части Швейцарии. В том же году Э.Зиверс издает свои «Основы фонетики». Основным методом изучения фонетической стороны языка было наблюдение и самонаблюдение. Основоположителем экспериментальной фонетики явился В. А. Богородицкий. Бодуэн де Куртенэ еще в 1870 г. высказал мысль о «несовпадении физической природы звуков с их значением в механизме языка», что связывается с началом фонологии.

§ 37. Недостатки учения и практики младограмматиков. Наряду с несомненным прогрессивным значением младограмматического подхода к языку можно указать ряд существенных недостатков этого направления, которые вызывали критическое отношение современников и впоследствии привели к возникновению таких идей и направлений в языкознании, которые сознательно порывали с канонами младограмматической школы.

Наиболее существенным из этих недостатков было внушающее беспокойство сужение сферы исследования. Несмотря на неоспоримый прогресс и основополагающие открытия в области фонетики и отчасти морфологии, многие разделы языкознания (семасиология, синтаксис, лексикология) оказались исключенными у младограмматиков из научного исследования. Общие вопросы языкознания (сущность языка, его общественные функции, соотношение исторического исследования и изучения современного языка, проблема литературного языка, многообразные связи языкознания с другими науками и т. п.) оказались на периферии и фактически не подвергались исследованию. Создалось парадоксальное положение: на словах младограмматики призывали покинуть душную мастерскую, где куются индоевропейские праформы, а на деле занимались, пусть по более новой и усовершенствованной методике, тем же самым материалом индоевропейского праязыка. Следовательно,

сужение объектов исследования и боязнь постановки общих вопросов лингвистической теории оказываются взаимосвязанными и взаимообусловленными. Не может служить оправданием и ссылка младограмматиков на логику научного исследования: сначала якобы следует детально и глубоко изучить наличный языковой материал, а лишь потом строить теоретические обобщения. Как свидетельствует опыт языкознания, эти две стороны научного исследования должны дополнять друг друга и во временном отношении. Отказ от разработки целых отраслей языкознания приводил младограмматиков к тому, что они изучали отдельные, изолированные формы и категории языка, тогда как язык представляет собой систему взаимосвязанных и взаимодействующих элементов. «Атомизм» младограмматиков и отсутствие внимания к системной обусловленности языковых явлений, конечно, не могут быть компенсированы фонетическими законами и аналогическими воздействиями, в которых младограмматики видели средство решения всех языковедческих проблем. Механический дуализм, которым младограмматики пытались объяснить развитие языка: фонетические законы (физический фактор) и аналогия (психический фактор), — в самом своем существе содержал известное противоречие. Этот механицизм без углубленного рассмотрения проблем сущности и развития языка вполне соответствовал философии позитивизма конца XIX в. и гармонировал с индуктивными методами, которые применялись в тогдашнем естествознании.

Таким образом, в теоретической области младограмматики не имели крупных достижений. Образовался разрыв между большими результатами чисто эмпирического исследования индоевропейских языков в их истории и априорными теориями индивидуалистического субъективизма. В некоторых вопросах у младограмматиков ощущалось влияние взглядов Шлейхера. В частности, пренебрежение к литературным языкам и их изучению связано с непреодоленным взглядом Шлейхера на «органическое развитие языка», сходство языка с «живым организмом, который нельзя создать искусственно». В связи с элементом сознательной человеческой деятельности, имеющей место при возникновении и регламентации литературных языков, младограмматики противопоставляли литературный язык «народному», на материале которого якобы только и возможно исследование развития языка.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бодуэи де Куртенэ И. А. Фонетические законы. — Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. М., 1963.

Шухардт Г. О фонетических законах. — Избранные статьи по языкознанию. М., 1950.

Йордан Й. Романское языкознание. Историческое развитие, течения, методы. М., 1971.

Шпехт Ф. Индоевропейское языкознание от младограмматиков до первой мировой войны. — Общее и индоевропейское языкознание. М., 1956.

ГЛАВА 8

РУССКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ XIX в.

С начала XIX в. в России выходит несколько работ, посвященных философскому рассмотрению языковых проблем. Это «Введение в круг словесности» (1806) профессора Харьковского университета И. С. Рижского, который четко формулирует логико-грамматический взгляд на природу языка. По мнению Рижского, «слова — суть знаки наших мыслей. Свойства обозначаемой вещи должны находиться в ее изображении, если оно токмо может их выражать. Следовательно, все, что существенно и всегда принадлежит нашим мыслям, должно быть существенно и непременно в наших словах»¹. Знаковую теорию языка выдвинул и развивал Л. Якоб в своем «Начертании всеобщей грамматики для гимназий Российской империи» (1812).

Наиболее распространенными грамматиками русского языка до 60-х годов XIX в. были грамматики Николая Ивановича Греча (1787—1867). Самой полной была «Пространная русская грамматика» (1827). Греч опирался на язык и стиль Н. М. Карамзина, которые к тому времени стали архаичными, что вызвало естественную отрицательную реакцию со стороны А. С. Пушкина. Сам Пушкин считал, что «все должно творить в этой России и в этом русском языке». В заметке «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова» (1825) Пушкин выразил свои взгляды на историю и современное состояние русского литературного языка. Его мнение вполне соответствует творческой практике великого поэта. Он писал: «Как материал словесности, язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство пред всеми европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива. В XI веке древний греческий язык вдруг открыл ему свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи; словом, усыновил его, избавя таким образом от медленных усовершенствований времени. Сам по себе уже звучный и выразительный, отселе заимлет он гибкость и правильность. Простонародное наречие необходимо должно было от-

¹ Рижский И. Введение в круг словесности. Харьков, 1806, с. 58—59.

Делиться от книжного, но впоследствии они сблизилась: и так ова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей». Отмечая успехи русской поэзии, Пушкин вместе с тем отмечал, что «ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись; метафизического языка у нас вовсе не существует».

Эти воззрения родоначальника нового русского литературного языка были развиты и продолжены в публицистической и критической деятельности русских революционных демократов В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, А. И. Герцена. Белинский и Чернышевский непосредственно занимались вопросами языкознания.

В. Г. Белинский (1811—1848) еще в 1837 г. издает свои «Основания русской грамматики для первоначального обучения». Он подчеркивает связь грамматических и логических категорий: «Грамматика есть наука о слове человеческом, или систематическое изложение законов человеческого слова, а так как слово тесно связано с мыслью, то грамматика находится в тесных отношениях с логикой и должна быть основана на ней». Белинский занимает правильную позицию в вопросах описания языка: «Вся беда от странного упрямства и неуместного чванства гг. грамматистов. Ибо, во-первых, они хотят сочинять, выдумывать законы языка, а не открывать их, не выводить их из духа ононого; во-вторых, они не хотят пользоваться трудами своих предшественников, как будто бы почитая это унижением для своего авторского достоинства». Белинскому принадлежат многочисленные оценки языка русских писателей, замечания об употреблении иностранных заимствований в русском языке, глубокие и основательные суждения об истории русского литературного языка. Достаточно сослаться на его оценку деятельности А. С. Пушкина: «Ни один поэт не имел на русскую литературу такого многостороннего, сильного и плодотворного влияния. Пушкин убил на Руси незаконное владычество французского псевдоклассицизма, расширил источники нашей поэзии, обратил ее к национальным элементам жизни, показал бесчисленные новые формы, сдружил ее впервые с русской жизнью и русской современностью, обогатил идеями, пересоздал язык до такой степени, что и безграмотные не могли уже не писать хорошими стихами, если хотели писать» (1841).

Н. Г. Чернышевский (1828—1889) был учеником И. И. Срезневского на историко-филологическом отделении философского факультета Петербургского университета. Свои материалистические взгляды на сущность и общественную роль языка Чернышевский проводил

*Николай Гаврилович
Чернышевский*

на протяжении всей жизни. Проблемы взаимосвязи языка и общества, языка и мышления, происхождения и исторического развития языка, морфологическая классификация языков получили в трудах Чернышевского глубокое теоретическое истолкование. Он с правильных позиций критиковал стремление В. Гумбольдта отождествить язык и мышление и решительно выступил против ложных выводов, основывавшихся на морфологической классификации языков, когда степень умственного развития того или иного народа связывалась с особенностями языковой структуры, в частности со строением слова. Язык, по его мнению, способен выразить любую мысль, и любая мысль способна к языковому выражению. Чернышевский резко выступал против отождествления языковых и расовых признаков людей. Он верил в возможности творческого развития и обогащения любого языка на земле. Высоко оценивая современное ему сравнительно-историческое языкознание, Чернышевский выступал против злоупотребления выводами последнего, в частности критикуя мифологическую школу Я-Гримма¹.

Лингвистическую подготовку у Срезневского получил и Н. А. Добролюбов (1836—1861). В своих критических работах он отводил большое место взаимоотношениям народного и литературного языков, видя в этой проблеме взаимосвязь личного начала и творчества коллектива, народной массы. Большое внимание уделял Добролюбов изучению народного творчества, народной мудрости, отражающейся в пословицах и поговорках, он настаивал на учете этнографических моментов при изучении языка. Добролюбову принадлежат тонкие замечания о языке и особенно стиле ряда русских писателей-классиков.

Особое и значительное место среди русских языковедов принадлежит В. И. Далю (1801—1872) — составителю «Толкового словаря живого великорусского языка», вышедшего в 1863—1866 гг. Словарь Дала содержит свыше 200 тысяч слов и около 30 тысяч пословиц и поговорок. Он собирал лексику словаря свыше 50 лет.

После блистательных работ Востокова в России начинает быстро развиваться славянская филология. Созданные при университетах кафедры были замещены профессорами, славистами, совершившими заграничные путешествия по славянским землям. В Московском университете работал **Осип Максимович Бодянский** (1808—1877), автор монографии «О времени происхождения славянских письмен»

¹ См.: Сергеев П. А. Лингвистическое и методическое наследие Н. Г. Чернышевского. Челябинск, 1975.

(1855); в Петербургском университете читали лекции **Павел Иванович Прейс** (1810—1846) и затем **Измаил Иванович Срезневский** (1812—1880), автор замечательных «Мыслей об истории русского языка» (1849), крупнейший палеограф и составитель «Материалов для словаря древнерусского языка»; в Казанском и затем Одесском университетах трудился **Виктор Иванович Григорович** (1815—1876), спасший для науки бесценные памятники старославянского языка.

В Петербурге во второй половине XIX в. возникает школа ориенталистов мирового значения. Кафедры индоевропейского сравнительного языкознания были основаны в 1863 г. В Москве эту кафедру сначала возглавлял А. Я. Петров, а после его смерти, с 1876 г. Ф. Ф. Фортунатов. В Петербурге стал читать лекции в 1870 г. И. А. Бодуэн де Куртенэ, в Харькове — И. В. Нетушил с 1885 г., в Казани — В. А. Богородицкий с 1895 г. Наиболее видными русскими лингвистами этого времени были Ф. И. Буслаев, А. А. Потебня, Ф. Ф. Фортунатов и И. А. Бодуэн де Куртенэ, причем последние являются основателями самостоятельных лингвистических школ (Московской и Казанской).

*Федор Иванович
Буслаев*

§> 38. **Логико-грамматическое направление. Труды Ф. И. Буслаева.** Федор Иванович Буслаев (1818—1897) в 1838 г. окончил Московский университет, с 1847 г. приступил к чтению лекций по русскому языку и словесности в этом университете, с 1861 г. стал профессором, а позднее академиком. В 1844 г., еще будучи преподавателем гимназии, Буслаев издает книгу «О преподавании отечественного языка», которую А. А. Шахматов считал самой увлекательной книгой о русском языке. Буслаев выступает против схоластической рутинности при обучении родному языку. «До сих пор обучаются у нас отечественному языку по грамматикам, составленным на образец латинской и греческой; следовательно, в них, с одной стороны, недостает элемента лингвистического, а с другой, много лишнего, особенно в мелочных правилах»¹. Вслед за этим он знакомит широкие круги русских читателей с достижениями сравнительно-исторического языкознания в западноевропейских странах (прежде всего с работами Ф. Боппа, Я. Гримма и В. Гумбольдта). Буслаев отмечает, что недавно «возникло сравнительное языкоучение, извлекающее правила из сближения целых языков и форм одного и того же языка, исторически развивающихся друг из друга», которое «нашло средство обуздать и скрасить дикую, всем опротивевшую этимологию и положило конец прежнему

¹ Буслаев Ф. И. О преподавании отечественного языка. М., 1941, с. 31.

произволу». Буслаев повторяет слова Гримма: «Вседеловтом, чтобы дать первенство закону перед неправильностью и правилу перед исключением», чтобы наши грамматики перестали быть уголовным сводом законов, полицейским исчислением правил, за неисполнение коих виновный подвергается наказанию. По мнению Буслаева, нужно при обучении языку не забывать личность учащегося, добиваться того, чтобы он отчетливо понимал прочитанное или услышанное. «Родной язык, — пишет он, — так сросся с личностью каждого, что учить оному значит вместе и развивать духовные способности учащегося». Вторая часть книги Буслаева как раз и содержит интересные материалы по истории русского литературного языка: сопоставление и объяснение русских слов и форм с другими славянскими языками, стилистические и этимологические заметки о наиболее важных словах и понятиях, заимствованиях, архаизмах и т. п. Любопытен и вывод Буслаева о роли языка в жизни общества: «Потому чрезвычайно односторонне во главе многих грамматик стоящее определение языка, будто он есть средство к выражению и сообщению представлений или мыслей. Скорей наоборот: так как мы наследуем от других мысли и знания помощью языка, то язык есть средство, которым приобретаем мысли».

Таким образом, эта книга явилась прекрасным образцом применения к фактам языка исторического метода исследования. В ней впервые была показана связь истории русского языка с историей русского народа. Буслаев писал: «В языке выражается еся жизнь народа. Речь, теперь нами употребляемая, есть плод тысячелетнего исторического движения и множества переворотов. Определить ее не иначе можно, как путем генетическим, отсюда необходимость исторического исследования».

В магистерской диссертации «О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову евангелию» (1848) Буслаева также привлекала романтическая сторона культурно-исторической интерпретации истории языка: «Меня особенно интересовал тогда вопрос о первобытных и свежих формах языка. Для этой цели мне нужны были не сухие, бессодержательные окончания склонений и спряжений, а самые слова, как выражения впечатлений, понятий и всего мирозерцания народа, в неразрывной связи с его религиею и условиями быта семейного и гражданского».

В 1858 г. вышла в свет «Историческая грамматика русского языка» Ф. И. Буслаева, сыгравшая большую роль в истории русской грамматической мысли. В этой книге представлен «связный очерк грамматических форм, категорий и конструкций русского языка с историческими экскурсами и комментариями, основанными на многочисленных фактах древнерусской письменности, областных народных говоров, фольклора и литературных памятников XVIII—XIX вв.»¹. Буслаев стремился сочетать сравнительное и истори-

¹ Виноградов В. В. Из истории изучения русского синтаксиса. М., 1958, с. 223.

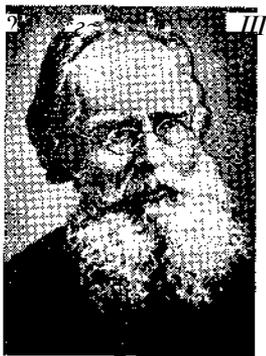
ческое рассмотрение языковых явлений с логическими началами. Следуя романтико-философским представлениям о развитии языка, он различал два периода в истории языка — древнейший и позднейший, «В древнейшем периоде выражение мысли наиболее подчиняется живости впечатления и свойствам разговорной речи... В новейшем периоде, напротив того, словом, означавшим первоначально живые впечатления и отношения между лицами в разговоре, дается смысл общих отвлеченных понятий»¹. Вместо поэтической фантазии ближе к нашему времени верх в языке берет формальная логика. «Подчиняясь общим законам логики, язык в позднейшем периоде своего развития стремится подвести под общие правила разнообразное употребление слов старинной и народной речи». Поэтому между языком и логикой наблюдаются не только параллелизм, взаимодействие, но и некоторая противоречивость. При всей важности романтико-философского элемента, в концепции Буслаева влияние логической грамматики было преобладающим. «Все слова суть не что иное, как названия общих представлений или понятий, потому одно и то же слово может выражать представление о различных предметах», — пишет Буслаев. «Присоединение сказуемого к подлежащему именуется суждением. Суждение, выраженное словами, есть предложение... Все силы суждения содержатся в сказуемом. Без сказуемого не может быть суждения. Отсюда понятно, почему в языке есть предложения, состоящие только из сказуемого, без явно обозначенного подлежащего, каковы все так называемые безличные глаголы...; но нет ни одного предложения, которое состояло бы только из подлежащего». Именной тип предложений Буслаевым совершенно отрицается.

Столкновение логической и собственно грамматической точки зрения в буслаевском определении предложения хорошо заметил А. А. Потебня, писавший, что у Буслаева «дается определение предложения, заимствованное из логической грамматики, не заключающее в себе определения глагола, с таким же основанием применимое к языкам, вовсе не имеющим глагола, как и к нашему. Затем из наблюдения сообщается, что наше предложение без глагола невозможно. Если придать надлежащий вес последнему утверждению, то окажется, что первое определение предложения пусто и должно быть выкинуто; но этого не делают и тем производят туман»².

По учению Буслаева, с логической точки зрения в предложении могут быть только два члена — подлежащее и сказуемое, в грамматическом же отношении от главных членов отличаются второстепенные члены предложения, поясняющие и дополняющие главные. Переходя к сложноподчиненным предложениям, Буслаев

¹ Б у с л а е в Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959, с. 266.

² П о т е б н я А. А. Из записок по русской грамматике, т. I—II. М., 1958, с. 71.

Александр Афанасьевич
Потебня

основным признаком придаточного предложения считает сопоставимость его с каким-либо членом главного предложения, кроме сказуемого: *Когда смеркает (= в сумерки), птицы засыпают в своих гнездах*. Много внимания уделял Буслаев разнообразным случаям «сокращения» предложений, которое, по мнению Потебни, «обязано своим происхождением ошибочной теории, что если логическому суждению соответствует не предложение, а член предложения, то это произошло лишь вследствие некоторого помрачения закона (суждение = предложение), который некогда господствовал во всей силе»¹.

Взгляды Буслаева, несмотря на противоречие между богатым материалом из истории русского языка и общей логической теорией грамматики, еще долгое время оказывали влияние на научную разработку русской грамматики и ее школьное преподавание.

§ 39. Психологическое направление. Взгляды А. А. Потебни. Александр Афанасьевич Потебня (1835—1891) всю свою жизнь был связан с Харьковским университетом (в 1856 г. закончил в нем курс, в 1863 г. стал приват-доцентом, в 1874 г. защитил докторскую диссертацию «Из записок по русской грамматике» и стал профессором). Научные интересы Потебни были необычайно широки — общефилософские вопросы языкознания, синтаксическая теория, фонетика, семантика, диалектология, теория литературы, фольклор. Потебня был языковедом-мыслителем, во многом предвосхитившим развитие мирового языкознания.

Будучи в ряде теоретических положений последователем В. Гумбольдта и основоположника психологического направления Г. Штейнталя, Потебня интересовался прежде всего психологическими основами языкового творчества и изучал язык преимущественно с грамматической и семасиологической точки зрения, в связи с общей эволюцией человеческого мышления. Уже в первой работе «Мысль и язык» (1862) он намечает программу своей будущей научной деятельности: «Показать на участие слова в образовании последовательного ряда систем, обнимающих отношения личности к природе, есть основная задача истории языка; в общих чертах мы верно поймем значение этого участия, если приняли основное положение, что язык есть средство не выражать уже готовую мысль, а создавать ее, что он не отражение сложившегося мирозерцания, а слагающая его деятельность. Чтобы уловить свои

¹ Потебня А. А. Из записок по русской грамматике, т. I—II, с. 122.

душевные движения, чтобы осмыслить свои внешние восприятия, человек должен каждое из них 'объективировать' в слове и слово это привести в связь с другими словами. Для понимания своей и внешней природы вовсе безразлично, как представляется нам эта природа, посредством каких именно сравнений стали ощутительны для ума отдельные ее стихии, насколько истинны для нас сами эти сравнения, одним словом — не безразличны для мысли: первоначальное свойство и степень забвения внутренней формы слова¹.

Потебня был первым лингвистом, выступившим против биологизма Шлейхера и его ложной теории о двух периодах в развитии индоевропейских языков. По его мнению, все периоды в жизни народа свидетельствуют о развитии языка. Потеря флексий и возникновение новых, аналитических форм свидетельствует лишь о том, что «с увеличением способности к отвлеченному мышлению и с увеличением запаса знаний многие деления и категории оказываются негодными и отбрасываются, но зато являются новые». Потебня критически относился к отвлеченным фонетическим и морфологическим реконструкциям праязыковых форм, не увлекался им и модная в то время проблема фонетических законов. «Основной сферой научных интересов Потебни был сравнительный синтаксис, понимаемый как учение о семантике форм слова и словосочетаний в различных контекстах и на разных этапах исторического развития языка в сопоставлении с синтаксическими фактами родственных языков. В этой области сравнительной грамматики, которой в истории науки во второй половине прошлого столетия уделялось очень мало внимания, Потебня и сказал свое новое слово»².

Главным лингвистическим трудом Потебни является книга «Из записок по русской грамматике» (т. I, II — 1874, III — 1899, IV — 1941). Потебня резко критиковал логицизм Буслаева. Он признавал, что язык имеет объективные законы развития, и стремился объяснить языковые явления в системе самого языка. Метод Потебни характеризует изучение языковых фактов в системе и в исторической перспективе. Психологическая трактовка редко подменяет точные языковые объяснения. По мнению Потебни, общее между говорящим и слушающим определяется принадлежностью их обоим к одному и тому же народу. Он показал, что мышление находит свое выражение только с помощью языка и на его базе.

В русской грамматической науке никто так тесно и глубоко не связал грамматические вопросы, вопросы языковой формы и речевого творчества с формами мышления и познания, как А. А. Потебня. Предметом его философских обобщений и историко-лингвистических изысканий стали единицы языка — слово, предло-

¹ Потебня А. А. Мысль и язык, изд. 3-е. Харьков, 1913, с. 141.

² Чемоданов Н. С. Сравнительное языкознание в России. М., 1956, с. 27.

жение, части речи, с помощью которых происходит познавательная деятельность народа. Потебня признавал предложение основной грамматической и структурно-смысловой единицей языка. Он считал, что части речи, как и другие грамматические категории, являются продуктом длительного исторического развития. Принцип изменчивости грамматических категорий и принцип взаимосвязанности слова, частей речи, членов предложения и всего предложения — основные положения концепции Потебни. В области грамматики синтаксис занимает центральное место. Речь является реализацией языка, конкретной формой его воплощения. Действительная жизнь слова совершается в речи. В языке все оформлено: «Язык есть ... форма мысли, но такая, которая ни в чем, кроме языка, не встречается». «Содержание языка состоит лишь из символов внеязычного значения и по отношению к последнему есть форма». «Формальность языка есть существование в нем общих разрядов, по которым распределяется частное содержание языка одновременно с своим появлением в мысли». Грамматические категории языка не совпадают с логическими категориями мышления. Во-первых, их больше, во-вторых, они различаются от языка к языку. Слово как часть речи раскрывается в структуре предложения. Члены предложения и части речи соотносительны.

Трактуя общетеоретические вопросы, Потебня много внимания уделял тезису о языке как деятельности, в процессе которой непрерывно происходит обновление языка. Это связано у него с характеристикой речи и проблемой художественного творчества применительно к языку. Потебня решал эти вопросы в духе психологического индивидуализма. «Действительная жизнь слова... совершается в речи... Слово в речи каждый раз соответствует одному акту мысли, а не нескольким, т. е. каждый раз как произносится или понимается, имеет не более одного значения». «Общее значение слов, как формальных, так и вещественных, есть только создание личной мысли и действительно существовать в языке не может». В слове Потебня требует различать два разных понимания значения — языковедческого и научно-энциклопедического («ближайшего» и «дальнейшего»). «Ближайшее значение слова народно, между тем дальнейшее, у каждого различное по качеству и количеству элементов, — лично. Из личного понимания возникает высшая объективность мысли, научная, но не иначе, как при посредстве народного понимания, т. е. языка и средств, создание коих обусловлено существованием языка».

Грамматические формы и категории связаны со всем грамматическим строем языка, со всей его семантической структурой. «Нет формы, • — пишет Потебня, — присутствие и функция коей узнавались бы иначе, как по смыслу, т. е. по связи с другими словами и формами в речи и языке». Этот принцип системности языка в будущем приобретет важное значение в лингвистических теориях и исследованиях. «Без своего ведома говорящий при

употреблении слова принимает в соображение то большее, то меньшее число рядов явлений в языке — когда я говорю: «я кончил», то совершенность этого глагола сказывается мне не непосредственно звуковым его составом, а тем, что в моем языке есть другая подобная форма «кончал», имеющая значение несовершенное». Здесь проведен принцип противопоставленности языковых форм в системе. По мнению Потебни, грамматическую форму нельзя отождествлять с аффиксами, ибо форма — это значение, а многие формы могут не иметь никакого звукового обозначения (нулевая морфема). «Связь между отдельными явлениями языка гораздо теснее, чем кажется». Каждая форма связана с остальными формами языка таким образом, что «по одной форме можно заключить о свойствах если не всех, то многих остальных».

Основной современной языкознания, по мнению Потебни, является убеждение, что языки различны между собой не одной звуковой стороной (как полагает логическая грамматика), но всем строем мысли, выразившимся в них. «Грамматика ничуть не ближе к логике, чем какая-либо из прочих наук».

При трактовке предложения Потебня становится на генетическую точку зрения, окрашенную психологизмом. История языка, по его мнению, должна давать несколько определений предложения. Для современного языка, по мнению Потебни, глагольность — основной признак предложения. Это узкое уравнивание сказуемого с глаголом вело Потебню в ряде случаев к слиянию членов предложения и частей речи. Вместе с тем тщательное изучение взаимодействия частей речи и членов предложения, происходящего в структуре предложения, позволило Потебне нарисовать содержательную картину эволюции русского глагола, развития глагольного типа предложения, истории имен существительных и прилагательных.

Ценным является вывод Потебни о системе языка как совокупности разновременных наслоений. «Прежде созданное в языке двояко служит основанием новому: частью оно перестраивается заново при других условиях и по другому началу, частью же прменяет свой вид и значение в целом единственно от присутствия нового. Согласно с этим поверхность языка всегда более-менее пестрит оставшимися наружи образцами разнохарактерных пластов».

Стремление Потебни вскрыть в истории русского и других славянских языков более ранние и более поздние явления и соответственно установить исторически сменявшие друг друга формы выражения мысли, естественно, не могло сразу сказаться на разработке грамматических проблем русского языка. Поэтому значение трудов Потебни росло по мере теоретических поисков в области русского языкознания. Многие выводы и положения Потебни сохраняют свою ценность и в настоящее время.

Интересны и литературоведческие работы Потебни, собранные в сборнике «Из записок по теории словесности». Для его подхода к теории литературы важно следующее высказывание: «Каждая

*Филипп Федорович
Фортунатов*

наука рассматривает поэтическое произведение только с одной стороны. Историк в нем ищет отголоски событий былого. Языковед производит разбор языковой системы текста и т. д. И только литературовед рассматривает поэтическое произведение в целом — от идеи до мельчайших завитков языковой формы».

Среди учеников А. А. Потебни отметим акад. Д. Н. Овсянко-Куликовского, А. В. Попова, В. И. Харциева, акад. Б. М. Ляпунова, А. Ветухова, И. Белорусова, акад. А. И. Соболевского, Э. Вольтера, И. Микколу.

§ 40. Московская лингвистическая школа. Основателем нового направления в русском языкознании, сложившемся в

стенах Московского университета в конце XIX — начале XX в., был **Филипп Федорович Фортунатов** (1848—1914). Л. В. Щерба писал: «В старой России было три замечательных лингвиста-теоретика: А. А. Потебня, И. А. Бодуэн де Куртэнэ и Ф. Ф. Фортунатов, которые были вождями лингвистической мысли у себя на родине, но в силу внешних обстоятельств не стали вождями мировой науки о языке»¹.

Ф. Ф. Фортунатов закончил историко-филологический факультет Московского университета, где главным наставником его был Буслаев, и оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию.

В 1871—1873 гг. он находился с ученой целью в Германии, Франции и Англии. Там он занимался изучением Ригведы и Авесты, в Лейпциге слушал Лескина и Курциуса, изучал литовские и санскритские памятники. В 1875 г. он защитил магистерскую диссертацию по рукописи ведического памятника Самаведы, представлявшую собой перевод текста на русский язык и подробный комментарий. С 1876 г. Фортунатов приступил к чтению курсов в университете. В разное время он вел курсы общего языковедения, сравнительной фонетики и морфологии индоевропейских языков, старославянского, литовского, готского языка, санскрита. Он мало печатался и свои идеи развивал в упомянутых лекционных курсах. Педагогическая деятельность Фортунатова продолжалась 25 лет до 1902 г., когда он, избранный ординарным академиком, переехал в Петербург, где руководил работой Отделения русского языка и словесности Академии наук и редактировал академические издания.

Фортунатов внес исключительно большой вклад в разработку общего языкознания и сравнительной грамматики индоевропейских

¹ Щерба Л. В. Ф. Ф. Фортунатов. — «Вопросы языкознания», 1963, № 5.

языков. Обе эти области составили целую эпоху в истории отечественной науки. Фортунатов создал стройную и последовательно разработанную грамматическую теорию, оказавшую сильное влияние на нашу грамматическую науку (так называемое формальное направление).

В своих курсах по сравнительному языкознанию Фортунатов поднимает вопросы общего языкознания. Рассматривая язык как совокупность слов и словосочетаний, он касается определений слова и словосочетания. «Язык состоит из слов, которые, за исключением лишь некоторых, вступают между собою в сочетания в суждениях, в предложениях; поэтому в словах языка мы должны различать слова отдельные и слова в их сочетаниях в мышлении, а потому и в речи, в предложениях»¹. В связи с этим разбирается вопрос о структуре языкознания. Различая в значимой стороне отдельных слов языка реальные значения (относящиеся к фактам действительности) и формальные значения (относящиеся к самому языку), Фортунатов считает, что изучение слов должно производиться в двух разделах—лексикологии, изучающей реальное значение слов, и в грамматике, изучающей формальные значения и являющейся учением о формах языка. Учение о звуках (фонетика) также составляет особый раздел науки. Лексикология рассматривает также речения — идиоматические сочетания слов. Фортунатов вводит термин «морфология», заменяющий старое название этого раздела «этимология». Предметом морфологии является учение о формах отдельных слов, синтаксис является учением о формах словосочетаний. Части речи определяются как грамматические классы слов, характеризующиеся формальными грамматическими признаками.

При анализе структуры слова Фортунатов выдвинул оригинальное учение о форме в языке, которое оказало определяющее влияние на многие последующие языковедческие работы. Грамматическую форму слова Фортунатов понимает морфологически — как членимость слова на основу и окончание. «Формой отдельных слов... называется... способность отдельных слов выделять из себя для сознания говорящих формальную и основную принадлежность слова. Формальной принадлежностью слова является при этом та принадлежность звуковой стороны слова, которая видоизменяет значение другой, основной принадлежности этого слова... Формами полных слов являются, следовательно, различия полных слов, образуемые различиями в их формальных принадлежностях, т. е. в тех принадлежностях, которые видоизменяют значение других, основных, принадлежностей тех же слов»². Ср. *рук-а, рук-и, рук-е, рук-у, рук-ой; нес-у, нес-ешь, нес-ет, нес-ем, нес-ете, нес-ут* и т. п. Из приведенного определения формы вытекает деление слов на изменяемые и неизменяемые. Основной единицей

¹ Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды, т. I. М., 1956, с. 131.

² Там же, с. 136—137.

синтаксиса в концепции Фортунатова явилось словосочетание, причем синтаксис в основном занимается изучением формы словосочетаний.

Фортунатов рассматривал язык как общественное явление и особенно подчеркивал зависимость членения и бытования языка от развития соответствующего общественного коллектива. Он отчетливо различал внешнюю и внутреннюю историю языка. Внешняя история развития языка, на его взгляд, определяется той тесной связью, которая существует между языком и обществом, говорящим на данном языке. «Каждый язык принадлежит известному общественному союзу, т. е. каждый язык принадлежит людям как членам того или иного общества. Те изменения, которые происходят в составе общества, сопровождаются и в языке соответствующими изменениями: дроблению общества на те или другие части соответствует дробление языка на отдельные наречия, а объединению частей общественного союза соответствует и в языке объединение его наречий»¹. Внутренняя история языка, по Фортунатову, зависит от каждого индивидуума, так как она определяется индивидуально-психологическим соотношением мышления и речи. В этом отношении Фортунатов примыкает к младограмматикам: он также разрабатывал и исследовал звуковые законы, а в случаях отступления от них руководствовался ассоциативной психологией, подчеркивая роль аналогических изменений в языке.

В своих работах по сравнительно-историческому изучению индоевропейских языков Фортунатов также стремился устанавливать закономерности языковых (фонетических, акцентуационных, морфологических) явлений и формулировать их в общих и отчетливых выводах. Ему была свойственна поразительная сила отвлеченного логического мышления, соединенная с методичностью наблюдений и строгостью выводов. В частности, Фортунатов, опираясь на языковые факты славянских языков, показал, что в ранний период праславянского языка задненёбные *к, г, х* перед гласными переднего ряда и / изменились в шипящие *ч, ж, иг, а в* более позднее время, уже перед новыми передними гласными, возникшими из дифтонгов, изменились в свистящие *ц, з, с*. В 1880 г. он объяснил возникновение различного места ударения в полногласных русских словах типа *ворон, волос, золото*, с одной стороны, и *ворна колода, корова* (с ударением на втором элементе полногласного сочетания), с другой, указав, что в праславянском языке соответствующие сочетания гласных с плавными имели различия в характере интонации. Эта поразительная способность вскрывать языковые факты прежних эпох на основании дошедшего до нас живого языкового материала роднит Фортунатова с Ф. деСоссюром, и не случайно, что один из законов передвижения ударения в балтийских и славянских языках был открыт ими одновременно и носит двойное название (закон Фортунатова — де Соссюра).

¹ Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды, т. I, с. 24.

Фортунатов в сравнительно-исторических исследованиях не ограничивался констатацией простых звуковых и формальных соответствий, он стремился выявить реальный путь исторического развития языка, определяя относительную хронологию и последовательность языковых изменений, строго отмечая диалектное членение изучаемого языка. Его обращение к балтийскому и славянскому языковому материалу имело принципиальное значение для сравнительного языкознания и носило новаторский характер. Фортунатов тоже стремился к реконструкции праязыковых форм; отталкиваясь от живого языкового материала, он иногда допускал в праязыке возможность дублетных и диалектных форм, которые могли служить базой для различного развития в отдельных индоевропейских языках. Вместе с тем, в отличие от немецких компаративистов-младограмматиков, Фортунатов стремился восстановить и установить пути развития индоевропейского праязыка вплоть до современных индоевропейских языков. В его курсах большое внимание «обращалось на реальные процессы, составляющие основу языковых изменений, на каузальную зависимость между наблюдаемыми фактами, на установление непосредственной связи сравнительно-исторических исследований с изучением истории отдельных языков, на выработку новых принципов построения сравнительно-исторической грамматики и сравнительно-исторического метода исследования»¹.

*Алексей Александрович
Шахматов*

Московская лингвистическая школа во главе с Фортунатовым[^] на рубеже двух веков заняла ведущее положение в мировом и русском языкознании. К числу непосредственных учеников Фортунатова принадлежат многие русские и иностранные языковеды, в частности: А. А. Шахматов, В. К. Поржезинский, Н. Н. Дурново, Д. Н. Ушаков, Г. К. Ульянов, В. Н. Щепкин, А. М. Пешковский, М. М. Покровский, М. Н. Петерсон, из иностранных ученых — норвежец О. Брок, датчанин Х. Педерсен, немцы Ф. Сольмсен и Э. Бернекер, швед Т. Торнбернсон, серб А. Белич, чех И. Поливка, словенец М. Мурко и др.

Ученик Фортунатова Алексей Александрович Шахматов (1864—1920) явился исследователем истории русского народа и его языка. Основным его устремлением было изучение истории русского языка, его литературной формы и диалектной речи в тесной связи с историей русского народа. Как и его учитель, Шахматов большое внимание уделял и изучению грамматического строя современного

¹ Березин Ф. М. Очерки по истории языкознания в России (конец XIX — начало XX в.). М., 1968, с. 45.

*Иван Александрович
Бодуэн де Куртенэ*

языка. Он впервые ввел в университете преподавание современного русского языка. В своем «Синтаксисе русского языка» (издан посмертно, в 1925—1927 гг.) Шахматов преодолел некоторые крайности формалистического подхода Фортунатова и построил более объективное грамматическое описание русского языка. Шахматов был душой многих научных начинаний, прекрасным организатором науки и отзывчивым человеком.

§ 41, Казанская лингвистическая школа.

Вторую оригинальную русскую лингвистическую школу основал в Казани русско-польский языковед **Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ** (1845—1929). Это один из самых оригинальных языковедов мира, обладавший огромными познаниями, необычной отзывчивостью на все новое и нетрадиционное, поразительной наблюдательностью и широтой интересов.

Бодуэн де Куртенэ родился в Польше. Как свидетельствует его фамилия, его предками были французы, переселившиеся в XVIII в. в Польшу. Большую часть своей жизни Бодуэн провел и работал в России. В 1862—1866 гг. он учился в Варшавской главной школе, изучая славянские языки. В это время он овладел и живым литовским языком. В 1867 г. он слушал лекции Шлейхера в Иене, в Берлине занимался санскритом. В 1868 г. Бодуэн проходил подготовку в Петербургском университете под руководством И. И. Срезневского. В том же году он напечатал свою первую работу «Некоторые случаи действия аналогии в польском склонении»¹. Начало этой статьи: «Об изменяемости основ склонения, в особенности же об их сокращении в пользу окончаний» — показалось Шлейхеру весьма радикальным, и он его исключил². Дело в том, что Бодуэн впервые перенес принципы исторического развития и изменчивости языка на морфологическую структуру слова. В 1870 г. Бодуэн в Петербурге защитил магистерскую диссертацию «О древнепольском языке до XIV столетия»³ и стал читать лекции по сравнительной грамматике. Его вступительная лекция «Некоторые общие замечания о языковедении и языке» была чрезвычайно богата по содержанию. С 1872 г. Бодуэн три года провел в Австрии и Италии, где изучал говоры словенского языка. На основании работы «Опыт фонетики резьянских говоров» в 1875 г. Бодуэн де Куртенэ получил степень доктора сравнительного языкознания. В дальнейшем Бодуэн поочередно работал в пяти университетах: Казанском,

¹ Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию, т. 1. М., 1963, с. 33—34.

² Там же, т. 2, с. 19—29.

³ Там же, т. 1, с. 47—77.

(1875—1883), Юрьевском (Тартуском) (1883—1893), Краковском (1894—1900), Петербургском (1901—1918) и Варшавском (1918—1929), куда он переехал после получения Польшей независимости.

В Казани, где 30-летний профессор начал работать в 1875 г., вокруг него образовался кружок из преподавателей и пытливых студентов, которые впоследствии и составили Казанскую лингвистическую школу. К ней относятся Н. В. Крушевский, В. А. Богородицкий, С. К. Булич, В. В. Радлов, А. И. Александров и др.

В 1897 г. он был избран членом-корреспондентом Академии наук, но в действительные члены его не избрали по политическим соображениям. В Петербурге, кроме чтения лекций, Бодуэн много работал над дополнением и редактированием третьего издания «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля (в 1912—1914 гг. вышло и четвертое стереотипное издание).

Бодуэн не был кабинетным ученым. За издание брошюры «Национальный и территориальный признак в автономии» (1913), направленной на защиту права самоопределения всех народов царской России и расцененной как «призыв к мятежу», он был приговорен к двум годам заключения в крепости. Только после протестов русской интеллигенции во главе с А. А. Шахматовым его выпустили из тюрьмы. В панской Польше Бодуэн остался верен себе и защищал угнетенных украинцев и белоруссов.

Бодуэн писал свои работы на польском, русском, немецком, словенском, чешском, французском, итальянском, литовском и ряде других языков и печатал их в различных журналах. Общего труда с изложением своих лингвистических взглядов он не создал. Да это, очевидно, и трудно было сделать, так как воззрения его на многие проблемы со временем менялись¹. Из непосредственных учеников Бодуэна по Петербургу следует назвать Л. В. Щербу, Е. Д. Поливанова, Л. П. Якубинского, С. И. Бернштейна, Б. А. Ларина, Б. В. Томашевского, Б. Я. Владимирцова, А. П. Баранникова, В. В. Виноградова.

Бодуэн часто бывал за границей, слушал лекции крупнейших языковедов того времени (Шлейхера, Лескина, Асколи), но, по словам Л. В. Щербы, «не был ничьим учеником, не принадлежал ни к какой школе, сам себя называл автодидактом» и « всю свою жизнь по всем решительно вопросам занимал — хотя вовсе не старался занимать — собственную, нетрафаретную позицию». В своих слушателях он также стремился вызвать любовь к предмету, самостоятельность и смелость мысли, критическое отношение к устаревшим положениям в науке, интерес к общелингвистическим теоретическим проблемам, склонность к изучению и наблюдению над живыми языками и диалектами. В своих работах он часто высказывал такие положения и теоретические выводы, которые в дальнейшем оказывались основополагающими для целых линг-

¹ Наиболее полный перечень работ Бодуэна де Куртенэ и оценку его деятельности содержит сборник статей: И. А. Бодуэн де Куртенэ (К 30-летию со дня смерти). М., 1960.

вистических направлений. Именно поэтому изучение работ Бодуэна де Куртенэ остается актуальным и в настоящее время. Важно отметить и стремление Бодуэна к пополнению лингвистической терминологии новыми и однозначными терминами. Он, например, впервые употребил в современном значении такие термины, как фонема, морфема, морфологизация, семасиологизация, синтагма, лексема, графема, кинема и др.

1. Бодуэн выдвинул требование принципиального разграничения звукового и графического планов языка. В период становления компаративизма сложилась ошибочная традиция смешения звуков с буквами, объясняемая отчасти значением древних, зафиксированных на письме, индоевропейских языков для сравнительно-исторического языкознания. От своих учеников Бодуэн требовал четкого различия звуков и букв, подчеркивал значение хорошего знания фонетики живых языков и их диалектов.

2. Признание преимущества данных, извлеченных из наблюдений над живыми языками и диалектами, по сравнению с фактами, отраженными в памятниках письменности различных эпох. Это положение выдвигалось и немецкими младограмматиками, но почти вся их практика противоречила выдвигаемому постулату. Только у Бодуэна и его последователей оно приобрело характер основополагающего принципа, связанного со всей лингвистической системой. Сам Бодуэн, подобно Срезневскому, с котомкой за плечами ходил по деревням, собирая материалы по диалектологии. Он таким образом обошел Литву, Словению, Латвию. До выхода трудов Жильерона Бодуэн уже читал лекции по лингвистической географии (славянской и балтийской). Самое обращение к живым языкам у казанских лингвистов и младограмматиков преследовало разные цели: казанцы стремились путем такого изучения познать закономерности развития языка, а младограмматики искали в них пережитки прошлых состояний. Бодуэн подчеркивал неоднократно методологическую важность изучения диалектов для познания законов функционирования языка. Он углубленно изучал фонетическую систему говоров и первым обратил внимание на точность записи живой диалектной речи.

3. Разграничение статики (синхронии) и динамики (диахронии) языка. Это разграничение, вошедшее впоследствии в лингвистическую концепцию Ф. де Соссюра, было выдвинуто впервые Бодуэном и принято его школой. Строгое различие описательного (статического) и исторического (динамического) аспекта в языке, однако, не совпадало с пониманием Соссюра, который считал их противоположностями, а являлось именно двумя аспектами одного и того же языка. Разграничивая статику и динамику языка, казанцы признавали самостоятельность этих двух подходов к языку и специфику каждого из них, так как имели в виду в первом случае изучение явлений, «совершающихся каждовременно в данном состоянии языка», а во втором — изменения, «совершающиеся в истории, на протяжении многих веков и в целом ряду

говорящих поколений». Бодуэн, подобно Гумбольдту, считал, что каждая наличная языковая система есть в одно и то же время и средство общения, и один из моментов в историческом развитии языка. В этой системе имеются и относительно устойчивые явления, и отмирающие пережитки прошлого, и способные к развитию зародыши будущей системы. Такое понимание основывалось на исторической преемственности языка и констатации того факта, что для говорящих гораздо важнее живые, существующие элементы системы языка, которые как говорящий, так и слушающий живо ощущают. Бодуэн писал: «Нет неподвижности в языке. Принимаемые, например, многими лингвистами одинаковые, неизменные корни, одинаковые, неизменные основы склонения, спряжения и т. д. во всех родственных языках — есть ученая выдумка, ученая фикция и вместе с тем тормоз для объективного исследования. В языке, как и вообще в природе, все живет, все движется, все изменяется. Спокойствие, остановка, застой — явление кажущееся; это частный случай движения при условии минимальных изменений. Статика языка есть только частный случай его динамики или скорее кинематики»¹.

4. Разграничение физиологических и психологических процессов и явлений в языке. Эта антиномия физического и психического в механизме языка, столь волновавшая младограмматиков, сохраняет свою актуальность и для Бодуэна и его последователей. В борьбе против шлейхеровского натурализма он уже с самого начала своей деятельности подчеркивал, что язык не организм и что его нельзя рассматривать отдельно от человека. «Здесь, как и в других разделах языкознания, — писал Бодуэн, — нас поражает укоренившаяся привычка персонификации и вообще одухотворения понятия языка, человеческой речи, т. е. привычка рассматривать языки как особые существа, как «живые организмы», в отрыве от людей. Только при таком ошибочном подходе могли возникнуть «генеалогические древа» родственных языков (Stammbaumtheorie) и «теория волн» (Wellentheorie). Наивно провозглашаемая теория «генеалогического древа» основывается на представлении, что язык является существом типа животного или растения... Теория волн, расходящихся из определенных центров, теория приобретения от соседей тенденций к определенным изменениям в том или ином направлении... вызывает у нас предположение, что язык, оторванный от человека, является текучей, жидкой субстанцией, чем-то вроде воды или даже отравляющих газов»².

Еще до младограмматиков Бодуэн стал применять к изучению звуковых процессов и грамматических явлений принцип аналогии. Он способствовал укреплению в языкознании психологической точки зрения, утверждал, что «объяснение языковых явлений

¹ Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные работы по общему языкознанию, т. 1, с. 349.

² Там же, т. 1, с. 342—343.

может быть только психологическим или в известных пределах физиологическим».

Бодуэн подверг резкой критике механическое понимание младограмматиками звуковых законов, указав на то, что они являются результатом действия разнообразных и часто противоречивых факторов, почему их вообще нельзя именовать законами. Бодуэн стремился вскрыть внутренние силы речевой деятельности. Поэтому он и заострял внимание на взаимодействии антропофонических (физиологических) и психологизированных, семасиологизированных моментов в развитии языка. Вместе с тем Бодуэн стремился внедрить социальный подход к языку: «Язык как в целом, так и во всех своих частях имеет только тогда цену, когда служит целям взаимного общения между людьми». Таким образом, он стремился учитывать психическую и социальную стороны языка.

5. Требование не навязывать языку чуждых ему категорий, а исследовать то, что в нем действительно представлено. Рецензируя книгу А. Лескина о старославянском языке, Бодуэн считал недопустимым классифицировать систему склонения этого языка, основываясь на гипотезах о индоевропейском праязыке.

Эта классификация, писал он, «навязана старославянскому языку извне, а вовсе не основана на рассмотрении самого же старославянского словоизменения». Он считал, что основоположники сравнительного языкознания «занимались не равноправным объяснением строя всех языков ариоевропейских, а просто сравнением их с санскритом, причем на явления прочих языков они глядели через санскритское очко и подгоняли их под санскритские категории». Особенно важно это требование было для сравнительно-исторических исследований.

Другим принципиально важным для усовершенствования сравнительно-исторического метода достижением Казанской школы было требование учета хронологии языковых явлений и процессов, свидетельствующее о глубоком понимании исторических и причинных связей между фактами родственных языков. Бодуэн придавал большое значение типологическим характеристикам родственных и неродственных языков. Он писал: «Вообще характеристики языков по известным статическим особенностям должны быть заменены характеристиками по целым линиям исторического развития, по целым линиям постепенных видоизменений, проделанных языками в течение их многовековой исторической жизни».

Однако Бодуэн не был систематизатором фактов. Факты служили ему для решения теоретических проблем. По мнению Бодуэна, без стремления к широким научным обобщениям немислима ни одна настоящая наука.

6. Подчеркивание системного характера языка. Это выражалось в понимании языка как системы взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов. В связи с этим Бодуэн стремился к выработке новых приемов исследования единиц языка. Наиболее важны положения Казанской школы, выдвинутые в связи с изучением

фонемы, морфемы и слова. Бодуэн впервые в истории языкознания высказал мысль о несовпадении физических и функциональных свойств звуков и тем самым положил начало учению о фонеме (фонологии). Он уловил различие между «звуком» (продуктом вибрации органов речи и воздуха) и «фонемой» (чисто лингвистическим элементом, имеющим смыслоразличительную функцию в слове и любой грамматической форме и вследствие этого принимающим участие в создании фонетической структуры языка). Этот тезис содержится в его вступительной лекции (1870): «Роль звуков в механизме языка, их значение для чутья народа, не всегда совпадающее с соответственными категориями звуков по их физическому свойству и обусловленное, с одной стороны, физиологической природой, а с другой — происхождением, историей звуков; это разбор звуков с морфологической, словообразовательной точки зрения»¹. В это время Бодуэну был свойствен при определении фонемы морфологизм, ибо фонема понималась им не как фонетическая, а скорее как этимологоморфологическая единица (при чередовании).

В более поздней работе «Опыт теории фонетических альтернатив. Глава из психофонетики» (1895) Бодуэн определяет фонему с индивидуально-психологической точки зрения. Изучение психических представлений, лежащих в основе фонетических явлений, представление о тех артикуляциях, которые необходимы для образования того или иного звука, — вот что составляет, по мнению Бодуэна, учение о фонеме.

Фонема — это звук, одинаковый в представлении, но различный в исполнении. «Фонема — единое представление, принадлежащее миру фонетики, которое возникает в душе посредством слияния впечатлений, полученных от произношения одного и того же звука — психический эквивалент звуков языка»². Хотя и нельзя согласиться с «психофизической» теорией фонемы Бодуэна, но отход от чисто физического и физиологического изучения звуковых явлений в сторону языковую, социальную был весьма актуальным для лингвистической разработки звукового строя языка.

Бодуэн с самого начала своей деятельности большое внимание уделял изучению морфологической структуры слова, в частности процессов переинтеграции составных элементов слова — морфем (переразложение и опрощение основы).

Многие идеи Бодуэна нашли продолжение и развитие в трудах его казанских учеников. К ним в первую очередь относятся рано умерший Николай Вячеславович Крушевский (1851—1887) и Василий Алексеевич Богородицкий (1857—1941).

Основным трудом талантливого Крушевского был «Очерк науки о языке» (1883), посвященный важнейшим проблемам общего языко-

¹ Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные работы по общему языкознанию, т. 1, с. 66.

² Там же, т. 1, с. 271—272.

знания. В этой книге, задолго до Соссюра, Крушевский заявлял, что «слово есть знак вещи» и что «язык есть не что иное, как система знаков». Системный характер языка был для него очевиден: «Невзирая на все отклонения, язык является одним гармоническим целым». Эта система может рассматриваться как «в порядке сосуществования (статики)», так и «в порядке последовательности (динамики)». Крушевский считал полезным изучение живых языков: «Только изучение новых языков может способствовать открытию разнообразных законов языка, теперь неизвестных потому, что в языках мертвых их или совсем нельзя открыть, или гораздо труднее открыть, нежели в языках новых. Наконец, только изучение новых языков может установить взаимную связь между отдельными законами». Крушевский много занимался изучением морфологической структуры слова, вопросами словообразования и семантическими связями слов.

Богородицкий обладал обширными познаниями и широким кругом научных интересов. Он развивал общетеоретические положения Бодуэна, подчеркивал социальный характер языка, занимался сравнительно-исторической грамматикой индоевропейских языков, русским языком (см. его «Общий курс русской грамматики», «Очерки по языковедению и русскому языку», труды по фонетике), он явился одним из первых фонетистов-экспериментаторов не только в России, но и в мире, занимался татарским и другими тюркскими языками. В «Курсе сравнительной грамматики ариоевропейских языков» (1890) Богородицкий призывал к сопоставительному изучению языков. В работе «К хронологии и диалектологии фонетических процессов в языках ариоевропейского семейства» (1900) Богородицкий применил метод относительной хронологии и показал диалектное членение в области фонетики для отдельных ветвей индоевропейской семьи языков в доисторический период. В. А. Богородицкому принадлежит также заслуга в разработке процессов переразложения, опрощения и др. Он уделял много внимания и прикладному языкознанию.

Московская и Казанская лингвистические школы подняли русское языкознание на высокий методологический уровень, во многих аспектах исследования языка они превзошли младограмматическую методологию и тем самым создали реальные предпосылки

для преодоления младограмматизма и развития новых методов и приемов изучения языка.

Следует также отметить международное значение деятельности таких корифеев русского языкознания, как Бодуэн де Куртенэ и Фортунатов. К настоящему времени стало ясным, что Соссюр был знаком с трудами Бодуэна де Куртенэ и в своем «Курсе общей лингвистики» использовал многие его теоретические положения. Влияние Фортунатова отчетливо прослеживается в концепциях многих европейских ученых, далеко выходя за пределы славянских стран.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Березин Ф. М. (сост.). Хрестоматия по истории русского языкознания. М., 1973.
- Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1—2. М., 1963.
- Буслаев Ф. И. О преподавании отечественного языка. М., 1941.
- Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959.
- Востокова А. Х. Пространная грамматика русского языка. Спб., 1831.
- Покровский М. М. Избранные работы по языкознанию. М., 1959.
- Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды. Т. 1—2. М., 1956.
- Березин Ф. М. Очерки по истории языкознания в России (конец XIX — начало XX в.). М., 1969.
- Булаховский Л. А. Александр Афанасьевич Потебня. К 60-летию со дня смерти. Киев, 1952.
- Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. Спб., 1901.
- Виноградов В. Синтаксис акад. Шахматова. — Вопросы синтаксиса русского языка. М., 1950.
- Виноградов В. В. Из истории изучения русского синтаксиса. От Ломоносова до Потебни и Фортунатова. М., 1958.
- Виноградов В. В. Толковые словари русского языка. — Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.
- Виноградов В. В. История русских лингвистических учений. М., 1978.
- Леонтьев А. А. Общелингвистические взгляды Бодуэна де Куртенэ. — «Вопросы языкознания», 1959, № 6.
- Панов Д. А. Лингвистические взгляды В. Г. Белинского. Саратов, 1959.
- Сергеев П. А. Лингвистическое и методическое наследие Н. Г. Чернышевского. Челябинск, 1975.
- Смирнов С. В. Ф. И. Буслаев и русское языкознание первой половины XIX века. — «Ученые записки Тартуского ун-та», вып. 279, 19/1.
- Чемоданов Н. С. Сравнительное языкознание а России. М., 1956.
- Черепанов М. В. Н. В. Крушевский как представитель Казанской лингвистической школы. Казань, 1958.
- Щерба Л. В. И. А. Бодуэн де Куртенэ и его значение в науке о языке. — Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.
- Щерба Л. В. Ф. Ф. Фортунатов в истории науки о языке. — «Вопросы языкознания», 1963, № 5.
- Ягич И. В. История славянской филологии. Спб., 1910.

ГЛАВА 9

КРИТИКА МЛАДОГРАММАТИЗМА. ПОИСКИ НОВЫХ ПУТЕЙ

К началу XX в. относится создание ряда лингвистических направлений, которые резко выступили против младограмматической трактовки языка и методов его изучения. Время крупных открытий с помощью младограмматической методики кончилось. Появились оригинальные языковеды, для которых положения младограмматиков оказались догмами, мешавшими развивать языкознание. К таким ученым следует отнести в первую очередь Г. Шухардта, А. А. Потебню, И. А. Бодуэна де Куртенэ, Ф. де Соссюра, О. Есперсена, Ж. Жильерона, Г. Асколи. Именно эти языковеды произвели переоценку лингвистической теории и указали пути поисков нового в лингвистике.

Мы видели, что Бодуэн уже в своей первой работе шел вразрез с младограмматическим учением. Он первым поставил вопрос, что такое язык и каковы его связи с совокупностью явлений речи. Его учение о статике и динамике языка, отнесение фонемы к статическому аспекту языка и некоторые другие положения развивались параллельно с работой выдающегося швейцарского лингвиста Фердинанда де Соссюра (1857—1913), причем взгляды одного влияли на взгляды другого. Наиболее крупный успех, однако, сопутствовал Соссюру, ибо на базе его работ возникли социологическое направление в языкознании и многообразные теории современного структурализма.

В самый расцвет младограмматизма против их понимания фонетического закона выступил видный австрийский лингвист Г. Шухардт. Его статья «О фонетических законах (Против младограмматиков)» (1885) привела к бурной дискуссии, после которой младограмматики вынуждены были внести ограничения в действие этих законов¹. Г. И. Асколи, знаменитый итальянский языковед, также выступил против младограмматиков. В 1909 г. Шухардт и его австрийский коллега Рудольф Мериингер основывают журнал «Wörter und Sachen» («Слова и вещи»), который и дал название новому линг-

¹ Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию. М., 1950, с. 23—55.

вистическому направлению. Во Франции на принципах «географического варьирования» Шухардта и «волновой теории» И. Шмидта **Жюль Жильерон** (1854—1926) создает лингвистическую географию, которую итальянские неолингвисты продолжили как «ареальную лингвистику». Наряду с указанными попытками связать изучение языка с социологией в XX в. некоторые лингвисты искали опору в психологии (**А. Марти, Я. ван Гинникен, К. Бюлер**), в логике (**Э. Кассирер, Э. Гуссерль**), в эстетике и потребности к самовыражению (**Б. Кроне, К. Фосслер** — так называемый эстетический идеализм) и даже в психоанализе Э. Фрейда (фрейдизм).

Гуго Шухардт

§ 42. Социологическое направление. В качестве реакции на младограмматический взгляд, рассматривающий язык как систему представлений индивида, в начале XX в. возникает противоположная тенденция—подчеркивание общественной функции языка как средства общения. Эта тенденция нашла философскую опору в социологических построениях Дюркгейма и Леви-Брюля. Основателями этого направления явились Соссюр и его ученик **Ангуан Мейе** (1866—1936), которые называли его «социологическое языкознание». К этому направлению принадлежали французские языковеды **Жозеф Вандриес** (1875 — 1960), **Шарль Балли** (1865—1947), **Альбер Сеше** (1870—1956), норвежец **Альф Соммерфельт**, **Эмиль Бенвенист** (1902—1977).

Человеческая речь представляет собой социальное явление — вне общества эта способность человека не может проявиться, — и поэтому она должна изучаться как таковая и в связи с другими социальными явлениями. Однако «язык есть явление социальное, многими чертами отличающееся от прочих социальных явлений: политических, юридических и др.»¹. Как средство общения язык не может быть чисто психическим явлением, ибо психическое неспособно быть средством общения. Язык может служить средством общения лишь потому, что языковые знаки имеют физическую природу: слышать можно произносимое и слышимое, а не представляемое слово.

Язык представляет собой систему знаков. Языковой знак (слово), являясь элементом системы, обладает значимостью. Языковой знак условен по отношению к обозначаемому, но безусловен, непроизволен по отношению к говорящему. Язык переходит из поколения в поколение по традиции и определяет языковую деятельность индивида. Синхронный анализ системы языка—важнейшее

¹ Де Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. М., 1933, с. 40.

средство его познания. В языке новшества создаются отдельными лицами, но распространяются и остаются в народе только те, которые принимают все говорящие. Потому санкция языкового коллектива имеет решающее значение. Индивид не может самовольно ни создать, ни изменить языковой знак. Поэтому развитие языка определяют не психологические или физиологические причины (они во всех обществах совпадают), а общественно-исторические условия¹.

В связи с этими положениями представители социологического направления выдвигали тезис о социальной дробности языка, определяли историю слов социальными моментами, указывали при заимствовании на «престиж» языка-источника, обращали внимание на последствия смешения и взаимодействия языков, категорически отвергали расизм в языкознании и отождествление культурного уровня определенного народа и грамматических особенностей его языка.

Слабые стороны этого направления связаны с идеалистическим пониманием самого общества, с допущением «социальной психологии» и иногда преувеличением классового момента в языке.

§ 43. Направление «слов и вещей». Лингвистическая география. В конце XIX в. Г. Шухардт выступил с призывом изучать слова вместе с обозначаемыми ими вещами, исследовать историю «слов и вещей». Позднее, в 1912 г., в статье «Вещи и слова» он привел обоснование задач и методов подобного изучения². Шухардт предложил не ограничиваться при изучении слов анализом их звуковой формы и сходным смыслом, а дополнить эти приемы исследованием обозначаемых этими словами предметов и вообще всех данных культуры, могущих в каком-либо отношении осветить факты языка. Шухардт относил к «вещам» не только предметы материального мира, но получалось так, что именно подобные слова и вещи преимущественно изучались языковедами.

В 1909 г. начал выходить журнал «Wörter und Sachen». В это же время начали уделять большое внимание изучению народных

¹ См.: Соммерфельд А. Французская лингвистическая школа. — В сб. «Новое в лингвистике», вып. IV. М., 1965, с. 357—371.

Многие труды представителей социологического направления переведены на русский язык: Вандриес Ж. — Язык. Лингвистическое введение в историю. М., 1937; Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., 1938; Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954; Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951; Мейе А. Основные особенности германской группы языков. М., 1952; Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование. М., 1955; Бенвенист Э. О природе языкового знака. — В кн.: Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях, ч. I. М., 1964; Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974; Бенвенист Э. О классификации языков. — В сб.: Новое в лингвистике, вып. III. М., 1964; Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955; Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961.

² Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию. М., 1951, с. 198—209.

говоров. У основания диалектологии стоят Г. Асколи, И. А. Водуэн де Куртенэ, И. Винтелер, Г. Венкер* и особенно Ж- Жильерон. Бодуэн в своей автобиографии (1897) писал: «В языковедении еще» может быть, более чем в истории, следует строго держаться требований географии и хронологии».

Лингвистическая география, или диалектография, сделала за последнее столетие значительные успехи. Созданы диалектологические атласы ряда европейских языков. Начал эту работу Г. Венкер в Германии. В 1876 г. он разослал народным учителям анкету, на которую к 1886 г. пришло 40 тысяч ответов.

Сокращенное издание «Deutscher Sprachatlas» Венкера и его продолжателя Ф. Вреде вышло в 1926—1932 гг. (в 6 томах). Позже Венкера начал подготовку диалектологического атласа Франции Ж- Жильерон, но «Atlas linguistique de la France» (в 12 томах) был издан Жильероном в сотрудничестве с Э. Эдмоном раньше, в 1902—1910 гг. Если Венкер использовал анкетный метод, то французский атлас содержит материалы, добытые прямым методом: его записал на местах (было 639 пунктов) Эдмон по вопросу Жильерона в точной фонетической транскрипции. Известен и хороший атлас диалектов Италии и Швейцарии (в 8, томах), составленный К- Ябергом и И. Юдом и изданный в 1928—1940 гг. В России в 1903 г. была основана Московская диалектологическая комиссия, издавшая в 1915 г. ценный труд «Диалектологическая карта. Русский язык в Европе». В настоящее время по русскому языку собран и обработан колоссальный материал по диалектографии, хотя вышел пока только первый том атласа.

Лингвистическая география впервые наглядно показала всю сложность языка в территориальном и социальном отношениях. Наряду с обычным представлением об общей структуре говоров языка стало очевидно, что нет сплошных диалектных массивов, а имеются изоглоссы, т. е. области распространения отдельных явлений говора — слов, форм и звуков. Вместе с тем границы изоглосс впервые удалось связать с причинами культурно-исторического характера. Картографирование диалектных особенностей как различительных элементов системы языка находится в русле современной науки¹.

Пионеры лингвистической географии нередко допускали ошибки и релятивистский подход при оценке фактов, добытых при составлении атласов. Жильерон выдвинул тезис о том, что каждое слово имеет свою собственную историю, представляет собой фошетический феномен. В действительности увеличение количества «исключений» из действия фонетических законов связано с заимствованием и переходом слов из одного диалекта в другой, причем в исходном диалекте данное слово подчинялось фонетическим закономерностям. Некоторые исследователи абсолютизировали трудности различения языка и диалекта, за изоглоссами утрачивали

¹ См.! Вопросы теории лингвистической географии. Сб. М., 1962.

территориальное и структурное единство языка. Положение Шухардта о том, что язык — «континуум», непрерывность, стало очевидной истиной с появлением лингвистической географии. Постоянное взаимодействие, существующее между отдельными говорами, а также между говорами и письменным языком, подтвердило и другую мысль этого ученого — что не существует несмешанных языков или несмешанной речи.

§ 44. Неолингвистика. Неолингвистика как особое лингвистическое направление возникла в 20-х годах в Италии. К этому направлению относятся итальянские лингвисты **Джулио Бергони** (1878—1942), **Маттео Бартоли** (1873—1946), **Витторио Пизани** (род. в 1899 г.), **Джулиано Бонфанте** (род. в 1904 г.), **Джакомо Девото** (род. в 1897 г.), **Бруно Мильборини** (род. в 1896 г.) и др. Изложение взглядов неолингвистов содержится в статье Дж. Бонфанте¹. В качестве исходных положений неолингвистика взяла методiku изоглосс лингвистической географии, «волновую теорию» И. Шмидта, «союзы языков» Н. С. Трубецкого, некоторые положения Шухардта, эстетизм Кроче и Фосслера. По мнению неолингвистов, единого языка не существует, имеется лишь совокупность различных изоглосс. Лингвистическую географию и ее принципы они применяют и при изучении индоевропейского праязыка. При этом они считают, что между языками нет четких границ, а существует лингвистическая непрерывность с постепенными, непрерывными переходами.

Язык — явление индивидуальное, каждое изменение имеет индивидуальную причину. В основе появления и развития языка лежат, как полагал Кроче, духовная деятельность и художественное творчество.

Вместо генетического родства языков неолингвисты выдвигают сближение и объединение смежных языков в один «языковой союз». Полиглот А. Тромбетти в свое время пытался установить связи языков в мировом масштабе. Много внимания уделяется ими заимствованиям, смещению языков и роли субстрата, т. е. влияния языка, который на определенной территории существовал раньше, был побежден и растворился в языке-победителе, оставив в его системе какие-либо следы².

§ 45. Эстетический идеализм. Стремление рассматривать язык с эстетической точки зрения наиболее последовательное выражение нашло в работах итальянского философа-интуитивиста **Бенедетто Кроче** (1866—1952). Интуитивизм рассматривает язык как иррациональный продукт творческой интуиции отдельных лиц,

¹ Бонфанте Дж. Позиция неолингвистики.— В кн.! Звеги ті-Пев В. А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях, ч. 2. М., 1964, с. 336—357.

² Проблемы, разрабатываемые неолингвистами, нашли отражение в сб. I Современное итальянское языкознание. М., 1971.

как систему образов, творимую и воспринимаемую только интуитивным путем¹. Взгляды Кроче получили дальнейшее развитие в работах немецкого лингвиста-романиста **Карла Фосслера** (1872—1949). Он также рассматривает язык как явление индивидуального духовного творчества. В 1904 г. он написал свою программную работу «Позитивизм и идеализм в языкознании», направленную против младограмматиков. Последних он именует позитивистами, которые изучение языковых явлений считают самоцелью, сводя всю работу к накоплению фактического материала. Идеализм же в языкознании означает обнаружение причинных связей между явлениями, так как движущей силой языковых изменений является «дух языка». В силу творческого характера языка Фосслер видит в нем эстетический фактор. Поэтому его взгляды и называют эстетическим идеализмом.

По мнению Фосслера, теоретическим духом языка обладают только талантливые люди, художники слова, практическим же — все обычные люди. Существует столько языков, сколько говорящих. Лишь стилистика является наукой о языке. Фосслер выдвигает перед языкознанием ряд проблем: отношение языка писателей и общенародного языка, связь истории культуры с развитием языка, лингвистическое изучение стилистики. Свои принципы он практически воплотил в книге по истории французского языка «Культура Франции в зеркале ее языкового развития» (1913).

Фосслер ошибается, смешивая языкознание и искусство, отрывая язык от мышления, утверждая, что язык алогичен, не учитывающая язык и социальные формы его существования.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Вандриес Ж. Язык. М., 1937.

Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.

Лафарг П. Язык и революция. М.—Л., 1930.

Звегинцев В. А. Эстетический идеализм в языкознании. К- Фосслер и его школа. М., 1956.

Йордан Й. Романское языкознание. Историческое развитие, течения, методы. М., 1971.

Соммерфельт А. Французская лингвистическая школа. — Новое в лингвистике, вып. IV- М., 1965.

Щербач Л. В. Памяти А. Meillet. — «Вопросы языкознания», 1966, № 3.

¹ Кроче Б. Эстетика как наука о выражении и общая лингвистика. М., 1920.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ Ф. ДЕ СОССЮРА

§ 46. Основные положения концепции Соссюра. Фердинанд де Соссюр (1857—1913) — один из выдающихся лингвистов, которого можно сравнить с Ф. Боппом, А. Гумбольдтом, А. Шлейхером или И. А. Бодуэном де Куртенэ. По национальности Соссюр француз, родился в Женеве (Швейцария). В 1876 г. он слушал в Лейпциге Лескина, Остгофа, Бругмана — создателей младограмматического направления. Мы уже говорили о его известной книге «Трактат о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках», вышедшей в 1879 г. В последующие годы Соссюр читает лекции в Париже, где у него учились А. Мейе, М. Граммон. В 1891 г. он вернулся в Женеву и стал в университете экстраординарным профессором, а в 1886 г. ординарным профессором санскрита и сравнительной грамматики индоевропейских языков. В 1906 г. Соссюр получил кафедру общего языкознания. В 1906—1911 гг. он три раза прочел курс общего языкознания, который слушали Ш. Балли и А. Сеше. В 1916 г., уже после смерти учителя, его женевские слушатели по своим записям лекций издали книгу под названием «Cours de linguistique generale», которая вызвала широкий отклик своими новаторскими и оригинальными идеями. В 1933 г. в Москве появился перевод этой книги на русский язык¹. Эта книга оказала своим содержанием, своей концепцией большое влияние на современное языкознание, и до сих пор отдельные ее положения и вся система вызывают горячие споры.

Концепция Соссюра своим острием направлена против младограмматиков, у которых не было четкого понимания специфики и системного характера языка, которые были узкими эмпириками, боявшимися общетеоретических построений. Однако Соссюр силен не критическим отношением к своим предшественникам. Сила его аргументации в том, что он внес в традиционные лингвистические теории существенные изменения; его сила в новом взгляде на уже

¹ Де Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. М., 1933. См. также: Де Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М., 1977.

поднятые лингвистические проблемы. Й. Йордан сравнивает его с истинным учителем, спокойно и обстоятельно рассматривающим то, что «он должен сказать своим ученикам, стараясь на каждом шагу обращать их внимание на ошибки, которых следует избегать, и указывать им дорогу, по которой они могут идти, ничего не опасаясь. Трудно представить себе более глубокого и более объективного наблюдателя языковых фактов, чем Соссюр. Поэтому его объяснения в большинстве случаев очень четки, почти математически точны и часто убеждают»¹.

Основные положения концепции Соссюра следующие:

1. Соссюр различает «язык» (*langue*), «речь» (*parole*) и «речевую деятельность» (*langage*). Речевая деятельность — система выразительных возможностей данного народа — весьма многообразна и соприкасается с рядом областей: физикой, физиологией, психологией. В общей совокупности речевых процессов Соссюр выделяет два полярных аспекта: язык и речь. Язык — это грамматическая система и словарь, т. е. инвентарь языковых средств, без овладения которыми невозможно речевое общение. Язык как лексическая и грамматическая система потенциально существует в сознании индивидов, принадлежащих к одной языковой общности. Как общественный продукт и как средство взаимопонимания людей, язык не зависит от индивида, который на нем говорит. Напротив, индивид должен прилагать немалые усилия, чтобы в совершенстве овладеть системой языка. Поэтому изучение языка — это чисто психологический процесс. Речь означает акт, посредством которого индивид пользуется языком для выражения своих мыслей, это использование средств языка в целях общения; она состоит из индивидуальных актов говорения и слышания, осуществляемых в круговороте общения. Поэтому ее изучение должно быть психофизиологическим. Язык и речь «тесно между собою связаны и друг друга взаимно предполагают: язык необходим, чтобы речь была понята и производила все свое действие; речь, в свою очередь, необходима для того, чтобы установился язык: исторически факт речи всегда предшествует языку»². Следовательно, развитие языка обнаруживается в речи, живая речь есть форма существования и развития языка. Но, признавая все это, Соссюр заявляет: «все это не мешает тому, что это две вещи совершенно различные»,

¹ Йордан Й. Романское языкознание. Историческое развитие, течения, методы. М., 1971, с. 413.

² Де Соссюр Ф. Курс общей лингвистики, с. 42.

противопоставляет язык речи и утверждает, будто нужны даже две науки — «лингвистика языка» и «лингвистика речи».

Какие же свойства языка и речи ведут к их противопоставлению? Во-первых, язык отличается от речи, как явление социальное от индивидуального. Язык — это своего рода кодекс, навязываемый обществом всем его членам в качестве обязательной нормы. Как социальный продукт, он усваивается каждым индивидом в готовом виде. Речь же всегда индивидуальна. Каждый акт речи имеет автора — говорящего, импровизирующего речь по своему усмотрению. «Язык не есть функция говорящего субъекта, он пассивно регистрируется индивидом», который «сам по себе не может ни создать, ни изменить его». Напротив, «речь есть индивидуальный акт воли и понимания». Во-вторых, язык противостоит речи как потенция ее реализации. В-третьих, язык является устойчивым и долговечным и отличается от речи, которая неустойчива и однократна. В-четвертых, язык отличается от речи, как «существенное от побочного и более или менее случайного». Отмеченные Соссюром отличия языка и речи действительно существуют, но они не дают основания абсолютизировать их, ибо эти два аспекта речевой деятельности в каждом отдельном случае представляют неразрывное диалектическое единство: ни один из них нельзя себе представить независимо от другого, оба они взаимно обусловлены, ибо «язык» — это общее, а «речь» — частное, особенное.

Более серьезным по своим последствиям является ошибочное мнение Соссюра, считающего язык абстракцией, «системой чисто лингвистических отношений», своего рода игрой нашего разума, наподобие игры в шахматы, к сравнению с которой он часто прибегает в рассуждениях о природе языка. Глоссематики, например, пошли дальше Соссюра в отрыве «языка» от «речи» и признании его чистой абстракцией, системой чистых отношений.

2. Важным достижением Соссюра было установление специфики языкознания как науки. До него лингвисты подходили к изучению языка с позиции или логики, или психологии, или физиологии, или социологии. Он заключает свой «Курс» следующим выводом: «Из сделанных нами экскурсов в смежные нашей науке области вытекает нижеследующий принцип чисто отрицательного свойства, но тем более интересный, что совпадает с основной мыслью этого курса: *единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя*»¹.

Первая часть этого вывода абсолютно справедлива, установление объекта изучения и выработка соответствующих методов создают специфику языкознания, необходимую для него как самостоятельной науки. Второй тезис, что язык следует рассматривать «в самом себе и для себя», вызывает возражения. Язык ведь существует для определенных целей — как орудие общения, средство выражения

¹ Де С о с с ю р Ф. Курс общей лингвистики, с. 207,

и мыслей и всей человеческой культуры. Отрывать его от его общественных функций и замыкать в самом себе — ошибочный путь. Впрочем, Соссюр в данном случае мог вкладывать в термин «язык» содержание, раскрытое выше, но общий контекст противоречит этому предположению.

3. Рассматривая факторы, влияющие на развитие языка, Соссюр стремится, в духе предыдущего определения, «устранить из понятия языка все, что чуждо его организму, его системе». Он резко отделяет внутреннюю лингвистику (саму языковую систему) от внешней лингвистики (внешних условий функционирования и развития языка).

Соссюр отмечает связь истории языка с историей общества и цивилизации. Он признает, что «обычаи нации отражаются на ее языке, а с другой стороны, в значительной мере именно язык формирует нацию». Политическая история, связанная с завоеваниями, колонизацией, миграцией, языковой политикой, развитие материальной культуры и производства влияют на язык: определяют его границы, взаимодействие с другими языками, определяют особенности литературного языка, приводят к заимствованиям и т. п. Однако, по мнению Соссюра, экстралингвистические факторы не затрагивают внутреннюю систему языка: «ошибочно думать, что, минуя их, нельзя познать внутренний организм языка». Более того: нет никакой надобности знать условия, в которых развивается тот или иной язык. Это деление лингвистики на внешнюю и внутреннюю выдвигает на первый план последнюю, ибо «язык есть система, подчиняющаяся своему собственному порядку», так как «внутренним является все то, что в какой-либо степени видоизменяет систему». Между тем ясно, что язык и его развитие следует изучать в связи с обществом, создавшим его и непрерывно его развивающим. Поэтому противопоставление, отрыв двух лингвистик друг от друга и признание истинной только внутренней лингвистики едва ли правомерно. Вместе с тем нужно отметить, что Соссюр таким делением способствовал расчленению проблемы отношения системы языка к истории общества. Эта важная проблема до сих пор не получила историко-материалистического обоснования.

4. Соссюр различал в языке два аспекта — синхрония и диахрония. Синхрония — это одновременное существование языка, статический аспект, язык в его системе. Диахрония — это последовательность языковых фактов во времени, исторический или динамический аспект. Из этого противопоставления он делал категорический вывод: «Противопоставление двух точек зрения — синхронической и диахронической — совершенно абсолютно и не терпит компромисса». В итоге, по мнению Соссюра, следует выделить новую пару независимых дисциплин — синхроническую и диахроническую лингвистику. Отделенный от истории, синхронический аспект позволяет исследователю изучить отношения между сосуществующими фактами, познать систему языка, т. е. изучить язык «в самом себе и для себя». Историческая точка зрения (диахрония),

на взгляд Соссюра, разрушает языковую систему и превращает ее в собрание разрозненных фактов.

Методически подобный подход к языку, вызванный реакцией на атомизм и несистемное рассмотрение языка младограмматиками, объясним и допустим, но в теоретическом плане это, конечно, ошибочная постановка вопроса, связанная с нарушением законов диалектики и ведущая к антиисторическому рассмотрению явлений языка.

Можно согласиться с Соссюром, когда он заявляет: «Вполне ясно, что синхронический аспект важнее диахронического, так как для говорящей массы только он — подлинная и единственная реальность». Действительно, коллектив говорящих овладевает языком в его современном состоянии, с существующей системой языка следует знакомиться до изучения его истории и связей с родственными языками. Но это не значит, что следует принципиально отказать системе языка в развитии. Пражская лингвистическая школа и советское языкознание не допускают противопоставления синхронии и диахронии¹.

5. Соссюр всячески подчеркивал системный характер языка и обосновал знаковую природу языка. По Соссюру, языковые факты как элементы системы взаимно определяют друг друга. По его мнению, системные отношения характеризуют только синхроническую лингвистику, так как «не может быть системы, охватывающей одновременно несколько периодов». Таким образом, язык есть система знаков. Каждый языковой знак имеет две стороны: означающее (план выражения) и означаемое (план содержания). В связи с этим следует объяснить тезис Соссюра, что «язык есть форма, а не субстанция». Поскольку, по Соссюру, языковой знак двусторонен и включает в себя как означающее (звуковой образ), так и означаемое (значение), то этим тезисом утверждается, что язык есть форма, средство выражения всякого содержания и что язык не следует смешивать с содержанием высказываемого.

Языковой знак, с одной стороны, произволен, условен (это относится к выбору знака), но, с другой стороны, он обязателен для языкового коллектива. «Если по отношению к изображаемой им идее означающее (т. е. знак) представляется свободно выбранным, то, наоборот, по отношению к языковому коллективу, который им пользуется, оно не свободно, оно навязано». Соссюр следующим образом характеризует социальную обусловленность знака: «Языку как бы говорят: «Выбирай!», но прибавляют: «Ты выбираешь вот этот знак, а не другой».

Разрабатывая теорию языкового знака, Соссюр детально и всесторонне исследовал все свойства знака и показал, что знаки образуют систему отношений. Двойкий характер этой системы Соссюр обозначил в виде противопоставления синтагматики и парадигматики.

¹ См. сб.: О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков. М., 1960.

Синтагматические отношения в системе знаков совпадают с линейным, последовательным расположением языковых элементов. Парадигматические отношения обусловлены выбором, селекцией определенного языкового элемента из более или менее обширной парадигмы, которая известна говорящему.

Рассматривая язык как систему произвольных знаков, Соссюр уподобляет его любой другой знаковой системе, выражающей идеи. «Язык есть система знаков, выражающих идеи, а следовательно, его можно сравнить с письмом, с азбукой для глухонемых, с символическими обрядами, с формами учтивости, с военными сигналами и т. п.». В связи с этим Соссюр предлагает создать особую науку, изучающую жизнь знаков внутри общества, — семиологию, или семиотику, в которую как составная часть вошло бы и языкознание.

Лингвистика «как наука о знаках особого рода», по Соссюру, является важнейшим разделом семиотики, ибо языковой знак занимает исключительное место среди знаковых систем: язык, как пишет Соссюр, — «самая сложная и самая распространенная семиологическая система».

Важным для системного понимания языка было и подчеркивание Соссюром различных признаков в языковой системе: «Важно в слове не звук как таковой, но звуковые различия, позволяющие отличать это слово от всех других, так как только эти звуковые различия значимы». Это положение также развивается различными направлениями структурализма.

Из понятия системности вытекает и важное для концепции Соссюра понятие значимости. Поскольку языковой знак — явление психическое, постольку для него важны не материальные (субстанциональные) отличия, а реляционные (функциональные, системные) свойства. Переоценивая значимость, Соссюр отрывает язык от существующих связей и превращает его в имманентную систему.

Ученики и последователи Соссюра не образуют единства, так как многие положения его концепции противоречивы и допускают неоднозначное толкование. Непосредственно развивали взгляды своего учителя Ш. Балли, А. Сеше, русский языковед С. О. Карцевский (обычно их именуют Женевской школой). Более обширную группу языковедов представляют ученые, усвоившие социологические идеи Соссюра и соединившие их с принципами сравнительно-исторического языкознания (А. Мейе, Ж.-Вандриес, А. Соммерфельт, Э. Бенвенист и др.). И наконец, некоторые положения концепции Ф. де Соссюра послужили теоретической базой для различных направлений наиболее влиятельного в настоящее время

лингвистического направления в зарубежном языкознании — структурализма. К последним относятся Пражская лингвистическая школа, учение глоссематиков (датский структурализм) и отчасти дескриптивная лингвистика в США. Термин «структурализм» был пущен в обращение в 1939 г. голландским лингвистом Посом. Это направление объединяется рядом принципов: 1) изучение языка как знаковой системы с упором на ее кодовые свойства; 2) разграничение синхронии и диахронии; 3) поиски формальных методов изучения и описания языка.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Де Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М., 1977.

Будагов Р. А. Ф. де Соссюр и языкознание нашего времени. — Язык, история и современность. М., 1971.

Кацнельсон С. Д. Лингвистическая концепция Ф. де Соссюра. — Вопросы общего языкознания. Л., 1967.

Косериу Э. Синхрония, диахрония и история. — Новое в лингвистике, вып. III. М., 1963.

Слюсарева Н. А. Теория Ф. де Соссюра в свете современной лингвистики. М., 1975.

Шухардт Г. О книге Ф. де Соссюра «Курс общей лингвистики». — Избранные статьи по общему языкознанию. М., 1950.

ПРАЖСКАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ШКОЛА

§ 47. Возникновение Пражского лингвистического кружка. Пражская лингвистическая школа (или, как ее часто называют, Школа функциональной лингвистики) внесла существенный вклад в теорию и практику современного языкознания. Указанное название отражает географический момент, так как важнейшие идеи школы оформились в деятельности Пражского лингвистического кружка (Cercle linguistique de Prague, сокращенно — ПЛК), возникшего в 1926 г. по инициативе чешского германиста **Вилема Матезиуса** (1882—1945) и слависта **Р. О. Якобсона** (род. в 1896 г.), который работал тогда в Праге. В кружке объединились исследователи славянских и германских языков и литератур, стремившиеся на подведомственном материале осуществить структурный и функциональный подход как в области языкознания, так и в области литературоведения. Первоначально кружок включал в свой состав таких чехословацких филологов, как **Богумил Трка**, **Богуслав Гавранек**, **Ян Мукаржовский**, **Йозеф Вахек**, **Франтишек Оберпфальцер**, **Милош Вейнгарт**, позднее к нему примкнули **Йозеф Мирослав Коржинек**, **Владимир Скаличка**, **Людовит Новак**, **Карел Горалек**, **Павел Трост** и др. В работе кружка принимали самое активное участие, кроме Р. Якобсона, русские лингвисты **Н. С. Трубецкой** (1890—1938), бывший профессором в Вене, и **С. О. Кариевский** (1884—1955), работавший с 1925 г. в Женеве. ПЛК, выработавший основные теоретические положения Пражской школы в области фонологии и грамматики, существовал, строго говоря, до начала второй мировой войны (официально до 1952 г.) и выпустил 8 номеров своих «Трудов» («Travaux de Cercle linguistique de Prague»). Кроме того, с 1935 г. кружок начал издавать свой периодический орган — журнал «Slovo a slovesnost», существующий (правда, на иных организационных началах) до настоящего времени.

Пражский лингвистический кружок отличала необычайно живая и плодотворная связь как с западноевропейскими научными центрами и учеными, так и с русской советской наукой. На его заседаниях выступали, а также помещали свои работы в его изданиях

К. Бюлер (Австрия), Л. Блумфилд (США), Л.-Ельмслев (Дания), А. В. де Гроот (Голландия), Г. Улашин и В. Дорошевский (Польша), Д. Джоунз (Англия), Л. Теньер и А. Мартине (Франция) и некоторые советские ученые: Г. О. Винокур, Е. Д. Поливанов, Ю. Н. Тынянов, Б. В. Томашевский, Н. Н. Дурново, П. Г. Богатырев¹.

Лингвистическая концепция Пражского кружка направлена против младограмматического истолкования языка и методов исследования, свойственных этому направлению. В течение всего XIX в. лингвистика рассматривала языковые явления почти исключительно исторически, в ряде случаев на первый план выдвигалась даже палеонтологическая тенденция.

«Историческое изучение считается единственным научным методом лингвистической работы; даже если изучаются живые диалекты, то итоги этого изучения используются преимущественно для решения исторических проблем. Хотя иногда и отмечается, что язык представляет собой систему знаков, но поскольку изучаются лишь изолированные языковые факты, постольку единственно исторический метод мешает осознанию важности языковой системы. Изоляция отдельных языковых явлений препятствует также пониманию важной роли, которой обладает в языке функция»².

На путях создания новой лингвистической теории, которая бы преодолела атомистические и генетические концепции младограмматизма, участники Пражского лингвистического кружка восприняли и развили дальше в цельную научную концепцию, с одной стороны, ряд положений Ф. де Соссюра, с другой — русскую лингвистическую традицию, представленную в трудах И. А. Бодуэна де Куртенэ, в ранних работах Л. В. Щербы, отчасти Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Шахматова и А. М. Пешковского. С концепцией Соссюра отдельные члены кружка (в частности, русские) познакомились еще в 1917 г.³ Одним из важных моментов этой концепции являлось разграничение диахронической и синхронической точек зрения при изучении фактов языка. Синхроническая точка зрения теснейшим образом связана с убеждением, что элементы, существу-

¹ См. об этой особенности ПЛК: Якобсон Р. Разработка целевой модели языка в европейской лингвистике в период между двумя войнами. — Новое в лингвистике, вып. IV. М., 1965, с. 373—374.

² Матезиус В. Куда мы пришли в языкознании. — Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях, ч. II. М., 1965, с. 143.

³ О влиянии идей Бодуэна и Крушевского на Соссюра ««i Jakobson R. Kazan'ska szkola polskiej lingwistyki a jej miejsce w'wiatowym rozwoju fonologii. — «Biuletyn polskiego towarzystwa j Q zykoznawczego», XIX, 1960.

шие в языке в данную эпоху, образуют систему, в которой все взаимозависимо и значение каждого элемента которой определяется его связью с другими элементами и его положением внутри системы. На необходимость изучения современного языка в синхронном плане, свидетельствующую и о собственно чешских истоках Пражской школы, прозорливо указывал В. Матезиус в докладе 1911 г. «О потенциальности языковых явлений». Он отмечал колеблющуюся, полную факультативных и комбинаторных звуковых вариантов поверхность речи, определив последнюю как статическое колебание и противопоставив ее динамической изменчивости. Высказывание Матезиуса (со ссылкой на Н. В. Крушевского) о том, что «разнообразное изменение артикуляции, видимо, сопровождается сравнительно незначительным колебанием звука», непосредственно ведет к будущему учению о фонеме. Характерны упреки В. Матезиуса в адрес младограмматиков (их историзм, атомизм, отрыв речи от говорящего индивидуума, неправомерное упрощение языкового материала, априорная вера в закономерность звуковых изменений и т. п.), а также критическое замечание о сторонниках психологизма, для которых потенциальность произношения являлась первопричиной звуковых изменений¹.

§ 48. Теоретические положения Пражской школы. Сосюрювские противопоставления: 1) язык — речь, 2) диахрония — синхрония, 3) внутренняя лингвистика — внешняя история языка, 4) означающее — означаемое (форма и содержание) — в деятельности Пражского лингвистического кружка подверглись существенной переоценке и переосмыслению и получили в ряде случаев дальнейшее развитие.

Проблема языка и речи (системы и процесса, нормы и речевой деятельности) стала базой фонологической теории Н. С. Трубецкого, обусловившей резкое разделение фонологии и фонетики. В. Скаличка также считал, что объектом структурной грамматики является языковая система, а описательная грамматика, будучи материалом для первой, регистрирует факты речи². Для В. Матезиуса лингвистическое исследование включает «явный переход от речи как непосредственно данного к языку как к чему-то такому, что хотя и обладает идеальным бытием, но познается лишь вторично, или при встрече с отклонениями от нормы, или при систематическом и абстрагирующем научном анализе»³. Й. М. Коржинек не допускает сопоставления языка и речи, полагая, что «соотношение между языком и речью представляет собой просто отношение между научным анализом, абстракцией, синтезом, классификацией, то есть научной интерпретацией фактов, с одной стороны, и определенными явлениями действительности, составляющими объект этого анализа,

¹ См.! Пражский лингвистический кружок. Сб. статей. М., 1967, с. 42—69.

² Там же, с. 128—129.

³ Там же, с. 199.

абстракции и т. д., — с другой»¹. Указанные точки зрения свидетельствуют о различии взглядов в пределах самого ПЛК. Между крайними взглядами Трубецкого и Коржинка находится мнение Матезиуса об «идеальном бытии» языка.

Вторая антиномия Соссюра: синхрония — диахрония — получила совершенно отличную разработку в Пражской школе. Пражцы отвергают тезис Соссюра, что система языка не подвержена развитию («сама по себе система неизменяема»), и выдвигают положение о равноправности синхронного и диахронного аспекта изучения языка. Вместе с тем подчеркиваются преимущества синхронного анализа: «Лучший способ для познания сущности и характера языка — это синхронный анализ современных языков. Они являются единственными данными, представляющими исчерпывающий материал и позволяющими составить о них непосредственное представление»². Пражские структуралисты в развитии своей концепции опираются на положение Бодуэна, отражением чего является формулировка «Тезисов»: «Синхроническое описание не может целиком исключить понятие эволюции, так как даже в синхронически рассматриваемом секторе языка всегда налицо сознание того, что существующая стадия сменяется стадией, находящейся в процессе формирования»³. Указанное устранение противоречия между синхронным и диахронным изучением языка привело к ряду важных научных положений. Во-первых, выдвигается метод «аналитического сравнения» языков, последовательно проводимый В. Матезиусом и заключающийся в синхронном сравнении лингвистических систем родственных и неродственных языков с выявлением тенденций языкового развития, что позднее создало базу для типологических исследований. Во-вторых, сходные фонологические и грамматические явления в соседних языках, генетически относящихся к различным языковым семьям, позволили выдвинуть понятие языкового союза в противоположность понятию языковой семьи. Наконец, фонетические и другие языковые явления стали изучаться в зависимости от языковой системы, в которой они происходят, вследствие чего, например, историческая фонетика того или иного языка превратилась в историю эволюции фонологической системы последнего. Наиболее плодотворно эту проблематику, наряду с Трубецким, на материале русского и других славянских языков разрабатывал Р. О. Якобсон⁴.

Проблема соотношения внутренней и внешней лингвистики в понимании Пражской школы связана с концепцией Соссюра лишь терминологически. Соссюр заявлял, что «единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя». У пражцев проблема соотношения языка и внеязыковой действительности, где это необходимо для существа дела,

¹ Пражский лингвистический кружок, с. 307.

² Там же, с. 17—18.

³ Там же, с. 18.

⁴ Эти работы опубликованы в сб.: J a k o b s o n R. Selected Writings, I. Phonological Studies. 's-Gravenhage, 1962.

отнюдь не исключалась из рассмотрения, хотя внутренняя и внешняя история языка принципиально подвергались разграничению. Пражские структуралисты избегают априоризма, опираются на значение языковых элементов и признают социальную природу языка. Об этом свидетельствует, например, следующая характеристика акта языкового высказывания, данная Матезиусом: «Используемые нами слова должны иметь с данным явлением действительности прочную смысловую связь, а поскольку такая связь обязательна, постольку их комбинация должна выражать отношение говорящего к этому явлению действительности в данный момент. Для отмеченных двух задач, то есть задачи наименования элементов действительности и задачи выражения актуального отношения говорящего, каждому языку и каждой эпохе свойственны свои собственные средства выражения, отличающиеся от аналогичных средств другого языка и другой эпохи не только внешним видом — формой, но и смысловым содержанием и эмоциональной окраской. Каждый язык, воспринимая действительность по-своему, оформляет ее в соответствии со своей собственной системой знаков»¹.

Наиболее полно общетеоретические установки Пражской школы на указанную проблему выявились при изучении структуры литературного языка, которая, складываясь из ряда частных систем, обладает ярко выраженным социальным и функциональным характером. Не случайно члены ПЛК много внимания уделяли проблеме функциональных стилей, культуре языка, вопросам стилистики и борьбы с излишним пуризмом².

Пражская школа, восприняв положение о знаковом характере языка, настаивала на необходимости рассмотрения отношения знака к окружающей действительности, т. е. той реальности, которую знак отражает. Подход к языку как к системе знаков означает, что отношение между звуковой формой и значением немотивированно. Однако в Пражской школе различались знаки произвольные и знаки естественные. Естественный характер знаков с внутренней мотивировкой звуковой формы и значения отмечался, например, в междометиях (см. работу В. Скалички «Исследование венгерских звукоподражательных выражений»)³. Углубленный анализ формальной и смысловой основы языкового знака привел Пражскую школу к обоснованию принципа асимметричного дуализма языковых явлений⁴. Означающее (звучание) и означаемое (функция) постоянно нарушают разделяющую их границу. Означающее стремится приобрести другие функции, помимо своей собственной. Означаемое

¹ Пражский лингвистический кружок, с. 445.

² Наиболее характерен в этом плане сборник, посвященный современному состоянию чешского литературного языка, функциям его и функциональным стилям, а также культуре речи: *Spisovná čegřina a jazykova' kultura*. Praha, 1932.

³ См. Пражский лингвистический кружок, с. 277—316.

⁴ См.: Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака. — Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX веков в очерках к извлечениям, ч. II, с. 85—90.

пытается завладеть и другими средствами выражения, отличными от его означающего. Означаемое и означающее асимметричны. Только благодаря асимметричному дуализму структуры своих знаков языковая система оказывается способной развиваться в связи с требованиями конкретной ситуации. Наиболее ярко асимметричный дуализм проявляется при омонимии и омосемии языковых единиц. Омонимическая группа обычно имеет формальную основу (ср. *брак* — 1. супружество; 2. дефект, недоделка), омосемическая группа — смысловую (ср. окончания *-у* и *-м* в формах настоящего времени: *я ем* — *я нес*, или окончание *-а* в формах *дом-а* (род. п. ед. ч.), *жен-а* (им. п. ед. ч.), *окн-а* (им. п. мн. ч.)). В прилагательном *зубатый* содержатся три морфемы: корневая, суффиксальная и окончание, однако окончание, выраженное одной морфемой, обладает тремя значениями: 1) именительного падежа, 2) единственного числа, 3) мужского рода, что становится ясным при сопоставлении *зубат-ый* с *зубат-ого*, *зубат-ая*, *зубат-ые*.

Функционирование системы знаков — основная отличительная черта языка. Понятие языковой функции является одним из важнейших в концепции Пражской школы. В понимании пражских лингвистов функции равнозначны целевой установке (термин «функция» употребляется тогда, когда речь идет о значении того или иного элемента в системе языка). Это понятие определяется не в математическом смысле, как выражение строгой зависимости, а как то, что обусловлено или обуславливается системой языка. Представители Пражской школы считали важнейшей чертой языковых систем их функциональное назначение, практическое использование языка, при этом подчеркивалась важность не только отношений внутри языковых систем (язык — система систем), но также отношений языковых систем и языковых проявлений к внеязыковой действительности. В. Матезнус следующим образом характеризует взаимоотношение формальных элементов и их функций: «Действительно, в языке не может существовать функция вне формы и форма без функции; ... форма и функция являются не просто двумя сторонами одного и того же явления, а часто взаимно перекрещиваются. В этом и заключается сущность омонимии и омосемии, и именно в этом мы видим важный импульс языковых изменений. Язык хотя и является системой, но языковая система, по-видимому, никогда не достигнет абсолютного равновесия сил. Поэтому при анализе языка чрезмерно логичные и вследствие этого излишне упрощенные построения всегда будут неубедительными»¹.

Наиболее полное выражение взгляды ПЛК нашли в «Тезисах», представленных I съезду славистов в 1929 г. Общие положения в значительной мере здесь связаны с конкретной проблематикой изучения славянских языков.

¹ Пражский лингвистический кружок, с. 200—201.

Функциональная точка зрения ПЛК обнаруживается в первых формулировках «Тезисов»: «Являясь продуктом человеческой деятельности, язык вместе с последней обладает целевой направленностью. Анализ речевой деятельности как средства общения показывает, что самой обычной целью говорящего, которая обнаруживается с наибольшей четкостью, является выражение. Поэтому к лингвистическому анализу нужно подходить с функциональной точки зрения. С этой точки зрения язык есть система средств выражения, служащая какой-то определенной цели»¹.

✎ 49. Исследовательская работа пражских лингвистов. Центром тяжести лингвистического исследования в конце 20-х и в 30-х годах для ПЛК явилась фонология. Недаром В. Матёзиуе отметил, что «плодотворность и гибкость новой точки зрения и новых методов проверяется прежде всего на звуковой стороне языка, и фонология становится ведущей дисциплиной в области функциональной, а также структурной лингвистики, подобно тому как историческая фонетика стала главным полем и гордостью исследования младограмматиков»².

Каждый звук в языке имеет свои особенности и тем самым отличается от других звуков. Например, согласный *n* в русском языке является губным, согласный *m* является переднеязычным, а согласный *k* — заднеязычным. Эти различия, вытекающие из различных условий артикуляции, выражаются и в слуховых восприятиях (ср. артикуляционные и слуховые различия указанных согласных в конце таких слов, как *лпн*, *лпт*, *лпк*). Для функционирования языка необходимо, чтобы звуки помогали различать слова с различным значением. Некоторые слова различаются лишь одним звуком: *мал*, *мол*, *мул*, *мыл*, *мил*. Однако в большинстве случаев слова различаются общим составом звуков и их последовательностью: *рост*, *брат*, *стоп*, *кряк* и т. п. Слова-омонимы, имеющие тождественный звуковой состав, составляют в языке обычно незначительное меньшинство.

Наряду с отличиями звуки в языке обладают и сходством. Так, все гласные противостоят согласным; все звонкие согласные обладают общим свойством (при их образовании дрожат голосовые связки), отличающим их от глухих согласных; характер преграды объединяет все взрывные согласные и отличает их от фрикативных. Однако для того чтобы звуки можно было использовать для образования слов и их грамматических форм, необходимо, чтобы говорящие и слушающие на каком-либо языке осознавали отличия и сходства имеющихся звуков. В русском языке осознается различие между согласными *p* и *л* (ср. *рак*—*лак*), тогда как в корейском языке различие этих звуков не осознается и с их помощью нельзя различить значение слов и их форм. Таким образом, в разных язы-

¹ Пражский лингвистический кружок, с. 17.

² Там же, а. 82—83.

ках не любое физически отличное свойство звука осознается как таковое и используется для различения звуков и форм. Так, в русском языке картавое *p* на фоне нормального *p* воспринимается лишь как дефект речи, тогда как в ряде языков это различие осознается и используется для различения слов. Различия и сходства между звуками тесно между собою связаны. Например, различия *c* глухого и *з* звонкого осознаются и используются для смысловозначения: *коса—коза*. Вместе с тем мы осознаем близость *c* и *з* в отличие, например, от *ш* и *ж*, а также сходство в чем-то *c*, *ш* в противоположность близким друг другу *з*, *ж*. Подобными отношениями отличия и сходства связаны между собой звуки каждого языка. Они образуют фонологическую систему, свойственную определенному языку. В русском языке в слове *банка* произносится *n* задне-нёбное, отличное от переднеязычного *n*, например в словах *наш*, *жена*. Это различие в русском языке не осознается и не используется для смысловозначения. Но в английском языке эти два вида *n* передают различный смысл слов; ср. *kin* (пишется *king* 'король') и *kin* 'род'.

Существование фонологической системы означает, что каждый язык обладает ограниченным и определенным количеством признаков, которые могут иметь его звуки, а каждый звук обладает твердым количеством этих признаков. В язык нельзя произвольно внести какой-либо новый звук или без нарушения языкового общения придать какому-либо звуку другие признаки. Следовательно, фонологический подход к звукам резко отличается от фонетического, так как при нем обращают внимание на звук не как на физическое явление, а как на языковое, выделяют в звуке отдельные признаки; из выделенных признаков отделяют те, которые осознаются всеми говорящими на данном языке и являются фонологически значимыми (релевантными), от тех, которые не осознаются и являются фонетически незначимыми (нерелевантными).

Это означает, что при языковом (фонологическом) подходе рассматриваются не одиночный конкретный звук с его физическими качествами, а языковой тип, как общий представитель любого звука определенного типа. Перед исследователем выступают не звуки как природные, неповторимые, измеримые и слышимые единицы, а абстрактные типы тех звуков, которые существуют в языковом сознании всех носителей данного языка. Эти абстрактные типы звуков называются фонемами. Раздел языкознания, занимающийся анализом фонем и изучением закономерностей, которым подчиняются фонемы вообще и в конкретных языках, называется фонологией.

Фонема не может быть понята вне ее связей с фонологической системой языка. Признаки каждой фонемы вытекают всегда из взаимных связей всех фонем данного языка. Фонемы языка не образуют какую-то совокупность изолированных звуковых типов с определенными признаками, а образуют прочно спаянную систему (структуру), в которой отдельные члены определены не только физическими признаками, но прежде всего своими взаимными

отношениями. Поэтому не существует фонем вообще, а имеются определенные фонемы, входящие в фонологическую систему того или иного языка. Именно это обстоятельство позволяет любому носителю того или иного языка без особых усилий автоматически пользоваться системой своего языка, не имея обычно познаний ни в области фонетики, ни в области фонологии. Так, например, русское и словацкое *a* фонетически одинаковы, но в фонологической системе этих языков они занимают различное место хотя бы потому, что в словацком *a* противопоставит *á* (долгому), ср. *pas* 'паспорт' и *pás* 'пояс'.

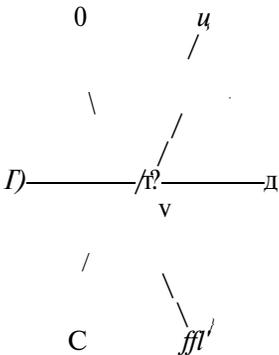

*Николай Сергеевич
Трубецкой*

Впервые четко противопоставил фонетику и фонологию и определил их задачи Н. С. Трубецкой¹. Фонетику Трубецкой определил как науку о материальной стороне звуков человеческой речи. Фонология, по его мнению, должна использовать те же методы, какие используются при исследовании грамматической системы языка, ибо она обращает внимание только на те элементы в составе звука, которые выполняют определенную функцию в системе языка. Фонология, следовательно, должна изучать те звуковые различия, которые в определенном языке связаны со смысловыми отличиями, устанавливать, как соотносятся между собой различительные признаки и по каким правилам они сочетаются друг с другом при образовании слов и их форм.

Как известно, идеи структурализма были впервые применены представителями Пражской лингвистической школы в области фонетических исследований. Самое изучение звуковой материи языка на основе принципов структурализма получило название фонологии. Структуралисты обращают внимание прежде всего на те отношения, которые существуют внутри системы языка (его структуры). Под структурой понимается такое сочетание единиц (элементов), в котором каждый элемент обусловлен всеми другими. Для понимания тех отношений, которыми связаны между собой элементы структуры, необходимо отвлечься от внешних атрибутов существования языка. Структура языка — это его внутренняя основа, скрытая от непосредственного наблюдения и устанавливаемая методом научного, структурного анализа. Так, Л. Новак, исходя из этих принципов, предложил следующее определение фонемы: «Под «фонемами» мы понимаем мельчайшие элементы, которые не могут быть подвергнуты дальнейшему дроблению и которые выделяются благодаря взаимопересечению всех внутрен-

¹ См.: Trubetzkoy N. S. Grundzüge der Phonologie. Praga, 1939; рус. перевод: Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960 (см. Введение).

них функций данного языка, спроектированных на форму того же самого языка»¹.

В таком понимании фонологические признаки русской фонемы *m* обусловлены ее следующими связями (см. схему).

Фонема *m* на этой схеме выделяется на

путях взаимопересечения ее признаков с признаками сходства и отличия в фонемах, которые выступают в прямом противопоставлении. Так, в отношении *n—m—k*

выделяется признак, зависящий от места артикуляции (зубной согласный), в отношении *m—in* выделяется признак, связанный с формой смычки (твердый согласный), в отношении *m—c* выявляется характер преграды (взрывной согласный), в отношении *m—d* выявляется признак незвонкости (в противоположность звонкому), в отношении *m—ц* выявляется несвистящий характер фонемы *m*.

При таком подходе к фонеме структурные отношения в языке являются первичными, а признаки фонем вытекают из них. Возможен противоположный взгляд, при котором признаки фонем рассматриваются в качестве первичных, а отношения между фонемами считаются вторичными, вытекающими из физических признаков фонем. Наблюдения над речью свидетельствуют, что говорящие осознают фонемы и их сходство или различие лишь в условиях противопоставления и контраста на фоне других фонем. Косвенно это подтверждает существование отдельных фонем лишь как равнодействующих отношений в фонологической структуре, когда говорящий вообще осознает точные признаки отдельных фонем.

Е. Паулини об указанном противоречии пишет: «Это, однако, не означает, что следует отвергнуть как неправильный взгляд, по которому фонема дана суммой своих признаков, а отношения между фонемами обусловлены их признаками. При теоретическом фонологическом подходе всегда следует учитывать обе точки зрения. Если бы мы основывались лишь на взгляде, что признаки фонем первичны и что отношения между фонемами вытекают из признаков отдельных фонем, то мы бы перестали быть фонологами и стали бы «языковыми» фонетистами, которыми были уже изобретатели звукового письма. Если бы мы опять-таки обращали внимание лишь на то, что признаки фонем обусловлены отношениями фонем в фонологической структуре, то мы бы отрывали фонологическую структуру как абстракцию от ее функционирования в языке, т. е. от использования языка как средства общения»².

Важнейшим понятием современной фонологии является понятие дифференциального признака. Дифференциальные признаки предполагают наличие фонологической структуры, так как они су-

шествуют лишь как элементы противопоставления. Отношения между элементами структуры получают свое внешнее выражение, манифестируются через отношения дифференциальных признаков. В фонологии дифференциальный признак — это свойство фонологической единицы, противопоставленное по контрасту свойствам другой или других фонологических единиц. Вся система дифференциальных признаков — это система контрастов, с помощью которых осуществляются противопоставления фонем. Поэтому фонемы рассматриваются как пучки дифференциальных признаков.

Важное место в учении Й. С. Трубецкого о фонеме занимает теория смысловразличения, опирающаяся на понятие оппозиции (противоположения). По Трубецкому, отношение, возникающее между двумя фонемами на почве сходства и отличия, называется оппозицией. Понятие оппозиции в фонологии следует отличать от понятия контраста. Так, отношение фонем *n* и *a* является контрастом, так как между ними нет какого-либо общего акустического или артикуляционного признака (*n* — взрывной глухой губной согласный, *a* — гласный среднего ряда и нижнего подъема). Напротив, отношение фонем *нит* будет оппозицией, ибо эти фонемы имеют сходные и различающиеся признаки (сближает их взрывность и глухость, различает — место образования смычки).

Все звуковые оппозиции делятся на фонологические и нефонологические. «Звуковые противоположения, которые могут дифференцировать значение двух слов данного языка, мы называем фонологическими (или фонологически-дистинктивными, или смысловозначительными) оппозициями. Наоборот, такие звуковые противоположения, которые не обладают этой способностью, мы определяем как фонологически несущественные, или несмысловозначительные»¹. В русском языке, например, оппозиция гласных *o* и *y* является фонологической; так, имеются слова, различающиеся только этими звуками: *тот—тут*, *бор—бур*, *сок—сук* и т. п. Нефонологической для русского языка будет оппозиция согласных *c* в словах *сума* и *сама*, где в первом слове *c* приобретает оттенок лабиализации (перед *y*).

Каждый член фонологической оппозиции называется фонологической единицей, причем последние могут быть различны как по составу, так и по длине. Если слова *вензель* и *бурак* различаются по всем звукам, то слова *дом* и *ком* различаются лишь одной фонологической единицей. Кратчайшая фонологическая единица языка называется фонемой. Трубецкой пишет: «Фонологические единицы, которые с точки зрения данного языка невозможна разложить на более краткие следующие друг за другом фонологические единицы, мы называем фонемами»².

¹ Трубецкой Н. С. Основы фонологии, с. 38.

² Там же, с. 42.

Один и тот же звук может участвовать как в фонологических, так и нефонологических оппозициях. В связи с этим его акустические и артикуляционные признаки разделяются на фонологически существенные (релевантные, дистинктивные) и несущественные (нерелевантные). Фонологические оппозиции между двумя звуками возможны только благодаря фонологически существенным признакам этих звуков. В связи с этим фонема тождественна не конкретному звуку, а только пучку фонологически существенных признаков конкретного звука. Трубецкой уточняет свое прежнее определение фонемы следующим образом: «Фонема — это совокупность фонологически существенных признаков, свойственных данному звуковому образованию»¹.

Дифференциальные признаки устанавливаются путем сравнения противопоставляемых звуков. По мнению Н. С. Трубецкого, звуки никогда не являются самими фонемами, поскольку фонема не может содержать ни одной фонологически несущественной черты, что для звука речи фактически неизбежно. Конкретные звуки, слышимые в речи, являются лишь реализацией фонем, их материальными символами.

Дифференциальные признаки одной и той же фонемы могут реализоваться в различных звуках. Такие физически различные звуки, в которых воплощается одна и та же фонема, принято называть вариантами (или аллофонами) фонем. Трубецкой приводит пример из немецкого языка, в котором существует целый ряд звуков, являющихся реализацией одной фонемы *g*; этот звук обладает различной степенью звонкости: есть лабиализованное смягченное *g* (*gut* 'хороший'), узколабиализованное смягченное (*Giite* 'качество'), нелабиализованное твердое *g* (*ganz* 'целый'), нелабиализованное сильно смягченное *g* (*Gift* 'яд'), умеренно смягченное *g* (*gelb* 'желтый') и т. д.

Фонема при наличии ее различных звуковых реализаций по отношению к своим вариантам рассматривается как инвариант, как некая постоянная величина, сохраняющая и объединяющая единство фонемы.

Н. С. Трубецкой формулирует несколько правил для установления того, при каких условиях два звука следует рассматривать как реализацию двух разных фонем, а при каких их нужно рассматривать как два фонетических варианта одной фонемы. При этом основное внимание уделяется взаимозаменяемости звуков, встречающихся в одной и той же позиции. Если значение слова не изменяется, то мы имеем дело с вариантом фонемы.

Среди вариантов фонем различают несколько типов. Обычно выделяют обязательные, факультативные и индивидуальные варианты фонем. Обязательные варианты фонем подразделяются на позиционные, комбинаторные и стилистические. Позиционные варианты зависят обычно от положения фонемы относительно ударе-

¹ Трубецкой Н. С. Основы фонологии, с. 45.

ния (ср. редукцию русских гласных в безударных слогах). Комбинаторные варианты фонем возникают в результате взаимодействия фонем в потоке речи. Наконец, стилистические варианты фонем обуславливаются различными стилями произношения — полным и неполным.

Факультативные варианты фонем не обусловлены звуковым окружением (например, произношение картавого *p*). Эти варианты часто могут быть индивидуальными особенностями произношения отдельных говорящих. Обязательные варианты говорящими не осознаются, факультативные же, напротив, отмечаются в речи. Если факультативный вариант (например, особенности диалектной речи) сознательно используется для характеристики произношения лица или группы людей, то он также выступает в стилистической функции.

Фонологически несущественные признаки, хотя и не принимают участия в различении слов и их форм, не являются избыточными. Обязательные варианты, как правило, обусловлены фонологической структурой, вытекают из фонологически существенных признаков остальных фонем, в частности тех фонем, вариантами которых они являются и которые своим соседством влияют на их возникновение. Любопытно, что хотя мы и не осознаем наличие обязательных вариантов, но сразу обращаем внимание на неправильное их произношение.

Дифференциальные признаки фонем могут проявляться двояким путем. Первым типом их будут линейные или сегментные фонемы, о которых шла речь. Это предельно делимые отрезки речи, которых в разных языках неодинаковое количество, но в целом их число не превышает 70—80, ср. русские гласные фонемы в словах *бак—бок—бук*. Однако выделяются еще суперсегментные или просодические фонемы, в которых дифференциальные признаки выявляются в составе слога или целого слова; ср. русские слова *мука* — *мука́*, в которых значение слова различается не сегментными фонемами, а ударением. Словесное ударение также подходит под определение фонемы. Суперсегментные фонемы образуются различным местом ударения (в русском языке), высотой тона (в китайском языке) и длительностью звуков.

По мнению Н. С. Трубецкого, «любая фонема обладает определенным фонологическим содержанием лишь постольку, поскольку система фонологических оппозиций обнаруживает определенный порядок или структуру»¹. Путем сравнения устанавливаются дифференциальные признаки фонем и намечаются возможные типы их оппозиций.

Дифференциальные признаки фонем неоднородны. Н. С. Трубецкой и другие представители Пражской школы исходят из предположения, что фонемы в фонологической структуре находятся в бинарных (парных) противопоставлениях. Это означает, что

¹ Трубецкой Н. С. Основы фонологии, с. 74—75.

всегда учитывается противопоставление одной фонемы другой, в противопоставлении всегда участвуют два члена. В фонологической структуре прежде всего выделяются оппозиции по общности признаков и по их различию. Общность признаков служит основой для сравнения, фоном для выделения различительных признаков

Общие признаки составляют ядро фонемы. Например, фонема *б* в русском языке обладает тремя признаками: губная, взрывная, звонкая. Если исключить признак губной артикуляции, то фонема *б* исчезнет." Следует отметить, что общие признаки свойственны обоим членам бинарных противопоставлений. Так, в фонемах *б—п* губной характер и взрывное образование являются общими признаками. Вместе с тем эта пара фонем обладает и-различием: фонеме *б* свойственна звонкость, отсутствующая у ее противочлена *п*. Устранение различительных признаков не ведет к исчезновению фонемы, а переводит ее в соответствующий противочлен.

По общности признаков Н. С. Трубецкой выделяет два типа оппозиций: а) одномерные и б) многомерные. Одномерные оппозиции характеризуются признаками, которыми обладают оба члена оппозиции, но эти признаки ограничены только этими двумя членами; например, в русском языке только фонемы *в* и *ф* являются губно-зубными фрикативными. Многомерные оппозиции распространяют общие признаки и на другие члены фонологической системы, ср. твердость и мягкость согласных фонем в русском языке. Для фонологического анализа существенны одномерные оппозиции, но в языковой системе обычно господствуют многомерные оппозиции.

По различию признаков выделяются: а) пропорциональные и б) изолированные оппозиции. Две фонемы находятся в пропорциональной оппозиции, если их различительный признак встречается и в других оппозициях; например, фонемы *ф—в* пропорциональны, так как имеются пары *т—д*, *с—з*, *к—г*. Две фонемы находятся в изолированной оппозиции, если их различительный признак не встречается в других оппозициях. Например, оппозиция фонем *д—р* изолирована, так как признак дрожащего произношения, которым *р* отличается от *д*, больше нигде не встречается. Обычно в языковой системе больше изолированных оппозиций.

В зависимости от отношения между членами оппозиции Н. С. Трубецкой выделяет: а) эквиолентные (равнозначные), б) градуальные (ступенчатые) и в) привативные оппозиции. В эквиолентной оппозиции две фонемы находятся между собой тогда, когда они отличаются друг от друга разнородными признаками, они контрастны. Например, фонемы *ф—к* имеют различные признаки: *ф* — губная фрикативная, а *к* — задненёбная взрывная. Близость этих фонем заключена в признаке глухости. В градуальной оппозиции члены отличаются различной степенью, градацией -наличия какого-либо признака. Например, открытость гласных *о—у* различна: *о* более открыто, чем *у*.

В привативной оппозиции находятся такие фонемы, когда один член оппозиции отличается от другого наличием различного признака, который отсутствует у другого члена. Например, в оппозиции *б—п* обе фонемы губные и взрывные, но фонема *б*, кроме этого, обладает признаком звонкости, которого нет у *п*. Тот признак, которым обладает одна из фонем, находящихся в оппозиции, в соответствии с отсутствием этого признака у другой фонемы, носит название признака противопоставления этих двух фонем. Фонема, обладающая этим признаком, будет маркированным (или признаковым) членом оппозиции; фонема, лишенная этого признака, будет немаркированным (или беспризнаковым) членом оппозиции.

В классификации фонологических оппозиций важное место занимает понятие коррелятивных признаков фонем или корреляции. Корреляциями называются такие отношения фонем, при которых привативная фонологическая оппозиция объединяет одновременно несколько пар фонем. Например, оппозиция русских звонких и глухих согласных фонем является корреляцией; *б — п, б' — п', в—ф, в' — ф \ d — т, d'—т', з — с, з'—с', г — к, г'—к', ж — ш*. Члены коррелятивных пар можно назвать парными фонемами. Внепарными глухими в русском языке будут *ц, ч, х*. Такую же корреляцию из 15 пар образуют согласные по твердости — мягкости: *б' — б', п — п', в — в \ ф — ф \ d — d \ t — т', г — г \ к — к', з — з', с — с', х — х', м — м \ н—н', л — л', р — р'*. Внепарными будут *ж, ш, ц, ч*.

Н. С. Трубецкой сводил фонологические отношения к отношениям между фонемами, представляющими собой пучки дифференциальных признаков (дифференторов). Этот признак-дифференатор постепенно осознается как элементарная фонологическая единица. Оставалось установить набор этих признаков, чтобы исследовать фонологические системы языков путем сопоставления с предварительно построенной моделью.

Одной из попыток выявления набора дифференторов и применения его к изучению фонологической системы явились труды Р. О. Якобсона и М. Халле при участии Г. М. Фанта и Е. Черри в 50-х годах. Их теория получила название дихотомической (дихотомия — рассечение надвое) или бинарной. В сущности эта теория в новых условиях продолжила труды Пражской лингвистической школы.

Классификация фонологических оппозиций в дихотомической теории опирается на несколько принципов¹. Первым принципом является бинарное соотношение дифференторов. Это означает, что при исследовании конкретных языков каждая фонема определяется набором дифференциальных признаков из числа заданных пар. В бинарных отношениях представлены как гласные, так

¹ См. раздел «Дихотомическая фонология» в сб.: Новое в лингвистике, вып. II. М., 1962.

согласные фонемы. Эти парные оппозиции являются или привативными (например, звонкость — глухость), или диаметрально противоположными (твердость — мягкость, взрывность — фрикативность). Бинарная теория соответствует принципу избирательности, двоичности, на котором основана работа современных электронно-вычислительных машин. Она позволила свести многочисленные оппозиции дифференциальных признаков к двучленным.

Вторым принципом этой теории является убеждение, что во всех языках мира имеется определенный ограниченный набор дифференциальных признаков. Эти признаки являются общими и для гласных, и для согласных. В определенном языке, конечно, не выступают все признаки. Кроме того, один и тот же фонологический признак не обязательно в каждом языке должен иметь одну и ту же форму.

Помимо того, бинарная теория при своих характеристиках опирается на достижения современной акустической фонетики. Колебательные движения, составляющие в совокупности звук речи, обладают не только частотой, но и амплитудой. Анализ звука по составляющим его частотам и соотносительным с ними амплитудам можно представить графически в виде спектрограммы. В связи с этим установленные оппозиции можно проверять с помощью «видимой» речи.

В результате сведения всех многочленных оппозиций к бинарным Р. Якобсон и его сотрудники установили следующие 12 пар дифференциальных признаков для сегментных фонем:

- 1) вокальность — невокальность;
- 2) консонантность — неконсонантность;
- 3) длительность — недлительность (прерывность — непрерывность);
- 4) абруптивность — неабруптивность;
- 5) яркость — тусклость;
- 6) звонкость — глухость;
- 7) компактность — диффузность;
- 8) низкая тональность — высокая тональность;
- 9) бемольная тональность — простая тональность;
- 10) дизная тональность — простая тональность;
- 11) назальность — неназальность;
- 12) напряженность — ненапряженность.

Этот список нуждается в пояснениях. Вокальность характеризуется наличием тона. Консонантность обязана присутствию шума. Шумные согласные лишены вокальности, однако сонорные совмещают признаки вокальности и консонантности. Длительность и недлительность означают соответственно фрикативность и взрывность. Под абруптивностью имеется в виду образование согласных, сопровождаемое гортанной смычкой (в некоторых языках Кавказа). Яркими согласными будут те, при произношении которых преграда разрушается постепенно (губно-зубные, свистящие и шипящие). К тусклым принадлежат прочие согласные. Звонкость связана с

участием при образовании согласного голосовых связей. Оппозиция компактность — диффузность артикуляционно определена тем, что компактные согласные образуются в задней части полости рта, а диффузные — в передней части (это отражает и спектрограмма). Со спектральным анализом связана также оппозиция низкая тональность — высокая тональность. Низкую тональность имеют гласные *o*, *ɤ*, а также твердые и губные согласные; высокая тональность характерна для гласных *и*, *e*, а также зубных и мягких согласных. Признаком бемольной тональности обладают мягкие согласные в противоположность твердым. Дизонная тональность свойственна лабиализованным гласным. Назальность обусловлена участием в образовании звука носового резонатора. Напряженность — ненапряженность характеризует, например, произношение немецких согласных.

Весьма важной является разница между теми различительными признаками фонем, которые сохраняются фонемой всегда, во всех положениях в слове, и теми, которые в определенных условиях утрачивают свою различительную силу. Например, при противопоставлении фонем *m* и *d* признак звонкости служит для смысло-различения лишь в некоторых позициях; так, слова *том* и *дом* различаются именно начальными фонемами *m* и *d*. В конце слова в русском языке эта пара фонем уже не может выполнять свою различительную функцию, ибо в звонкой фонеме *d* признак звонкости снимается, ср. пару слов *плот* и *шюд* (где произносится тоже *плот*). Это явление утраты фонемами своей различительной силы в определенных позициях получило название нейтрализации фонологических признаков фонем. Н. С. Трубецкой в своих «Основах фонологии» отвел описанию этого фонологического явления целую главу. Он указал, что нейтрализации могут подвергаться обычно одномерные оппозиции, отличающиеся друг от друга лишь одним признаком. Однако это обобщение Н. С. Трубецкого не может считаться доказанным, так как нейтрализации могут подвергаться и многомерные оппозиции. В частности, в русском литературном языке нейтрализуются гласные в безударных позициях. Если слова *бак* и *бок* различаются фонемами *a* и *o*, то в уменьшительных образованиях *бачок* и *бочок* в обоих словах выступает уже редуцированный гласный *a* (*бачок*), не позволяющий различать смысл этих слов. Это связано с тем, что в русском языке открытость гласных в полной мере сохраняется только под ударением, а в безударных позициях она в соответствии с определенными правилами изменяется: ср. *сад* — *садовый* — *садовод* (съдавбт); *пять* — *пятак* (п'итак) — *пятак* (п'ятачбк).

Нейтрализация происходит или в рамках слога, или в пределах смысловых единиц языка (морфем и слов), но она может быть и междусловной. С психологической точки зрения нейтрализация может рассматриваться как экономия языковых средств, потому что в определенных позициях используются не все различительные признаки фонем, а лишь некоторые, избыточные же отбрасываются.

С фонетической точки зрения нейтрализация рассматривается в качестве явлений ассимиляции, диссимиляции, редукции. Однако фонетический подход к объяснению подобных явлений недостаточен, ибо он не позволяет объяснить различные случаи нейтрализации в одном языке в отличие от других языков. Так, только анализ фонологической структуры русского и украинского языков может показать, почему в русском происходит нейтрализация согласных в конце слова по звонкости, а в украинском эта нейтрализация отсутствует.

Нетрудно заметить, что при нейтрализации уменьшается число фонем в языке. В самом деле, при противопоставлении *m* — *d* фонемы отличаются друг от друга признаком звонкости. Когда же при нейтрализации этот различительный признак исчезает, то возникает звук, обладающий всеми признаками фонем *m* и *d*, кроме звонкости, т. е. речь идет не о звуке *m* и не о звуке *d*, а о каком-то звуке, который нейтрален с точки зрения звонкости. Поэтому Н. С. Трубецкой предложил называть результат нейтрализации архифонемой. По его определению, архифонема — это «совокупность смысловозначительных признаков, общих для двух фонем»¹.

Советские фонологи в своем большинстве не разделяют этих взглядов Н. С. Трубецкого и не пользуются терминами «архифонема» и «нейтрализация». Речь идет прежде всего о представителях Ленинградской и Московской фонологических школ. Ленинградская фонологическая школа (Л. В. Щерба, его ученики и продолжатели Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич, А. Н. Гвоздев и др.) определяет фонему как звуковой тип и сводит в одну единицу сходные в физиологическом и акустическом отношении звуки. Так, по их мнению, в словах *нос* и *воз* (*вое*) в конце представлена одна фонема *c*, которая, например, представлена и в начале слова *сад*. В формах слова *воз* — *воза* мы находим чередование двух разных фонем: фонема *c* (*вое*) чередуется с фонемой *з* (*воза*). В словах *воды* — *води* (*вада́*) — *водяной* (*вьди́нбй*) находим три фонемы *о* — *а* — *ь*, которые являются закономерными звуковыми типами и различают значения указанных слов.

Представители Московской фонологической школы (Р. И. Аванесов, П. С. Кузнецов, В. Н. Сидоров, А. А. Реформатский) строят свое определение фонемы на единстве морфемы, выражающей то или иное значение и являющейся тождественной несмотря на видоизменение фонемы (или фонем). Так, в тех же словах *воды* — *вада́* — *водяной* начальная морфема содержит различные видоизменения фонемы *о*, вызванные различием ударения: *воды* — (*вада́*) — (*вьди́нбй*). Все эти варианты *о* — *а* — *ь* объединяются в одну фонему, так как объединены общим значением морфемы *вод-*. Однако эти варианты фонемного ряда неравноправны. Поэтому выделяются сильные и слабые позиции фонем (сильные и слабые фонемы). Позиция наименьшей обусловленности фонемы в фонетическом

¹ Трубецкой Н. С. Основы фонологии, с. 87.

отношении называется сильной. Для гласных звуков русского литературного языка сильной позицией будет положение в слоге под ударением. Поэтому по своему сильному виду указанный ряд может быть назван фонемой *o*: *воды*. Все прочие модификации фонемы в слабых позициях подразделяются на вариации и варианты. Вариации — это такие обусловленные позицией модификации основного вида фонемы, при которых не происходит совпадения в одном звучании данной фонемы с какой-либо другой. Типичным примером может служить звук *ы*, который является вариацией фонемы *и* после твердых согласных: *мыл* — *м'ил*, *пыл* — *п'ил* и т. п. Вариация по своей функции равноправна с основным видом фонемы и является как бы звуковым синонимом последней. Что касается вариантов фонемы, то это такие позиционно обусловленные модификации фонем, которые не отличаются от других фонем, совпадая с какой-либо из них в своем качестве, например конечный звук в словах *лук* и *луг* (лук) или видоизменение гласных в зависимости от места ударения в слове. Поэтому говорят, что варианты фонем являются как бы фонетическими омонимами¹.

Р. И. Аванесов выдвинул >чение о фонемном ряде, по которому, например, сильные фонемы *она* находятся в непараллельных и пересекающихся чередованиях со слабыми *а* и *ь*. Изучение фонемных рядов позволяет связать фонологию с морфологией².

Зачинателем фонологии был И. А. Бодуэн де Куртенэ. Еще в 1868 г. он высказал мысль о несовпадении физических и функциональных свойств звуков. Фонетика, по его мнению, должна делиться на две составные части: антропофонетику (собственно фонетику) и психофонетику (позднейшую фонологию). К понятию фонемы Бодуэн шел постепенно, причем его взгляды неоднократно изменялись. Сам термин «фонема» он использует вслед за своим учеником Н. В. Крушевским с 1881 г. В первый период своей деятельности Бодуэн рассматривал фонему как единицу в составе морфемы при ее различных чередованиях и звуковых модификациях. Поэтому фонема выступала у него скорее как этимолого-морфологическая единица³. Не случайно, что опора на тождество морфемы, своеобразный морфологизм Бодуэна послужили позднее отправной точкой при создании концепции Московской фонологической школы.

В более поздний период, в статье «Опыт теории фонетических альтернатив (Глава из психофонетики)» (1895), Бодуэн истолковывает фонему уже с психологических позиций. Он пишет: «Фонема — единое представление, принадлежащее миру фонетики, которое

¹ См. хрестоматию по истории взглядов представителей Московской фонологической школы: Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.

² Аванесов Р. И. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.

³ См.: Зиндер Л. Р. и Матусевич М. И. К истории учения о фонеме. — «Известия АН СССР», ОЛЯ, XII, 1953, с. 62—75.

возникает в душе посредством слияния впечатлений, полученных от произношения одного и того же звука — психический эквивалент звуков языка»¹. Фонема, таким образом, трактуется как представление о различных артикуляционных движениях и акустических впечатлениях от звуков. Фонему объединяет то, что она может быть различной в произнесении, но одинакова в представлении. Позднее это убеждение формулируется еще более четко: звуки весьма неустойчивы, они быстро изменяются, постоянной же величиной является лишь наше представление о звуковых единицах, представление об артикуляциях, необходимых для образования того или иного звука'; это звуковое представление и является фонемой. Подобное психофонетическое понимание фонемы было несовершенным, но на фоне младограмматической трактовки звуков как чисто индивидуальных явлений оно означало явное движение вперед, ибо выявляло отход от чисто физического и физиологического изучения звуковых явлений и подчеркивало общественный, над-индивидуальный характер фонем.

Дальнейшее развитие учения о фонеме принадлежит ученику Бодуэна Л. В. Щербе. Однако он в основу определения фонемы положил не этимологоморфологический или психологический, а смысловой принцип. Фонемами он считал те звуки, с помощью которых мы отличаем друг от друга оболочки различных слов. Щерба, подчеркивая, что в одной фонеме по смысловым и функциональным причинам могут объединяться различные звуки, вводит понятие «звуковой тип». Он писал: «Мы видим, что в живой речи произносится значительно большее, чем мы это обыкновенно думаем, количество разнообразных звуков, которые в каждом языке объединяются в сравнительно небольшое количество разнообразных звуковых типов, способных дифференцировать слова и их формы, т. е. служить целям человеческого общения. Эти звуковые типы и имеются в виду, когда говорят об отдельных звуках речи. Мы будем называть их фонемами. Реально же произносимые различные звуки, являющиеся тем частным, в котором реализуется общее (фонема), будем называть оттенками фонем. Среди оттенков одной фонемы обыкновенно бывает один, который по разным причинам является самым типичным для данной фонемы: он произносится в изолированном виде, и собственно он один и сознается как речевой элемент. Все остальные оттенки нормально нами не сознаются как отличные от этого типичного оттенка, и нужна специальная фонетическая дрессировка уха, чтобы научиться слышать их»².

По мнению Л. В. Щербы, фонема имеет не только различительную силу, но и сама может быть носителем значения (предлоги, однофонемные союзы и т. п.).

¹ Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию, т. 1, с. 271—272.

² Щерба Л. В. Фонетика французского языка. М., 1953, с. 19.

Представление о фонеме как группировке артикуляционно родственных звуков, объединенных функцией смыслового различия, развивалось и учеными в других странах Европы, в частности английским фонетистом Г. Свитом, его учеником датчанином О. Есперсеном и особенно англичанином Д. Джоунзом. Д. Джоунз свою теорию назвал физической теорией фонем, противопоставляя ее психологической И. А. Бодуэна де Куртенэ и структуралистской в лице пражских фонологов и американских дескриптивистов.

Для развития фонологии большое значение имели идеи «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра, в котором он выдвинул антиномию «речи» и «языка» как надиндивидуальной структуры языковых знаков, подчеркнул важность синхронного изучения языка, показал, что отдельные элементы языковой системы взаимосвязаны и взаимообусловлены. В первые десятилетия нашего века усиленно развивалась и структурная психология (*Gestaltpsychologie*), согласно которой единичное всегда воспринимается и осознается на фоне общего, целого, а целое создается не простым объединением частей, а их взаимными отношениями.

На основе всех этих идей, выразившихся прежде всего в учении о фонологических противопоставлениях, в развитии фонологии и наступил решительный переворот в трудах Пражской лингвистической школы, основные установки которой были изложены выше. Важную роль в развитии фонологии сыграли Н. С. Трубецкой, Р. О. Jakobson и С. О. Карцевский. Из чешских исследователей нужно назвать В. Матезиуса, Б. Трнку, Й. Вахка и Б. Гавранка. Теория фонемы, созданная Н. С. Трубецким, обычно носит название реляционно-физической, ибо она учитывает как функционирование структуры языка с внутренними взаимоотношениями фонем, так и сам звуковой инвентарь фонем того или иного языка.

На идеи Ф. де Соссюра опирается и глоссематика Л. Ельмслева (датская школа структурализма). Для взглядов Ельмслева характерно стремление изучать язык (в том числе и фонологию) без какого-либо обращения к материальной субстанции, как чистую схему. Фонемы определяются не их звуковыми признаками, а лишь их взаимными отношениями в структуре языка. Глоссематике свойственно явное противоречие: декларативный отказ от обращения к субстанции языка никак не вяжется с необходимостью обращения к языковым свойствам фонем при их определении и описании фонологической структуры определенного языка.

Перед второй мировой войной в США возникает дескриптивная лингвистика, связанная прежде всего с именем Л. Блумфилда. Дескриптивисты отвергают понятие языка как структуры и исходят при исследовании языка лишь из высказываний. При изучении фактов языка принципиально отвергается обращение к значению языковых единиц. Языковые факты приводятся в систему только интеллектом исследователя. Главным критерием при установлении фонем объявляется их дистрибуция, т. е. местоположение фонем и учет их окружения, а также способность фонем к сочетанию.

В зависимости от места в слове и участия в сочетаниях делается вывод о том, какие звуки в речевом потоке образуют тождественную фонему, какие фонемы близки, а какие далеки¹.

В Советском Союзе в изучении фонемы определились два направления, представленные Московской и Ленинградской фонологическими школами. В настоящее время, правда, это деление утратило территориальный характер, так как сторонники взглядов этих школ работают и проживают в разных городах. После лингвистической дискуссии 1950 г. оживился интерес и к теоретическим вопросам фонологии. Проблемы фонологии были предметом дискуссии в 1952—1953 гг. Важную роль сыграла международная дискуссия о структурализме, которая была проведена на страницах журнала «Вопросы языкознания» в 1956—1958 гг.

Пражский лингвистический кружок, применяя структурный и функциональный подход к языку, с самого начала своей объединенной деятельности стремился распространить этот подход также на изучение проблем грамматики (морфологии и синтаксиса). Однако в области структурной грамматики пражские лингвисты сделали гораздо меньше, чем в фонологии, создание которой обычно связывается с Пражской лингвистической школой. Если в области фонологии между членами ПЛК наблюдалось относительное единство в общих вопросах при наличии многообразных путей их конкретного применения и решения на лингвистическом материале, то в области грамматики выдвигались по крайней мере три концепции структурного подхода. В. Скаличка так характеризует переход от фонологии к грамматике: «При переходе от фонологии к проблемам языка вообще нас начинает покидать то единомыслие, которое было нам свойственно. Пути отдельных исследователей расходятся. Если сравнить результаты работы пражских лингвистов и школы Ельмслева, мы увидим, что Ельмслев и его последователи дали большое количество теоретических работ, в то время как в Праге велась работа прежде всего над конкретными вопросами. Поэтому по работам пражских языковедов иногда бывает трудно определить их общие принципы»².

Одна из точек зрения представлена в работах Якобсона о падежной системе и спряжении в русском языке³. Проблема грамматического значения трактуется с тех позиций, которые уже нашли позитивное применение в области фонологии. Опираясь на асимметрию языкового знака и учение Трубецкого о корреляции, Якобсон настаивает на универсальной значимости бинарных привативных оппозиций при анализе грамматической системы языка. Дополнив эти положения учением об общем значении грам-

¹ См.: Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959.

² Скаличка В. Копенгагенский структурализм и «Пражская школа». — Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях, ч. II, с. 149.

³ См.: Jakobson R. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. TCLP, 6, 1936, s. V40—280; Zur Struktur des russischen Verbum. Charisteria, 1932, s. 74—84.

матической формы, Якобсон построил свою систему грамматических оппозиций и применил ее к анализу некоторых грамматических категорий русского имени и глагола.

В любых грамматических категориях независимо от числа имеющихся форм (категория падежа состоит из 6 форм, категория лица и рода — из 3, категория числа — из 2) выделяются отношения, характерные для бинарных (двучленных) привативных оппозиций, один член которых характеризуется наличием, а другой — отсутствием признака. Наличие (сигнализация) или отсутствие признака как раз и является общим значением определенной грамматической формы, которое в условиях употребления (контекста) получает частное значение. При этом следует учитывать, что вопрос об общих падежных значениях относится к учению о слове, а вопрос о частных значениях — к учению о словосочетании, ибо общее значение падежа не зависит от окружения, в то время как его отдельные частные (специфические) значения определяются различными словосочетаниями или различными формальными и реальными значениями окружающих слов.

Для падежной системы русского языка Якобсон выдвигает следующие оппозиции: 1) объемность, т. е. предел участия предмета в действии, и необъемность (отсутствие этого предела); 2) периферийность, т. е. указание на предмет, играющий побочную, периферийную роль в содержании высказывания, и непериферийность; 3) направленность, т. е. наличие отношения к предмету, на который направлено действие, и ненаправленность действия.

Указанная схема подвергается критике как с позиции отрицания принципа обязательной двучленности грамматических противопоставлений, так и на базе конкретных языковых наблюдений и фактов, которые противоречат столь жесткой схеме общих падежных значений.

Из чешских членов ПЛК наиболее значительный вклад в теорию и практику структурной грамматики внесли В. Скаличка и В. Матезиус.

В. Скаличка применил типологический подход к проблемам структурной грамматики (в частности, морфологии). Основываясь

также на асимметрии языкового знака, он сопоставлял морфемы как минимальные единицы морфологии с семемами, составляющими минимальные единицы смыслового содержания. Собственно, Скаличка в своем исследовании «О грамматике венгерского языка» изучал субморфемный уровень языка, столь важный для флективных языков, в которых представлена кумуляция (скопление) грамматических значений. Его работа содержит множество общелингвистических идей, актуальных и в наши дни. «Такой подход, при котором уделялось внимание как форме, так и содержанию языкового высказывания, предопределил дальнейшее развитие пражских исследований по структурной грамматике, авторы которых сознательно избегали того чисто формального, антисемантического метода, который столь часто используется другими лингвистическими группами вплоть до настоящего времени»¹.

В. Матезиус в ряде своих работ стремился создать функциональную грамматику языка. Рассмотрение языковых средств с точки зрения их функций при речевом общении с учетом многообразных связей с внеязыковой действительностью сопровождалось разработкой принципов лингвистической характерологии и применением метода аналитического сравнения, постоянным указанием на различие между языками. Это в известной мере сближает поиски Матезиуса с концепцией Скалички. «Лингвистическая характерология, — писал Матезиус, — имеет дело только с важными и существенными особенностями данного языка в данный момент времени, анализирует их на базе общей лингвистики и старается выяснить отношения между ними»². В концепции Матезиуса наиболее важными разделами грамматики и всего исследования оказываются, с одной стороны, изучение средств и способов называния отдельных фактов действительности и, с другой, изучение средств и способов объединения этих названий в предложение в рамках той или иной конкретной ситуации, т. е. ономотология и функциональный синтаксис.

Весьма плодотворной явилась идея Матезиуса об актуальном членении предложения или функциональной перспективе последнего. Он предложил делить предложение на «тему высказывания», служащую связующим звеном в контекстуальной связи, и «ядро высказывания», которое, собственно, и содержит новую информацию. Подобное исследование субсинтаксического уровня языка с учетом внелингвистической обстановки перекидывает мост от внешней структуры предложения к внутреннему движению мысли, не растворяя лингвистическое изучение в психологических моментах.

§ 50. Изучение литературного языка. Кроме новаторских работ в области фонологии и грамматики, Пражский лингвистический кружок весьма плодотворно применил функциональный подход к исследованию литературного языка и сформулировал

¹ Пражский лингвистический кружок, с. 326.

² Вахек Й. Лингвистический словарь Пражской школы, с. 253.

свои взгляды на проблемы культуры речи. В работах В. Матезиуса и Б. Гавранка с самого начала деятельности ПЛК ставились проблемы, связанные с изучением литературного языка. В «Тезисах» литературному языку и связанным с ним проблемам отведено чрезвычайно большое место. На основе своих методологических позиций ПЛК выдвинул новое понимание сущности литературного языка, обосновал теорию языковой нормы и кодификации литературного языка, разработал теорию языковых стилей в соответствии с функциональным подходом, много сделал для культуры чешской речи. Живой интерес к проблематике литературного языка был связан также и с особенностями развития чешского литературного языка в 30-е годы и оживленной полемикой в среде писателей и языковедов по этим вопросам.

Известно, что новый чешский литературный язык с самого своего возникновения не мог опереться на разговорную речь и явился во многих отношениях (особенно в области морфологии) наиболее архаичным среди славянских литературных языков. После напряженной работы по обогащению лексического состава, развития вначале поэтических, а затем и прозаических форм в художественной литературе появилась надежда на возможность ликвидации опасного разрыва между литературным языком и разговорной речью. Однако на пути развития чешского литературного языка возникла серьезная преграда в лице чешских пуристов, опирающихся не на существующую языковую ситуацию, а на национальные чувства и субъективные привычки. Й. Зубатый позицию чешских пуристов охарактеризовал двумя ироническими тезисами: 1) все, в чем чешский способ выражения совпадает с немецким, является в чешском языке германизмом; 2) из двух способов, посредством которых в чешском языке можно выразить одно и то же, один способ должен быть всегда неправильным. Раздавались и другие здравые голоса. Известный языковед В. Эртль считал, что проникновение иностранных слов в литературный язык — это естественное явление, свидетельствующее о повышении культуры народа и ценности его литературы и знаменующее расцвет как языка, так и литературы. Он выдвинул тезис о «хорошем авторе», заключающийся в убеждении, что литературный язык обязан опираться на узус лучших чешских писателей.

Носителем пуристических тенденций стал Й. Галлер, который, редактируя журнал «Наша речь», вступил в острую полемику с И. Ольбрахтом, Ф. К. Шальдой, В. Ванчурой и другими «хорошими авторами». Эта полемика и практические задачи, возникшие в связи с подготовкой «Настольного словаря чешского языка», послужили

поводом для публичного выступления членов ПЛК с рядом лекций о литературном языке и культуре речи, которые и составили знаменитый сборник «Spisovná čeština a jazyková kultura» (1932).

Новая теория литературного языка была направлена против представлений о книжном и искусственном характере литературного языка. Она видела в его сложной стилистической структуре многофункциональное образование, в котором вариатность языковых средств, связанная со стилистическим членением языка, отражает потребность общения. При этом учитывались не только данные письменного языка, но и устная языковая практика образованных слоев общества, лишенная индивидуальной окраски территориального или социально-профессионального характера. Весьма важным моментом явились выработка понятия нормы литературного языка и отграничение ее от понятия кодификации. В норме самого литературного языка учитывались традиционные и новые элементы, подчеркивалась роль прогрессивных компонентов языковой структуры, отвергалась кодификация архаического состояния языка, изучались результаты взаимодействия литературного языка с обиходно-разговорной речью, причем все эти моменты связывались с общественной ситуацией в использовании литературного языка: рост общественных кругов, принимающих активное участие в процессах коммуникации, развитие средств массовой коммуникации и изменение целей языкового общения и т. п.

Пражская школа, таким образом, решала две основные проблемы, связанные с изучением литературного языка. С одной стороны, определяла понятие сущности литературного языка, отграничивая его от других языковых образований, с другой, распределяла языковые средства самого литературного языка в соответствии с многообразием его функций и стилистических пластов¹.

Однако функциональный подход к языку, подчеркивание функционального назначения языковых систем и практического использования языка сами по себе еще не могли предостеречь от ошибок. В «Тезисах», где рассматриваются проблемы исследования языков, выполняющих различные функции, проводится различие между интеллектуализированной и эмоциональной речевой деятельностью. Далее утверждается, что «каждая функциональная речевая деятельность имеет свою условную систему • — язык в собственном смысле». Ошибочность этого положения становится особенно очевидной, когда различные языковые слои и стилевые разновидности поднимаются до уровня «языков» (например, специальные языки, или функциональные стили: технический стиль, фамильярный стиль, поэтический стиль и т. п.), а о литературном языке и о поэтическом языке говорится как о различных языках, отличающихся друг от друга и от общенародного языка.

Особенно отчетливо сказывается ошибочность теоретических позиций ПЛК, роднящая его с русскими формалистами в литера-

¹ Навраћек В. Studie o spisovném jazyce. Praha, 1963.

туроведении, при рассмотрении поэтического языка. «Тезисы» декларируют: *Организирующий признак искусства*, которым последнее отличается от других семиологических структур, — это направленность не на означаемое, а на сам знак... Знак (словесное выражение. — Н. /С.) является доминантой в художественной системе, и если историк литературы имеет объектом своего исследования не знак, а то, что им обозначается, если он исследует идейную сторону литературного произведения как сущность независимую и автономную, то тем самым он нарушает иерархию ценностей изучаемой им структуры... *Нужно изучать поэтический язык как таковой*¹. Естественно, что в конкретной исследовательской деятельности подобные установки открывали широкие возможности для артистизма и формализма.

Пражская школа функциональной лингвистики внесла существенный вклад в современное языкознание. Ее общелингвистические установки зачастую гораздо ближе ко многим положениям советского языкознания, чем установки других направлений структурной лингвистики. Пражцы никогда не отказывались от учета роли и значения экстралингвистических факторов в развитии языка, они не отрывали синхроническое изучение языка от диахронического, не отказывались от рассмотрения смысловой стороны языковых явлений, наконец, они стремились поставить лингвистику на службу общественным потребностям, как это было, например, с проблематикой литературного языка. Немаловажным является и тот факт, что основные принципы Пражской школы разрабатывались на материале русского языка или с учетом русских языковых данных. Менее глубоко и последовательно разрабатывались в Пражской школе методы и приемы изучения структуры языка. В трудах ПЛК были детально разработаны методы изучения только фонологической структуры языка (основные понятия фонологии и методы фонологического описания, разработка типологии фонологических оппозиций, основные положения морфонологии, решение проблем диахронической фонологии, описание фонологической системы языка статистическими методами, особенности фонологических структур литературных языков). Методы изучения других уровней языка не достигли столь же подробной разработки и однозначности. Однако и здесь заслуженное признание получили такие идеи Пражской школы, как разработка учения о грамматических оппозициях, теория актуального членения предложения, понятие актуализации (акт приурочения к времени и действительности), разработка проблем структурной типологии языков, изучение языковых союзов, изучение функциональных языков и стилей, научная разработка проблемы сущности литературных языков и др.

Пражский лингвистический кружок фактически распался с началом второй мировой войны. Однако основные положения лингвистической теории, выработанные ПЛК, развивались и разви-

¹ Пражский лингвистический кружок, с. 31—32.

ваются в послевоенной Чехословакии. Младшее поколение языковедов обратилось в основном к изучению вопросов грамматики (преимущественно синтаксиса), многое сделано в изучении русского языка в сопоставительном плане его с чешским и словацким.

Деятельность чехословацких языковедов, насколько об этом можно судить по последним работам и изданиям¹, сознательно связывается с традициями Пражской школы.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Пражский лингвистический кружок. Сб. статей. М., 1967.

Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960.

Вахек Й. Лингвистический словарь Пражской школы. М., 1964.

Булгыгина Т. В. Пражская лингвистическая школа. — Основные направления структурализма. М., 1964.

Гухман М. М. Исторические и методологические основы структурализма. — Там же.

Кондратов Н. А. Пражская лингвистическая школа. — «Русский язык в школе», 1968, № 2.

Поспелов Н. С. О лингвистическом наследстве С. Карцевского. — «Вопросы языкознания», 1957, № 4.

¹ Travaux linguistique de Prague, I, 1964; II, 1966; III, 1973; IV, 1977.

ГЛАВА 12

ГЛОССЕМАТИКА (ДАТСКИЙ СТРУКТУРАЛИЗМ)

§ 51. Сущность глоссематики. Глоссематика — название датского (или копенгагенского) ответвления структурализма. (Это название появилось в 1936 г. и восходит к греческому слову *glōssa* — язык.) Столь необычное название должно было подчеркнуть принципиально новый подход к языку, в отличие от традиционного языкознания, которое, по мнению датских структуралистов, страдает излишним субъективизмом и не может претендовать на научность.

Копенгагенский лингвистический кружок оформился после Пражского, в 1931 г. Виднейшими представителями глоссематики были **Виго Брёндаль** (1887 — 1942), **Х. Ульдалль** (1907 — 1957) и особенно главный теоретик этого направления **Луи Ельмслев** (1899—1965). Ельмслеvu, как действительному создателю глоссематики, принадлежит и наибольшее количество работ. Первой его большой работой, в которой содержатся зачатки новой концепции языка, были «Принципы всеобщей грамматики» (1928). Потом появилось исследование «Категория падежа» (т. I, 1935, т. II, 1937), ряд важных для понимания глоссематики статей: «Понятие управления», «Метод структурного анализа в лингвистике», «Язык и речь»¹, а также книга «Языкознание» (1963). Основной работой Ельмслева, излагающей позицию глоссематики, являются «Прологомены к теории языка» (1943). К ней примыкают «Основы глоссематики» Х. Ульдалля².

Теория глоссематики возникла на базе лингвистической концепции Ф. де Соссюра, но вылилась в чрезвычайно одностороннюю интерпретацию его идей." Во вступлении к своей программной работе «Прологомены к теории языка» Ельмслев выражает мнение, что «язык, даже если он является объектом научного изучения, оказывается не целью, а средством: средством познания, основной объект которого лежит вне самого языка... причем само иссле-

¹ Перевод этих статей см. в кн.: Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях, ч. 2. М., 1965, с. 101—120.

² Перевод обеих работ см. в сб. с Новое в лингвистике, вып. I. М., 1960.

дование строится на основе иных предпосылок, чем те, которые требуются языком». Так характеризуются все направления современного языкознания. Основанием для подобных утверждений явилось требование Соссюра изучать язык «в себе и для себя».

«Язык — человеческая речь — неисчерпаемый запас разнообразных сокровищ. Язык неотделим от человека и следует за ним во всех его действиях. Язык — инструмент, посредством которого человек формирует мысль и чувство, настроение, желание, волю и деятельность, инструмент, посредством которого человек влияет на других людей, а другие влияют на него; язык — первичная и самая необходимая основа человеческого общества», — заявляет Ельмслев. Однако языкознание рассматривает язык как вспомогательное средство получения сведений о внеязыковых связях и отношениях. Так, исследования по физиологии и физике звука следует отнести к области физиологических и физических наук, логическое и психологическое описание языковых знаков относится к чистой логике и психологии, т. е. явлениям, с которыми, несомненно, связан язык, но которые по своему существу не являются языком. Одним словом, языкознание проторило дорогу к знаниям исторических, общественных, литературных, философских, физических, психологических и других связей. «Лингвистика, — полагает Ельмслев, — должна попытаться охватить язык не как конгломерат внеязыковых (т. е. физических, физиологических, психологических, логических, социологических) явлений, но как самодовлеющее целое, структуру *sui generis*». Среди всех элементов структуры следует выделить постоянные, независимые от «внеязыковой действительности» конструктивные элементы, лингвистика должна стремиться установить то, что характерно и присуще вообще человеческой речи, независимо от конкретного языка. Таким образом, Ельмслев ставит перед собой задачу создания универсальной лингвистической теории.

Наиболее ясно новое понимание предмета нашей науки Ельмслев изложил в статье «Язык и речь» (1942). Анализируя значение термина «язык» (*langue*) у Соссюра, датский лингвист приходит к выводу, что оно охватывает по крайней мере три разных понятия, а именно: 1) схему языка, т. е. чистую форму, определяемую независимо от ее социального осуществления и материального проявления; 2) языковую норму, т. е. материальную форму, определяемую в данной социальной реализации, но независимо от деталей проявления; 3) языковой узус, т. е. совокупность навыков, принятых в данном социальном коллективе и определяемых фактами наблю-

даемых проявлений. Кроме этих трех понятий, объединяемых термином «язык» у Соссюра, Ельмслев вводит понятие индивидуального акта, которое соответствует «речи» Соссюра. Ельмслев указывает на тесную связь конкретного, индивидуального акта речи с языковым узусом, вместе с которым он образует материальную сторону языка, противопоставленную стороне нематериальной, какой является схема языка. Понятие же нормы Ельмслев считает практически излишним.

Изложенный подход Ельмслева помогает понять те различия, которые имеются между двумя направлениями современного структурализма. Первое отстаивает Пражская школа (Н. С. Трубецкой, Р. О. Якобсон и их последователи в различных научных центрах), другое — структуралисты типа Ельмслева. Оба эти направления опираются на концепцию языковой системы, но определяют ее, однако, по-разному. Пражская школа понимает язык как систему социальных норм, которые реализуются в индивидуальных процессах речи. Нормы эти являются материальными, так как определяют особенности звуков, необходимых для коммуникации, различения слов: например, звонкость согласного *з*, необходимая для различения слов *коза* и *коса*. Для датских структуралистов и близких им направлений языковая система представляется нематериальной схемой, которая может быть реализована в различных формах: в звуках речи, в графемах на письме, азбуке Морзе или иной сигнальной системе. Для Ельмслева характерно, что он стремится изучать язык без какого-либо обращения к материальной действительности. Единицы языковой системы для него даны лишь их взаимными отношениями. И фонемы обусловлены взаимными связями в системе, а не своими звуковыми свойствами. Ельмслев поэтому даже не употребляет термин «фонема», ибо он вызывает представление о звуковом характере, а употребляет термин «таксема». Оценка фонемы и фонологических отношений в соответствии с звуковыми свойствами квалифицируется Ельмсловом как позиция фонетическая, но отвечающая лингвистическому пониманию. Он исходит из предпосылки, что в языке постоянной является только «форма», «чистая схема», взаимное отношение языковых единиц и что «субстанция», т. е. то, как «форма» выражается, несущественна и может меняться. Следовательно, звук является лишь субстанцией: он нехарактерен для существа языковой системы.

Отвергнув рассмотрение материальной стороны языка, Ельмслев без должных оснований приравнивает звуковой язык, язык в полном смысле слова, к различным вспомогательным способам передачи звукового языка, хотя свойства, которыми обладает определенная фонема как представитель звука известного языка, не могут принадлежать букве или другому вспомогательному средству. Отношения фонем в фонологической структуре и сами свойства фонем зависят друг от друга и взаимно обусловлены, и разрывать их нельзя. Взгляд Ельмслева на языковую систему любопытен тем, что при заостренном одностороннем рассмотрении некоторых

явлений можно обратить внимание на то, что остается обычно неотмеченным. Но как принципиальную точку зрения, метод, его взгляды принять невозможно. Показательно, что его методы анализа не дают возможности точно определить фонему и фонологическую систему (приходится обращаться к свойствам фонем, к их субстанции). А это лучше всего показывает, что взгляды Ельмслева не адекватны языковой действительности.

Таким образом, универсальность теории у Ельмслева достигается посредством полной дематериализации языка и отказа ему в развитии. Язык у глоссематиков выступает как синхронная абстрактная система чистых отношений, игнорирующая специфические особенности каждого конкретного языка. Языковед должен изучать лишь структуру языковых отношений. Отдельные элементы языка выступают как пучки функций, а весь язык — как сеть функций. Не случайно и определение языка, даваемое Ельмсловом: «Язык — это иерархия, каждая часть которой допускает дальнейшее членение на классы, определяемые посредством взаимных отношений, так что каждый из этих классов поддается членению на производные, определяемые посредством взаимной мутации».

Учение Соссюра о языке как мысли, организованной в звучащей материи, его идея двусторонности языкового знака, а также определение языка как формы, а не субстанции, отразились в разграничении Ельмсловом плана выражения и плана содержания. Планом выражения именуется внешняя сторона языка, т. е. звуковая или иная оболочка воплощаемой в нем мысли. Планом содержания называется мир мысли, находящий выражение в языке. В плане выражения Ельмслев выделяет субстанции и форму. Субстанция — это все звуки, которые могут произноситься речевым аппаратом людей. Форма выражения — это способ использования этого материала в данном языке. В плане содержания имеется полный параллелизм с планом выражения, только субстанцией содержания будет все то, что может быть предметом мысли, а формой содержания — способ упорядочения и комбинации идей, характерный для данного языка. Между формой выражения и формой содержания имеется определенная связь. Она состоит в принципе коммутации, который заключается в следующем: если различие в плане содержания соответствует какому-либо различию в плане выражения, то оно существенно для данного языка; и наоборот, если различие в плане выражения соответствует какому-либо различию в плане содержания, то оно также существенно для данного языка. Если между различиями двух планов нет коммутации, то возникают варианты одной и той же единицы. Варианты находятся в отношении субституции друг к другу и сохраняют некий инвариант при всех изменениях. Инварианты плана выражения Ельмслев называет кенемами (фонемами), а инварианты плана содержания — плеремами (значениями). Язык — это система инвариантов. Субстанция выражения и субстанция содержания не входят в язык. Ими занимаются фонетика и семантика, которые

являются вспомогательными дисциплинами по отношению к глоссематике. «Соответствие между содержанием и выражением, — говорит Ельмслев, — не является прямым соответствием между определенным элементом одного плана и определенным элементом другого, но языковые знаки могут разлагаться на более мелкие компоненты. Такими компонентами знаков являются, например, так называемые фонемы, которые я предпочел бы назвать таксемами выражения и которые сами по себе не имеют содержания, но могут слагаться в единицы, имеющие содержание, например в слова».

Следовательно, в плане выражения отказ от субстанции свелся к отказу от изучения материального воплощения языковых единиц в звуках. В плане содержания это ведет к устранению всего «экстралингвистического» в языковых фактах, к отказу от учета реального значения языковых единиц и опоре только на дифференциальные «значимости». Именно подобная схематизация языка, при которой естественный язык оказывается за бортом науки, позволяет сделать вывод, что единицы языка по своей природе алгебраичны, что глоссематика может претендовать на роль алгебры языка.

Свою задачу глоссематики видят в анализе текста. Именно из текста в результате анализа извлекается система. Предварительным моментом анализа является катализ, сводящийся к доведению фраз до нормальной формы. В последующем как план выражения, так и план содержания членится на все более дробные единицы вплоть до морфем. При делении текста устанавливается характер зависимости или функции между выделяемыми частями. И в тексте, и в системе устанавливаются три типа глоссематических функций:

1. Двусторонняя зависимость, или интердепенденция, имеющая место между двумя элементами, не существующими один без другого: между подлежащим и сказуемым, между именем существительным и глаголом.

2. Односторонняя зависимость, или детерминация, при которой один элемент предполагает другой: предлог *около* предполагает родительный падеж, но обратного отношения нет.

3. Свободная зависимость, или констелляция, когда один элемент может существовать без другого: категории лица и рода в русском глаголе.

Ельмслев не ограничивается в своем анализе морфемой, языковым знаком простейшего строения. Он выдвигает учение о фигурах, на которые разлагаются знаки. У фигур плана выражения (фонем) нет означаемых, а у фигур плана содержания (смысловых категорий) нет означающих. «Таким образом, язык организован так, что с помощью горстки фигур и благодаря их все новым и новым расположениям может быть построен легион знаков. Если бы язык не был таковым, он был бы орудием, негодным для своей задачи». Фонемы, фигуры плана выражения и их роль в языке в общем понятны. Что касается фигур плана содержания, то вопрос сводится к выделению «семантических множителей». «Фигуры содержания выделяются из минимальных семантических противо-

поставлений; так, в паре *девочка — мальчик* выделяется фигура (1) «мужской — женский» (пол), в паре *девочка — женщина* выделяется фигура (2) «юный — зрелый» (возраст), а в паре *девочка — телка* выделяется фигура (3) «человеческий — животный» (вид). Фигура (1) составляет часть содержания слов *женщина, девушка, мать, корова, кобылица, овца, курица* и слов *мужчина, юноша, отец, бык, жеребец, баран, петух*; фигура (2) составляет часть содержания слов *мальчик, девочка, ребенок, цыпленок, ягненок, жеребенок* и слов *мужчина, женщина, взрослый, петух, лошадь, жеребец* и т. д.¹.

При сопоставлении принципов глоссематики, связанных с трактовкой языка как объекта лингвистики, и взглядов Ф. де Соссюра становится ясным, что грамматика конкретного языка возникает путем наложения глоссематической теории на язык и выяснения того, какие из предусмотренных этой универсальной теорией возможности в языке реализуются. Подобные операции с естественными языками возможны в практических целях создания рациональных систем записи материалов или любой информации, автоматических информационных устройств, «машинного» языка, или метаязыка, при машинном переводе. Однако подобные схематические и препарированные языки едва ли могут рассматриваться как объект языкознания. Если Соссюр признавал существование языка и речи и считал необходимым их изучение, то Ельмслев совершенно исключил речь из рассмотрения и научного анализа, создал априорную теорию, которая выведена дедуктивным путем, в отрыве от языковой действительности. Его система чистых отношений уничтожает субстанцию языковых элементов, составляющих эту систему. Между тем свойства языковых элементов только проявляются в отношениях, а не создаются отношениями. Ельмслев совершенно исключает из языкознания внешнюю лингвистику, его автономная, имманентная система дематериализованных знаков не имеет связи ни с мышлением, ни с обществом. Утверждая полное формальное сходство и неизменность языков всех времен и народов, игнорируя особенности и самобытность отдельных языков и считая языки техническими знаковыми системами, глоссематики воскрешают устаревшие теории универсальной грамматики и утверждают, что различные языки являются вариантами одной и той же схемы. Ельмслев совершенно отбрасывает диахронию, но ведь формой существования естественного языка является его развитие. Глоссематики не учитывают не только историческую точку зрения, но и родство языков. Они даже синхронию заменяют панхронией, или ахронией, т. е. говорят об изучении языка, не зная никаких пространственных и временных ограничений. Замена соссюровских терминов «означающее» и «означаемое» на «план выражения» и «план содержания» также связана со стремлением порвать с материальной субстанцией языка. Естественно, что теория глоссематики не при-

¹ Цит. по кн.: Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966, с. 61.

меняется для практического описания существующих языков. Это, возможно, лучшее доказательство ее ограниченной ценности для нашей науки.

Любопытны в этой связи взгляды Л. Ельмслева на отношение его теории к реальности, практике. По его мнению, глоссематика, будучи дедуктивной теорией, «ничего не говорит ни о возможности ее применения, ни об отношении к опытным данным». В этом плане его теория является произвольной, и только ее внутреннее совершенство может быть принято во внимание: «Описание должно быть свободным от противоречий, исчерпывающим и предельно простым». Конечно, Ельмслев не может совершенно отбросить языковой материал и заявляет: «С другой стороны, теория включает ряд предпосылок, о которых из предшествующего опыта известно, что они удовлетворяют условиям применения к некоторым опытным данным». Из всех лингвистических теорий лучшей явится та, которая ближе всего подойдет к идеалу, названному Ельмслевом «принципом эмпиризма». Однако не следует думать, что создатель глоссематики имеет в виду практически применить свою теорию; под «эмпиризмом» он понимает внутреннее совершенство своей теории: непротиворечивость, исчерпывающий характер и максимальную простоту. «Сама по себе и с начала ее установления теория совершенно независима от какого бы то ни было опыта; она не допускает никакого постулата действительности и образует некую замкнутую систему, которая при помощи чисто дедуктивной операции позволяет исчислить возможности, исходя из заранее заданных предпосылок»¹.

Философские основы глоссематики составляет одно из идеалистических направлений современности — логический позитивизм. «Структурный метод в языковедении, — пишет Ельмслев, — имеет тесную связь с определенным научным направлением, оформившимся совершенно независимо от языковедения и до сих пор не особенно замеченным языковедами, а именно с логической теорией языка, вышедшей из математических рассуждений и особенно разработанной Вайтхедом и Берtrandом Расселом, а также Венской логической школой, специально Карнапом, в настоящее время профессором Чикагского университета, последние работы которого по синтаксису и семантике имеют неоспоримое значение для лингвистического изучения языка»². Логические позитивисты типа Карнапа и Рассела обходят критерий практики и снимают вопрос об адекватности познания. Они базируются на условных определениях, никак не соотносимых с реальностью и принимаемых априорно. Отсюда и вытекает учение Ельмслева о структуре как чистых отношениях чистых форм. Процедура анализа обусловлена системой

¹ Мартине А. О книге «Основы лингвистической теории» Луи Ельмслева. — В сб.: Новое в лингвистике, вып. 1, М., 1960, с. 442.

² Ельмслев Л. Метод структурного анализа в лингвистике. — В кн.: Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях, ч. 2, с. 107—108.

заданных определений, в результате чего свойства объекта оказываются зависимыми и производными лишь от процедуры анализа. Феноменология Э. Гуссерля послужила эталоном при создании универсальных схем глоссематики. Логистическая теория языка Вайтхеда и Рассела, развившаяся на базе математических рассуждений и рассматривающая язык в тесной связи с другими семиологическими системами, также была использована Ельмслевом. Именно поэтому глоссематика ставит языкознание в тесную зависимость от логики, математики и семиотики. «Следует признать, что в результате в логическом отношении получилась действительно более последовательная система, однако очень далекая от потребностей лингвистического исследования»¹.

Глоссематику следует считать крайним проявлением структурализма, но отождествлять ее со всеми структуралистскими направлениями не следует. Например, известный французский структуралист **Андре Мартине**, автор книг «Принцип экономии в фонетических изменениях (Проблемы диахронической фонологии)» (М., 1960) и «Основы общей лингвистики» (Новое в лингвистике, вып. III. М., 1963), отрицательно отнесся к глоссематике за игнорирование языковой субстанции: «Теория Ельмслева — это башня из слоновой кости, ответом на которую может быть лишь построение новых башен из слоновой кости»². Другой крупнейший структуралист и индоевропеист, поляк **Ежи Курилович** занимал позицию, пограничную между Пражской школой и глоссематикой, учитывал как схему, так и норму языка. Об этом свидетельствуют многие его работы, вошедшие в сборник статей «Очерки по лингвистике» (М., 1962).

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. — Новое в лингвистике, вып. I. М., 1960.

Ельмслев Л. Можно ли считать, что значения слов образуют структуру. — Новое в лингвистике, вып. II. М., 1962.

Мартине А. О книге «Основы лингвистической теории» Л. Ельмслева. — Новое в лингвистике, вып. I. М., 1960.

Спанг-Хансен Х. Глоссематика. — Новое в лингвистике, вып. IV. М., 1965.

Ульдалль Х. И. Основы глоссематики. — Новое в лингвистике, вып. I. М., 1960.

Мурат В. П. Глоссематическая теория. — Основные направления структурализма. М., 1964.

Рамишвили Г. В. Исходные принципы Копенгагенской школы структурализма. Тбилиси, 1968.

¹ Зевгиндев В. А. Глоссематика и лингвистика. — Новое в лингвистике, вып. I. М., 1960, с. 219.

² Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях, с. 54.

ДЕСКРИПТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА В США

§ 52. Принципы и методы дескриптивистов. Дескриптивная (описательная) лингвистика возникла в Соединенных Штатах в 20—30-х годах текущего столетия. Поскольку она опирается в своих исследовательских приемах на структурные принципы, постольку ее рассматривают как одно из направлений структурализма. В последние десятилетия многие последователи этого направления сближаются в теоретических посылках с глоссематикой, однако американский дескриптивизм при зарождении не опирался на лингвистическую концепцию Ф. де Соссюра. Он основывался на «поведенческой» психологии (бихевиоризм), большое внимание уделял разработке исследовательских приемов при анализе текста и в значительной степени опирался на материал языков североамериканских индейцев. Будучи вызванной к жизни практической задачей изучения индейских языков, дескриптивная лингвистика в последующем стремилась переносить выработанные ею принципы изучения языка на материал других языковых семей. В развитии ее принципов можно выделить несколько этапов, связанных с научной деятельностью ряда крупных языковедов — Ф. Боаса, Э. Сепира, Л. Блумфилда, З. Харриса и др.

У истоков дескриптивной лингвистики стоял американский лингвист и антрополог **Франц Боас** (1858 — 1942). Во введении к коллективному «Руководству по языкам американских индейцев» (1911) Боас показывает непригодность методов анализа, выработанных на материале индоевропейских языков, к изучению индейских языков. По мнению Боаса, «каждый язык с точки зрения другого языка весьма произволен в своих классификациях. То, что в одном языке представляется одной простой идеей, в другом языке может характеризоваться целой серией отдельных фонетических групп»¹. Индейские языки обладают особыми языковыми категориями, имеют большое отличие в таких привычных грамма-

¹ Боас Ф. Введение к «Руководству по языкам американских индейцев». — В кн.: З веги н ц е в В. А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях, ч. 2, с. 172.

тических категориях, как слово и предложение. В связи с этим возникает необходимость создания таких методов изучения этих языков, которые бы опирались на описание формальных признаков языка. В качестве примера подобных расхождений Боас приводит слово *anīā'loim* языка чинук. Это слово, означающее 'я дал его ей', можно расчленить на следующие элементы: *a* (время), *n* 'я', *i* 'его', *a* 'ей', / 'к', *o* (направление прочь), *ʔ* 'давать'. «Здесь опять-таки слабость составляющих элементов и их тесная фонетическая связь не позволяют нам рассматривать их как отдельные слова, и только все выражение в целом представляется нам независимой единицей¹. Действительно, в инкорпорирующих языках разграничение слова и предложения является трудновыполнимой задачей. Боас подчеркивает, что в бесписьменных языках индейцев всякий раз, когда определенная фонетическая группа выступает в предложении в разнообразии позиций и всегда в той же самой форме, без всяких или, по крайней мере, без материальных модификаций, мы легко осознаем ее индивидуальность и при анализе языка склонны рассматривать ее как отдельное слово. По его мнению, при объективном исследовании языка необходимо учитывать три момента: во-первых, составляющие язык фонетические элементы; во-вторых, группы понятий, выражаемых фонетическими группами; в-третьих, способы образования и модификации фонетических групп.

Работу Боаса в двух отличающихся друг от друга направлениях продолжили создатели американской лингвистической школы Эдуард Сепир (1884—1939) и Леонард Блумфилд (1887—1949)². Сепир — один из известных специалистов по индейским языкам Америки, он занимался вопросами общего языкознания, в особенности связями языка и культуры, языка и мышления. Его книга «Язык» появилась в 1921 г. Сепир различает в языке физическую и идеальную систему (модель), причем последняя, по его мнению, более важна. Темпы изменения языковой модели гораздо медленнее, чем темпы изменения самих звуков. «Итак, каждый язык... характеризуется своей идеальной звуковой системой и лежащей в основе ее фонетической моделью (которую можно было бы назвать системой символических атомов), как и своей определенной грамматической структурой»³. По мнению Сепира, каждый язык сделан по особой модели, поэтому каждый язык по-своему членит окружающую действительность и навязывает этот способ всем говорящим на этом языке людям. Люди, говорящие на разных языках, видят мир по-разному. Эти идеи стали основой «гипотезы лингвистической относительности», развиваемой этнолингвистикой.

¹ Боас Ф. Введение к «Руководству по языкам американских индейцев». — В кн.: Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях, ч. 2, с. 175.

² На русский язык переведены их основные работы: Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи. М.—Л., 1934; Блумфилд Л. Язык. М., 1968.

³ Сепир Э. Язык с. 44.

Сепир стремился вскрыть логическую основу высказывания, обнаружить такие лингвистические понятия, которые имели бы более или менее универсальный для всех языков характер. В этом отношении интересна его классификация выражаемых в языке понятий. Он делит последние на четыре типа: 1) основные (конкретные) понятия, выражающиеся самостоятельными словами, не заключающими в себе никаких отношений (*стол-, мал-, ход-*); 2) деривационные понятия: суффиксы и флексии (*лиса-тел-и*); 3) конкретно-реляционные понятия — указывают на идеи, выходящие за пределы отдельного слова (род и число прилагательных и глаголов); 4) чисто реляционные понятия — служат для синтаксической связи (падеж имен существительных). Первые и последние понятия имеются во всех языках, так как невозможен язык без лексики и синтаксиса, хотя существуют языки без морфологии (без второго и третьего типов понятий).

Л. Блумфилд явился непосредственным создателем системы дескриптивной лингвистики. В своей ранней работе «Введение в изучение языка» он еще опирается на «психологию народов» В. Вундта. Однако с 1926 г. Блумфилд избирает для своих работ философские принципы бихевиоризма, изучающего поведение человека. Эту новую систему, нашедшую отражение в книге «Язык» (1933), а еще ранее в статье «Ряд постулатов для науки о языке» (1926), Блумфилд назвал механицизмом, или физикализмом. Выступая против психологизма в языкознании, он совершенно отрывает язык от сознания и определяет его как систему сигналов, координирующих поведение человека и определяемых ситуацией. Процесс речевого общения исчерпывается, по его мнению, понятиями «стимул» (воздействие) и «реакция» (ответное действие). Язык, по мнению Блумфилда, является мостом между двумя нервными системами собеседников. Услышанные слова являются «замещенным стимулом», а сказанные слова — «замещающей реакцией». В соответствии с этой установкой Блумфилд решает теоретические проблемы языкознания и разрабатывает методы научного исследования.

Определяя язык, Блумфилд утверждает, что «в человеческой речи разные звуки имеют разное значение. Изучать это соответствие определенных звуков определенным значениям и значит изучать язык»¹. Звуки (фонемы) интересуют его постольку, поскольку они различают значения. Формы, в которых определенные звуки сочетаются с определенным значением, Блумфилд считает языковыми. Каждый язык состоит из ряда сигналов — языковых форм. Все языковые формы подразделяются на связанные, никогда не употребляемые отдельно (морфемы или части слова), и свободные, выступающие отдельно от других форм (слова или их сочетания), а также на сложные, имеющие частичное фонетико-семантическое сходство с другими формами, и простые, не имеющие этого сходства (морфемы). «Любое высказывание может быть исчерпывающе

¹ Блумфилд Л. Язык, с. 42.

описано в терминах лексических и грамматических форм; следует только помнить при этом, что значения не могут быть определены в терминах нашей науки», — предостерегает Блумфилд, указывая на факт различия в значении двух или нескольких форм.

Последующий анализ лингвистических понятий ведет к выделению составляющих, класса форм и конструкций. Общая часть любых двух сложных форм, являющаяся языковой формой, составляет компонент сложных форм. Компоненты делятся на непосредственно составляющие и конечные составляющие, которыми являются морфемы. Понятие непосредственно составляющих дается на примере *Poor John ran away* (*Бедный Джон убежал прочь*); это предложение делится на две непосредственно составляющие: 1) *poor John* и 2) *ran away*. Каждая из этих частей делится на две непосредственно составляющие: *poor* и *John*, *ran* и *away*. Подобный анализ по непосредственно составляющим (анализ по НС) является важным методом синтаксического анализа у американских дескриптивистов.

Языковая форма, которая заменяет любую форму из некоторого множества форм, называется субститутом. Субституты образуют класс форм. Языковые формы, в которых ни одна из непосредственно составляющих не является связанной формой, называются синтаксическими конструкциями. Различаются экзоцентрические и эндоцентрические конструкции. Если фраза принадлежит к тому же классу форм, что и какая-либо из ее составляющих, она будет эндоцентрической (*poor John*, которое может быть заменено *John*). В ином случае выступает экзоцентрическая конструкция (*John ran*).

На основе этих положений Блумфилда возникла дистрибутивная лингвистика, которая успешно развивала свои взгляды в 30—50-х годах. К этому направлению принадлежат такие американские лингвисты, как Б. Блок, Е. Найда, Дж. Трейджер, З. Харрис, Ч. Хоккет. По их мнению, основанному на опыте изучения индейских языков, единственным исходным моментом для лингвиста является текст на каком-либо языке. Этот текст подлежит дешифровке, целью которой является установление языка (кода), который был использован этим текстом. Анализ текста следует начинать с выделения в нем имеющих составных элементов. Для последних можно установить их дистрибуцию (распределение) в тексте или сумму всех окружающих, в которых встречается каждый элемент. Естественно, что при подобном лингвистическом описании важны процедуры обработки текста, разложение его на части, которые могут относиться к фонологическому, морфологическому или синтаксическому уровням языка, установление дистрибутивно эквивалентных единиц и законов их сочетания. Выделение языковых единиц производится с помощью сегментации текста и дистрибутивного анализа обнаруженных единиц. Классы единиц устанавливаются посредством замещения (субституции), а законы сочетания единиц различных классов выводятся на ас-

нове анализа по непосредственно составляющим. «Идея о том, что единицы языка, классы единиц и связи между единицами могут быть определены исключительно через их окружение, т. е., говоря словами Ф. де Соссюра, через их отношения к другим единицам того же порядка, и составляет существо дистрибутивного подхода к языку»¹.

Стремление сохранить объективный и непредвзятый подход к анализу языка привело некоторых сторонников дистрибутивного метода к отказу от обращения к значению языковых форм, подвергающихся анализу. По своему отношению к роли значения ученики Блумфилда распались на менталистов и механицистов. Первые (сам Блумфилд, К. Пайк, Ч. Фриз) считают, что нельзя игнорировать значение языковых форм. Вторые (З. Харрис, Б. Блок, Дж.Трейджер) полагают, что можно дать исчерпывающее описание языка без обращения к значению. Правда, подобный подход обычно оставался декларативным, и даже частичный отказ от учета значения весьма усложнял описание языка. Блок и Трейджер писали по этому поводу: «Хотя важно делать различие между грамматическим и лексическим значением, и при систематическом описании языка приходится по необходимости определять с возможной точностью по крайней мере грамматические значения, однако все наши классификации должны основываться исключительно на форме — на различиях и сходствах в фонетической структуре основ и аффиксов или на функционировании слов в конкретных типах словосочетаний и предложений. При осуществлении классификаций не должно быть никакого обращения к значению, абстрактной логике или философии». Именно этим обстоятельством объясняется успешность применения дескриптивных методов к анализу фонетической системы языка, элементы которой — фонемы • — лишены непосредственной связи со значением, с понятиями.

Сегментирование (разложение) текста на элементарные единицы ведет к выделению фонем и морфем. На фонологическом уровне выделяются звуки или фоны, на морфологическом — морфы. Посредством идентификации устанавливается тождество или различие выделенных единиц. Варианты одной и той же единицы называются соответственно аллофонами и алломорфами. Американские лингвисты различают три типа дистрибуции элементов: 1) единицы находятся в дополнительной дистрибуции, если они никогда не встречаются в одинаковых окружениях. Это первый признак аллофонов; 2) единицы находятся в контрастной дистрибуции, если они могут встречаться в одних и тех же окружениях и различают значения. Это относится к самостоятельным фонемам и морфемам; 3) единицы находятся в свободном чередовании, если они встречаются в одних и тех же окружениях, но не различают значения, т.е. обладают функциональным тождеством. Здесь мы видим

¹ Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики, с. 47.

уже учет фактора значения, ибо оказалось, что смысловую сторону языка нельзя игнорировать при лингвистическом описании. Именно обращение к анализу морфемы, имеющей двусторонний характер — и выражение, и значение, — привело к учету значимой стороны языковых единиц.

У дескриптивистов центральной единицей грамматического анализа стала морфема. Через морфему определяются все более крупные языковые единицы или конструкции (слова, предложения). Стремление отказаться от вмешательства времени, диахронии, процесса придало грамматической теории дескриптивистов строго синхронный характер. При анализе высказывания они пользуются только двумя понятиями — понятиями морфем как единиц и понятием их порядка расположения (аранжировка). Явления флексии (фузии) должны были получить морфемное объяснение. Последователи Л. Блумфилда, видя в морфеме основную единицу грамматического строя языка, должны были свести к ней все различия в форме слов, различающихся по значению. Приведение структуры плана выражения в соответствие со структурой плана содержания вызвало введение различных типов суперсегментных морфем, негативных, пустых морфем, морфем-заместителей и т. п. В терминах морфем определяются просодические и синтаксические явления типа интонации, фразового ударения, порядка слов. Схемы анализа одного и того же языкового факта в терминах морфем значительно отличаются у отдельных исследователей. Так, английская форма прошедшего времени *took* [tuk] 'взял' от глагола *take* [teik] может рассматриваться различным способом: 1) как слитная морфема, соотносимая с двумя морфемами: *take* и формантом прошедшего времени *-ed* (Ч. Хоккет); 2) как вариант морфемы *take* и нулевой вариант морфемы *-ed* (Б. Блок); 3) как прерывная морфема *t...k* и вариант морфемы прошедшего времени *-oo-* (3. Харрис); 4) как вариант морфемы и морфема-заместитель */u/-(e-[ei])*.

Причиной расширения понятия морфемы было убеждение дескриптивистов, что все элементы звукового состава высказывания принадлежат той или другой морфеме. Вместе с тем дескриптивисты сняли все ограничения, касающиеся означающего морфемы, т. е. в одну морфему сводились функционально тождественные, но формально различающиеся единицы. Таким образом, концепция В. Скалички была доведена до логического завершения. В связи с опорой на функциональный (значимый) момент сам термин «морфема» получил такое же наполнение, как «сема» у Скалички. Это привело к тому, что единицу формы заменила единица содержания. Дескриптивисты, разорвав понятие лингвистической единицы и видоизменив содержание морфемы, формальную единицу назвали морфой (ее варианты — алломорфы). Таким образом, у дескриптивистов термины «морфа» и «морфема» в известной степени соответствуют «морфеме» и «семе» (соответственно) В. Скалички. Указанные новшества позволяли считать одной морфемой все элементы,

выполняющие в грамматической системе языка одинаковую функцию, т. е. вели .к отождествлению означаемых независимо от степени сходства их означающих. Превращение морфемы в функциональную единицу привело к обозначению морфем по их функции без указания ее основного фонетического варианта: морфема (мн. число), морфема (прош. время) и т. п. Это уже означает, что дескриптивисты пришли к давнему принципу установления соответствий между грамматическими значениями и способами их формального выражения.

Не следует думать, что изучение морфемы дескриптивистами было лишь игрой в терминологические ухищрения. Исследование взаимоотношения парных единиц, параллелизма плана содержания и плана выражения, проблемы инварианта и различных вариантов его реализации, подверженных влиянию своего фонетического и семантического окружения, введение многих новых методов описания языка — это реальные заслуги представителей дескриптивной лингвистики. Стало ясным, что необходимость анализа двух единиц, одна из которых соответствует грамматическому значению, каким-либо образом выражаемому в языке, а другая — минимальной форме, имеющей значение, наиболее важна для флективных языков, в которых асимметричность названных единиц проявляется всего сильнее. Эти наблюдения важны для типологического сравнения языков, поскольку они, во-первых, полно освещают способы выражения грамматических значений и, во-вторых, отмечают степень асимметрии между функциональной и формальной структурой слова.

Американские дескриптивисты внесли много нового в методику лингвистического анализа, которая получила признание и за пределами этого направления. В частности, нужно отметить разработку дескриптивистами учения о различных типах морфем (на материале самых различных языков), указание на роль суперсегментных, или просодических, элементов (ударение, интонация, тон, пауза, стык), более тщательную разработку принципов фонологического и морфологического анализа, в процессе которого проводится тщательное и исчерпывающее изучение всех форм членения и видов сочетания и грамматической зависимости компонентов языка. Большое значение приобрел предложенный американскими дескриптивистами анализ по непосредственно составляющим (НС).

Анализ по НС основывается на том, что единицы языковой системы связаны друг с другом разнообразными и сложными отношениями.

В предложении *Наш костер разгорелся очень быстро* слово *костер* связано непосредственно со словами *наш* и *разгорелся*, связь этого слова со словами *очень* и *быстро* не является непосредственной. Изучаться должны лишь те отношения между составляющими, которые являются наиболее очевидными для говорящих и наиболее близкими, непосредственными. Отношения в указанной фразе мож-

но изобразить схематически следующим образом:

Анализ по НС может производиться на всех уровнях языка. Однако чаще всего его применяют в области синтаксиса. Операции над НС могут идти по линии порождения и свертывания. В первом случае из отдельных составляющих, т. е. из группы подлежащего и группы сказуемого, создается структура предложения. Во втором случае происходит замена каждой пары непосредственно составляющих одним членом. В конечном счете остается, как показано на схеме, пара максимальных составляющих — ядерная конструкция.

И <₄ В начале 60-х годов на смену и в качестве дополнения анализа по НС приходит трансформационный метод, зачатки которого имелись у З. Харриса, но в цельную систему трансформационный метод и, шире, порождающую грамматику привел его ученик Наум Хомский¹. Трансформационный метод возник в связи с критикой метода НС в дескриптивной лингвистике. Этот анализ в ряде случаев не позволяет различить семантико-синтаксическую омонимичность предложений или словосочетаний. Например, словосочетание *приглашение писателя* двусмысленно, ибо может быть осмыслено или как «писатель приглашает», или как «писателя приглашают». Грамматика непосредственно составляющих не дает формальных критериев для обоснования только что указанной разницы. Трансформационные правила основываются на правилах порождения по НС. При помощи этих правил предложения, порожденные по модели НС, должны трансформироваться в новые предложения. Например, предложения *Он пишет другу час* и *Он пишет другу письмо* различаются в этом отношении. Второе допускает трансформацию *Письмо пишется им*, а первое не допускает. Для трансформационных правил существенно снятие ограничений, которые имеют место при анализе по НС. Если при анализе по НС запрещается замена более чем одного элемента, то при трансформации можно заменять несколько элементов; при трансформациях допускается перестановка элементов и обращение к трансформационной истории конструкций.

Трансформационный метод исходит из убеждения, что «синтаксическая система языка может быть разбита на ряд подсистем, из которых одна является ядерной, исходной, а все другие — ее производными. Ядерная подсистема — это набор элементарных типов предложений; любой сколько-нибудь сложный синтаксиче-

¹ См. раздел «Трансформационная грамматика» (статья Н. Хомского, З. Харриса и Д. Уорса) в сб. Новое в лингвистике, вып. II. М., 1962.

ский тип представляет собой трансформ одного или нескольких ядерных типов, т. е. известную комбинацию ядерных типов, подвинутую ряду преобразований (трансформаций)¹. Сфера применения трансформационного метода очень расширилась, когда в структурной лингвистике возникла идея построения порождаящей, или синтезирующей, грамматики. При этом понятие производности языковых элементов было перенесено и на синтаксический уровень. В трансформационной грамматике стали противопоставлять ядерные конструкции, структура которых не может быть выведена из других элементарных конструкций и которые связаны с самыми элементарными ситуациями, и трансформы этих конструкций, структура которых может быть выведена из ядерных конструкций путем использования установленных правил преобразований или трансформаций. Стержнем трансформационной грамматики является идея о ядре языка, состоящем из простейших лингвистических структур, из которого могут быть выведены все остальные лингвистические структуры большей или меньшей сложности. Последовательное развитие данной идеи позволяет проникнуть сквозь внешние, эмпирические тождества и различия языка в имманентные тождества и различия реляционного каркаса языка. Важно отметить еще одну особенность порождающей грамматики. Если другие лингвистические методы основаны на наблюдении языкового материала, на базе которого строится понимание системы языка, то порождающая грамматика идет противоположным путем. Она стремится вскрыть картину синтеза, порождения или развертывания речи из заданных элементов системы, в синтаксисе — из элементарных ядерных конструкций. Грамматика, по выражению Хомского, представляет собой своего рода механизм, порождающий правильные («отмеченные») предложения определенного языка. Носитель языка проверяет степень пригодности созданной лингвистами порождающей модели.

Несомненна ценность разрабатываемых дескриптивистами методов для прикладной лингвистики, которая должна обеспечить взаимопонимание в системе «человек — машина», решить проблему автоматического, или машинного, перевода с одного языка на другой, распознавать устную речь, осуществлять автоматический поиск информации и т. п. Вместе с тем следует отметить безразличие некоторых американских лингвистов к вопросу о том, соответствует их концепция языковой действительности или нет. Под влиянием философии неопозитивизма и прагматизма они оценивают обычно каждый метод только с точки зрения простоты, удобства и внутренней непротиворечивости описания. Подобный подход к лингвистическому описанию получил ироническое название *hocus-rosus approach* — «подход фокусника», для которого важна не практическая ценность теории и ее соответствие дейст-

¹ Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики, с. 181.

вительности, а ее красота и логичность. Много элементов такого подхода можно обнаружить и в схемах допустимых трансформаций и построениях порождающих грамматик.

Таким образом, методы изучения языка, выработанные американскими лингвистами при изучении многочисленных индейских языков, получили всеобщее признание и распространение. Это касается прежде всего дистрибутивного анализа языковых элементов, анализа по НС и синтаксических трансформаций. Что касается идеи порождающей грамматики, то она вызывает сдержанное отношение, нуждается в диалектико-материалистическом обосновании.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Блумфилд Л. Язык. М., 1968.

Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959.

Хемп Э. Словарь американской лингвистической терминологии. М., 1964.

Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966.

Арутюнова Н. Д., Климов Г. А., Кубрякова Е. С. Американский структурализм. — Основные направления структурализма. М., 1964.

Белый В. В. Из истории становления дескриптивной лингвистики. — «Филологические науки», 1968, № 1.

Маслов Ю. С. Основные направления структурализма. — «Русский язык в школе», 1966, № 5.

Мюллер Г. Языкознание на новых путях (Дескриптивная лингвистика в США). — Общее и индоевропейское языкознание. М., 1965.

**ДРУГИЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО
ЯЗЫКОЗНАНИЯ**

§ 53. Этнолингвистика. Термином этнолингвистика обозначают направление в языкознании, которое сосредоточивает свое внимание на изучении связей языка с культурой, народными обычаями и представлениями и с народом в целом. Эту идею в конце XVIII в. выдвигал И. Г. Гердер, а В. Гумбольдт связывал ее с языковой проблематикой.

Гумбольдт считал, что отношение человека к окружающей его действительности «целиком обусловлено языком», что язык обладает титанической властью над говорящим человеком.

В Соединенных Штатах возникновение этнолингвистики вызвано изучением языков и культуры индейцев. По мнению лингвиста и антрополога Ф. Боаса, «чисто лингвистическое исследование является неотъемлемой частью глубокого изучения психологии народов мира». Своеобразие языков и культуры американских индейцев привело к появлению гипотезы о связи культуры и языка и возможности глубокого влияния языка на становление и развитие логических и мировоззренческих категорий. Возникла гипотеза Сепира — Уорфа о взаимосвязи языка и культуры, составляющая базу этнолингвистики.

Э. Сепир, изучая многие проблемы языкознания, стремился разрешить проблему взаимосвязи языка и культуры. Он писал: «Язык служит руководством к восприятию «социальной действительности». Хотя язык обычно мало интересует ученых, занимающихся социальными науками, он оказывает мощное воздействие на наше мышление о социальных проблемах и процессах. Человеческое существо живет не в одном только объективном мире и не в одном только мире общественной деятельности, как это обычно полагают. В значительной степени человек находится во власти конкретного языка, являющегося средством выражения в данном обществе... Факты свидетельствуют о том, что «реальный мир» в значительной мере бессознательно строится на языковых нормах данного общества»¹. Из этих высказываний становится ясно, что

¹ Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях, ч. II, с. 233.

Сепир преувеличивает роль языка и принижает роль объективной действительности и активность человеческого мышления, что было свойственно и В. Гумбольдту. В то же время Сепир утверждал также, что «из этого, однако, не следует, что между формой языка и формой культуры говорящих на нем существует простое соответствие... Не существует никакой общей корреляции между культурным типом и языковой структурой. Изолирующий, агглютинативный или инфлективный строй языка возможен на любом уровне цивилизации»¹.

Идеи Сепира довел до логического завершения его последователь **Бенджамин Уорф** (1897—1941). При этом совершенно отчетливо выявилась несостоятельность теории Сепира. По мнению Уорфа, языки воплощают в себе «совокупность речевых моделей». Говорящий на родном языке располагает определенной системой понятий для «организации опыта». У говорящего имеется также определенное «мировоззрение», отражающее его отношение к внешнему миру. Как система понятий, так и мировоззрение определяются основами лингвистической системы. Действительность представляет собой «калейдоскопический поток впечатлений». Восприятие фактов и отношение к внешнему миру являются производными от языка, на котором о них сообщается. «Понятия «времени» и «материи» не даны из опыта всем людям в одной и той же форме. Они зависят от природы языка или языков, благодаря употреблению которых они развились»², — заявляет Уорф. И грамматика и логика, по Уорфу, не отражают действительности, а видоизменяются произвольно от языка к языку. Законы Ньютона и его взгляд на строение вселенной были бы иными, а если бы он пользовался не английским языком, а языком хопи — одним из индейских языков.

Исходное положение гипотезы Сепира — Уорфа выглядит бесспорным. Действительно, процесс мышления обычно протекает в языковой форме, а поскольку языки отличаются друг от друга, то возникают различные формы мышления. Однако взаимоотношение языка, мышления и действительности Уорф понимает неправильно. Язык является производным от мышления и действительности. Вместе с тем он выступает и как посредник между ними. Эту особенность языка Уорф абсолютизирует: он отбрасывает объективную действительность, а мышление подчиняет языковым формам. Возникает вопрос следующего свойства: если в русском языке имена существительные *покойник* и *мертвец* в грамматическом плане относятся к одушевленному существительным, то связано ли это с их трактовкой русскими? Конечно, этот грамматический факт не влияет на сознание русских, хотя и нуждается в объяснении. Гипотеза Сепира — Уорфа, правильно отметив тот факт, что действительная картина мира запечатлена в языках

¹ Звегинцев В. А. История языкознания XIX — XX веков в очерках и извлечениях, ч. II, с. 251.

² Новое в лингвистике, вып. I. М., 1960, с. 166.

неодинаковым образом, нуждается в материалистическом истолковании¹.

Язык, являясь посредником между объективной действительностью и сознанием, не может играть руководящей роли и быть властелином сознания: он является орудием мышления, практическим сознанием. Поиски причин разнообразия языков следует искать в других факторах. Кроме того, Уорф рассматривает язык чрезвычайно односторонне — лишь его значение, т. е. семантическую сторону. А отрывать значение, семантику от самих языковых форм невозможно, — это всегда приводило к теоретическим ошибкам.

Следовательно, в различных языковых формах люди мыслят об одной и той же объективной действительности. Причины разнообразия языков при сходном логическом содержании мышления еще не вскрыты до конца, но можно указать на ряд факторов, вызывающих различие как в формальном, так и в семантическом плане. Во-первых, люди находятся в различных материальных и социальных условиях. Во-вторых, сознание не автоматически, не однозначно и не прямолинейно отражает мир. В любом обобщении уже имеется элемент фантазии. В-третьих, язык располагает новые явления в соответствии со своими структурными особенностями. Он по своей общественной функции не допускает переворотов и даже при морфологических изменениях использует путем переосмысления традиционные формы.

Этнолингвистика подчеркивает и преувеличивает также влияние языка на поведение людей. Конечно, язык координирует общественную деятельность людей, но в одинаковых ситуациях люди разного языка ведут себя одинаковым образом. Между тем философы-семантики в США полагают, что отдельные слова и высказывания допускают различное толкование, вызывают разногласия, так как язык является очень несовершенным средством общения. Полезно, по их мнению, произвести реформу языка в духе той, которую в свое время требовал американский конгрессмен Г. Коллиер: он предложил заменить, ввиду непопулярности, слово «капитализм» словом «свобода», а «капиталист» — целым словосочетанием «свободный человек». На его взгляд, К.- Маркс дискредитировал эти слова.

§ 54. Неогумбольдтианство. Совершенно независимо от этнолингвистики, некоторые идеалистические стороны учения В. Гумбольдта развиваются в европейских странах, в частности в Федеративной Республике Германии. Наиболее типичным представителем неогумбольдтианства является профессор Боннского университета Лео Вейсгербер. Когда Гумбольдт решал вопрос об отношениях между языком, мышлением и действительностью, он исходил из кантианской теории агностицизма. Сущность вещей непозна-

¹ См.: Звегинцев В. А. Очерки по общему языкознанию. М., 1962, с. 321.

ваема, в чувственном восприятии даны лишь отдельные явления. Кант полагал, что в хаосе изолированных чувственных данных закон и порядок наводится при помощи априорных категорий разума. Гумбольдт такую роль отводит языку и мышлению, возникновение которых обусловлено якобы присущей человеку «языковой способностью». По Гумбольдту, мышление, или язык, дает субъективный образ объективной действительности. «Так как ко всякому объективному восприятию неизбежно примешивается субъективное, то каждую человеческую индивидуальность независимо от языка можно считать носителем особого мировоззрения», — утверждает Гумбольдт. Весь язык находится между человеком и объективной действительностью. «Так как восприятие и деятельность человека зависят от его представлений, то его отношение к предметам целиком обусловлено языком». Эти положения приводят Гумбольдта к обоснованию «языкового мировоззрения» целого народа, языкового духа, который отличается своеобразием у каждого языка и народа.

Вейсгербер также исходит из того, что язык воплощает духовную силу народа, что он превращает окружающий мир в идею, «вербализует» мир. Сущность языка включает в себя превращение мира «вещей в себе» в осознанное бытие, в содержание человеческого сознания. При этом всячески подчеркивается активная роль языка, классифицирующего и упорядочивающего материал, добытый в результате воздействия внешнего мира на наши органы чувств, которые дают лишь искаженное, неадекватное представление о мире¹. В языке отражается не столько объективная действительность, сколько субъективный подход человека к внешнему миру. Характер познания зависит от языка. Язык является «ключом к миру». Язык, по Вейсгерберу, — сетка, которую человек набрасывает на внешний мир в процессе познания, но человек познает лишь то, что создает язык. Таким образом, происходит отождествление языка с мышлением и отрыв их от объективной действительности.

Субъективный характер языковых фактов Вейсгербер стремится доказать некоторыми примерами. Так, он указывает, что слово выражает понятие о предмете, а не обозначает конкретные предметы. На деле слово обозначает не только понятие, но и любой конкретный предмет. Мы называем словом *окно* и логическое понятие «окно», и любое конкретное окно, которое мы видим или закрываем. Вейсгербер приводит в качестве примера немецкие слова *Unkraut* 'сорняки', *Obst*-'-плоды, фрукты', *Gemüse* 'овощи' и стремится доказать, что это не ботанические понятия (действительно, в природе имеются крапива, пырей, яблоки, виноград, петрушка и т. п.), а порождение человеческого мозга и языка, чистая идея. Как видим, при этом объективные отношения признаков тех предметов, которые были схвачены мыслью при создании этих понятий, отбрасываются, не обращается никакого внимания на роль практики, которая обу-

¹ Г у х м а н М. М. Лингвистическая теория Л. Вейсгербера.—Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. М., 1981, с. 133-

слова как возникновение названных понятий, так и пользование самими предметами. Очень часто Вейсгербер использует примеры с обозначением цветов в различных языках. Однако наличие, например, в русском языке двух наименований *синий* и *голубой* в соответствии с одним немецким *Blau* едва ли свидетельствует об ином восприятии этих цветов: оно свидетельствует о наличии разных классификаций, сложившихся в этих языках. Далее, строение звездного неба, по мнению Вейсгербера, также существует только в человеческом представлении и является духовным образованием. У разных народов изучение звездного неба, действительно, приводило к разным схемам и разному обозначению созвездий, но эти исторически объяснимые отклонения отнюдь не связаны с тем, что строение звездного неба зависит от восприятия отдельного человека или даже целого народа. Как ни своеобразна и индивидуальна любая языковая система, она все же вторична по отношению к объективной действительности, она определяется ею, так как в языковой системе, особенно в лексике, преломляется опыт каждого народа.

В основе формирующей силы языка, по мнению Вейсгербера, лежит его знаковость. Однако он полагает, что всякое содержание может быть выражено только в одной-единственной форме. Если нет специального обозначения, то в языке, на его взгляд, нет и соответствующего содержания. Если в языке нет слова для названия какого-либо цвета, то нет и различия этого цвета. Если немецким *Bein* и *Fuji* соответствует в русском лишь одно слово *нога*, то, следовательно, отличается «миропонимание», расчленение действительности у этих народов. Подобный подход противоречит взглядам самого Гумбольдта, считавшего ошибочным выводить круг понятий, существующих у какого-либо народа, из его словаря, так как многие понятия могут быть выражены описательным оборотом, а не обязательно отдельным словом. Подобный чисто семантический подход к языку отражает ограниченность теории Вейсгербера. Опора на факты лексики и семантики ведет неогумбольдтианцев к поискам принципов упорядочения словарного состава языка по предметным и понятийным группам, которые получили название «языковых полей». Однако как у Й. Трира, так и у Вейсгербера отказ от опоры на предметную соотношенность границ семантических полей приводит к крайнему субъективизму.

С наибольшей полнотой взгляды Л. Вейсгербера изложены в его четырехтомной работе «О силах немецкого языка» (1949—1950). В его построениях особое место отводится родному языку. Язык, по его определению, является субъектом истории, определяющим моментом в отношении родного языка и человеческого коллектива. «Языковой коллектив объединен общей картиной мира родного языка». История языка не отражает историю общества, а творит ее. Не является случайным, что теория «родного языка» в ряде случаев ведет к шовинистическим домыслам о превосходстве немецкого языка и немецкого «языкового гения» над другими языками и

Народами, а в политической интерпретаций ратует за присоединение к Германии (очевидно, к ФРГ) всех территорий, население которых считает немецкий язык родным (Австрия, Швейцария, Тироль).

§ 55. Языковая типология и лингвистические универсалии. Типологическое изучение языков сводится к выявлению сходств и отличий на разных уровнях языковой системы. Основателем языковой типологии был В. Гумбольдт. Относя язык к проявлению человеческого духа, он полагал, что различные языковые типы должны отражать различие духа народов. Однако в XIX в. более удачливой оказалась генеалогическая классификация языков. Принципы типологической классификации языков заключались в учете выражения в языке отношений и способов образования предложений. Выделялись четыре типа языков: изолирующие, агглютинативные, флективные и инкорпорирующие, причем флективные языки делились по грамматическому строю на синтетические и аналитические. А. Шлейхер стремился связать языковые типы с уровнем развития цивилизации у народов, пользующихся изолирующими, агглютинативными и флективными языками. Последующие попытки классификации Г. Штейнтала, Ф. Мистели (1893), Н. Финка (1909), исходя из типов языков, оказались также недостаточными, ибо оставались неясными как количество самих типов, так и более конкретная характеристика того или иного языка.

Н. С. Трубецкой в противовес родству языков выдвинул понятие сродства языков, под которым имеется в виду объединение языков на основе их типологического сходства. Такие объединения получили название «языковых союзов». Сам Трубецкой применял это понятие при изучении отношений между индоевропейскими, семитскими и угро-финскими языками. Представители Пражской школы большое внимание уделяли изучению балканского языкового союза (болгарский, румынский, албанский и новогреческий языки).

Поскольку классификационный принцип, относящий языки к определенному типу, изжил себя, постольку выдвигаются новые принципы типологического описания. Возникает характерологический принцип, согласно которому исследователи стремятся выявить своеобразие изучаемого языка, его характерные особенности¹. Однако этот принцип не позволяет оценить роль своеобразных явлений в общей системе языка. Так, например, русский язык характеризуется в фонетическом плане как язык с обилием шипящих и свистящих, а также мягких согласных, в морфологии отмечается множество падежей, распространенные суффиксы и т. п.

Третий подход характеризуется группировкой отдельных явлений языка по определенным признакам. Эти признаки могут

¹ С к а л и ч к а В. О современном состоянии типологии.— Новое в лингвистике, вып. III. М., 1963, с. 26.

быть фонетического (соотношение гласных и согласных, структура слога, характер ударения) и грамматического характера (словообразование, синтаксические конструкции).

Четвертый принцип основывается на количественной характеристике отдельных различий. Он или оперирует приблизительными данными, или стремится к статистической определенности. Первый подход применил Э. Сепир («Язык», 1921). Он построил многоступенчатую классификацию. В ее основе лежит выражение разного типа понятий в языке. Выделяются языки: 1) корневые; 2) деривационные; 3) смешанно-реляционные и 4) чисто реляционные. Другим важным критерием является степень синтеза, т. е. соединения элементов в слова, и техника этого синтеза, т. е. тесное или свободное соединение элементов в слове. В соответствии с первым критерием различаются сочетания аналитические, синтетические и полисинтетические. В соответствии со вторым критерием Сепир различает сочетания изолирующие, агглютинирующие, фузионные и символические, что соответствует наличию внутренней флексии. Систематическую морфологическую типологию с числовыми данными предложил Дж. Гринберг¹.

В последнее время оживленно развивается структурная типология, рассматривающая язык как целое, как систему, в которой отдельные черты взаимозависимы. Согласно этому взгляду, морфологические, синтаксические, фонетические и словообразовательные явления находятся во взаимной связи, причем их соседство может быть положительным или отрицательным. При таком подходе возможно прослеживание и тенденций развития определенных явлений, свойственных языку.

В последние десятилетия оживился интерес к лингвистическим универсалиям. Прежде универсальные явления неправомерно переносились на другие языки в результате идеализации одного какого-либо языка, выступающего в качестве языка-эталона. В настоящее время выражается убеждение, что «за бесконечным поражающим многообразием языков мира скрываются общие для всех них свойства. При всем безграничном несходстве оказывается, что языки созданы как бы по единому образцу. Хотя формально описаны лишь некоторые сходные свойства языков, лингвисты во многих случаях осознают их наличие и пользуются ими для описания новых языков... Языковые универсалии по своей природе являются обобщенными высказываниями о тех свойствах и тенденциях, которые присущи любому языку и разделяются всеми говорящими на этом языке. Поэтому они составляют самые общие законы лингвистики»².

Наиболее характерно исследование универсалий проявляется в работах Р. Якобсона, А. Мартине и Е. Куриловича. По мнению

¹ См. Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков. — Новое в лингвистике, вып. III. М., 1963, с. 60 и след.

² Меморандум о языковых универсалиях. — Новое в лингвистике, вып. V. М., 1970, с. 31.

Якобсона, «языки мира можно фактически рассматривать как многообразные вариации одной и охватывающей весь мир темы — человеческий язык». Путь развития лингвистических идей к универсалиям, по его мнению, таков, что «лингвистика миновала стадию простого изучения разнообразных языков и языковых семей и через посредство типологического изучения и через процесс интеграции превратилась в подлинно универсальную науку о языке». Якобсон сделал ряд попыток установления лингвистических универсалий. В частности, к ним относится разработанная им схема различительных признаков как элементарных фонологических единиц¹. Сам бинарный принцип, на основе которого строится система языка и отдельные его уровни, также можно отнести к универсалиям.

А. Мартине стремится вскрыть лингвистические универсалии в диахроническом исследовании по фонологии (см. его книгу «Принцип экономии в фонетических изменениях», 1960). Наряду с принципом экономии следует указать и на его теорию двойного членения языка (деление слов на морфемы и фонемы). Оба эти принципа, на его взгляд, имеют универсальную значимость.

Е. Курилович в своих теоретических работах затрагивает универсальные категории языка: изоморфизм, структура слога, словосочетание и предложение, роль аналогии. Он считает, что «существуют определенные «универсалии» (универсальные законы), управляющие историей языка независимо от его индивидуальных черт».

§ 56. Использование точных методов и прикладное языкознание. Языкознание как наука имеет разнообразные связи с другими научными дисциплинами. Объясняется это прежде всего сложностью самого объекта изучения — человеческого языка. В истории языкознания наблюдалось стремление опереться при изучении языка на логику, психологию, философию, социологию и даже естественные науки. В последние десятилетия наблюдается стремление использовать при изучении языка исследовательские приемы точных наук, в частности математики. Кроме сближения с математикой, языкознание и его данные в свою очередь используются кибернетикой, теорией связи, электроникой, бионикой и другими отраслями знания.

Использование математического аппарата для изучения языка в определенных областях желательно и полезно. Бодуэн де Куртене еще в 1904 г. писал: «Поскольку в языкознании применяются количественные понятия, желательно тоже знание математики, не только низшей, но и высшей... Если языкознание должно в самом деле стать точной наукой, оно должно научиться орудовать абстракциями, общими понятиями, наподобие того, как это имеет место в настоящих точных науках».

¹ См.; Новое в лингвистике, вып. II. М., 1962, с. 173 и след.

Применение математических методов к изучению языка началось с использования статистики в лингвистических исследованиях. Статистический подсчет применяется везде, где имеются отчетливые категории, поддающиеся целесообразному подсчету. В языке также имеются единицы (фонемы— звуки, морфемы, слова, предложения, словосочетания), повторение которых в языковой цепи наводит на мысль о необходимости их подсчета, вероятности их появления, установления закономерностей. Русский математик А. А. Марков в 1913 г. на основе теории вероятностей написал работу «Опыт статистического исследования над текстом «Евгения Онегина», иллюстрирующий связь испытаний в цепи», в которой установил частотность повторения звуковых единиц (гласных и согласных) в тексте романа Пушкина.

Применение математических методов в языкознании осуществляется в нескольких направлениях. Во-первых, статистические выкладки используются при установлении авторства на основе подсчета стилистических особенностей произведения (эта отрасль носит название эвристики). Теми же способами возможно определение приблизительной датировки произведений и относительной хронологии произведений одного и того же автора. Во-вторых, установление частотности использования языковых единиц имеет первостепенное значение при составлении словарей-минимумов и отборе грамматических явлений для активного и пассивного усвоения при изучении иностранных языков. В-третьих, количественные методы используются в историческом и сравнительном языкознании. Лексикостатистика (или глоттохронология) на основе количественных показателей словарного состава стремится объективно констатировать наличие родства между языками, а также определить время их вычленения из единого праязыка.

Первую попытку выразить степень родства между отдельными группами индоевропейских языков посредством этого метода сделал польский этнограф Ян Чекановский в 1927 г. Лексикостатистику начал широко применять американский лингвист **Моррис Сводеш** с 1948 г.¹ Положения Сводеша следующие: 1) основной словарный фонд всех языков (местоимения, числительные, названия общераспространенных предметов, признаков и действий) изменяется медленно и с постоянной скоростью; 2) сохранность подобных слов, положим, за одно тысячелетие выражается приблизительно одной и той же цифрой; процент утраты также одинаков; 3) если нам известен процент сохранившихся генетически тождественных элементов лексического ядра у пары родственных языков, то можно вычислить время, прошедшее с того момента, как эти языки разделились. Количественный критерий используется также при типологическом изучении языков.

На статистике основывается теория вероятности, которая также используется в языкознании, так как по имеющимся сведениям о

¹ Его работы см. в сб.: Новое в лингвистике, вып. I. М., 1960.

степени частотности языковых единиц, их сочетаемости и распределения в тексте можно предугадать вероятность появления той или иной языковой единицы. Теория вероятности применима в фонетике, но особенно в синтаксисе. Наблюдения Маркова (марковский процесс) как раз и состоят в том, что состояние системы в данный момент времени определяет вероятность того, что через известный промежуток времени система будет выглядеть иной, причем эта вероятность зависит от хода процесса в предшествующий период.

Важную роль в современном языкознании приобрело применение математической логики. С этим направлением связана и проблема моделирования языковых процессов. Необходимость в моделировании возникает во всех научных областях, где объект науки недоступен непосредственному наблюдению. При моделировании используют метод, называемый в кибернетике «черным ящиком». О черном ящике известно только, какие начальные продукты он получает «на входе» и какие конечные результаты выдает «на выходе». Задача состоит в том, чтобы узнать содержимое черного ящика, т. е. установить скрытый от исследователя механизм, который осуществляет переработку исходных материалов в конечные данные. Разобрать черный ящик нельзя, ибо тогда он не будет действовать. Остается одно: на основе известных начальных и конечных данных построить образ объекта, его модель, выдвинуть гипотезу о возможном устройстве черного ящика. Если наша логическая модель соответствует строению объекта, то мы, следовательно, добились понимания механизма, который недоступен нашему наблюдению.

Первоначально проблема «черного ящика» возникла в электротехнике, затем ее перенесли в физиологию высшей нервной деятельности и атомную физику. Положение лингвиста ничем не отличается от положения физика или физиолога. Единственной реальностью, с которой мы имеем дело, является речь, текст, а интересующие нас механизмы языка, лежащие в основе речевой деятельности, мы наблюдать не можем. Поэтому построение моделей в лингвистике является важным средством познания.

Модель лишь по функции похожа на объект. Несущественно, из какой субстанции она изготовлена. Обычно это бывают математические формулы. Модель всегда является идеализацией объекта, отвлеченной от несущественных и непоказательных признаков объекта. В моделях фигурируют обычно конструкты — понятия об идеальных объектах, которые основываются на общих гипотезах. Модель, являясь идеализацией объекта, обычно лишена избыточности естественных языков и стремится к компрессии (сжатости) выражения. Всякая модель строго формальна: в ней должны быть заданы исходные объекты и правила обращения с ними. На практике это означает возможность реализации модели — математической формулы — на электронной вычислительной машине. Модель и ее ценность связаны с ее объяснительной силой, что может быть установлено проверкой на практике. При недостаточной объясни-

тельной силе модели следует выдвинуть новую, более рациональную.

Применение точных математических методов при изучении языка отнюдь не отменяет и не делает излишними все другие методы, которыми пользуются и пользовались языковеды и которые иногда называют в неодобрительном смысле «традиционными». Языкознание от связи с математикой не лишается своего статуса науки и своей специфики. Ведь использование, допустим, физикой математического аппарата не привело к ее умалению. Сущность науки определяется не методами исследования, а ее объектом, а язык не несет никакого урона от применения точных методов при его изучении. Поэтому следует говорить не о математической, или машинной, лингвистике, а о применении математических методов в языкознании¹.

С другой стороны, лингвистические знания в век технического прогресса используются в интересах других точных наук для решения практических задач науки и техники. Это направление обычно именуется прикладной лингвистикой (прикладным языкознанием). Эта область языкознания расширяется с каждым годом. Она прежде всего включает в себя налаживание взаимопонимания в системе «человек — машина» для речевого управления различными механизмами, для автоматического (машинного) перевода, для автоматического поиска информации, для распознавания машиной устной речи, для теории связи и т. п.

£ 57. Современное сравнительно-историческое языкознание. Сравнительно-историческое изучение индоевропейских языков к настоящему времени достигло больших успехов. Принципы, примененные на индоевропейском материале, были перенесены на изучение тюркской, финно-угорской, семитской и других языковых групп. Общий прогресс в лингвистической теории и возникновение разнообразных методов изучения языка нашли отражение и в сравнительно-историческом языкознании. Теперь нельзя утверждать, что оно использует только сравнительно-исторический метод, т. е. сравнение родственных морфем в родственных языках. К этому присоединились другие методы и приемы, принятые на вооружение компаративистами². К последним относятся:

1. Применение методов лингвистической географии, приведшее к возникновению ареального языкознания (от франц. *aîre* — площадь, пространство). После книг А. Мейе «Индоевропейские диалекты» (1908) ареальное языкознание особенно успешно применяется В. Пизани и другими представителями итальянской неолингвистики — Б. Террачини, Дж. Бонфанте, Дж. Девото. Монография

¹ См.: Пиотровский Р. Г., Бектаев К. Б., Пиотровская А. А. Математическая лингвистика. М., 1977.

² См.: Макаев Э. А. Общая теория сравнительного языкознания. М., 1977.

В. Порцига¹ отражает успехи, достигнутые в этой области изучения индоевропейских языков.

2. Использование лингвистической реконструкции — восстановление наиболее древнего облика слов и форм, общих для родственных языков. Праязыковые реконструкции возможны с различным приближением. Система языка требует, чтобы явления, возникшие в одно время и обусловленные той же причиной, рассматривались в тесной связи. Поэтому в настоящее время «цель лингвистической реконструкции состоит в том, чтобы установить относительно хронологии доисторических состояний и изменений, непосредственно предшествующих самым древним данным»², — пишет Е. Курилович. Рассматриваемый с исторической точки зрения языковой материал, сколь бы он ни был ограничен в пространстве и времени, состоит из разных хронологических слоев. Поэтому для Куриловича внутренняя реконструкция — это «те диахронические выводы, которые можно сделать из синхронического анализа языковых данных, не прибегая ни к сравнению, ни к лингвистической географии, ни к «ареальной лингвистике», ни к «глоттохронологии». Принцип относительной хронологии при реконструкции позволяет установить последовательность фонетических и грамматических процессов в праязыке и их взаимосвязь, выявить иерархию изучаемых явлений. При этом следует строго отличать реконструируемые древнейшие явления от таких, которые хотя и представлены в родственных языках, но являются результатом позднейшего параллельного развития в отдельных языках. По мнению Куриловича, предположения о происхождении таких грамматических категорий, как род, вид, наклонение и т. п., не место в исторической и сравнительной грамматике, ибо они носят весьма проблематичный характер. Так, например, древнейший период в развитии индоевропейских языков характеризовался отсутствием окончаний, наличием гетероклитических основ, из которых одна выступала в качестве активного, а другая — пассивного падежа, системой одушевленных и неодушевленных грамматических классов, причем множественное число имелось только у слов одушевленного класса. Формирование многопадежного склонения и глагольной системы относится к более позднему периоду, который характеризуется относительным обособлением индоевропейских языков и влиянием на них других языков.

3. Применение в изучении праязыков достижений современной фонологии, которая в огромной степени опирается на системные отношения, существующие в фонологических системах. В частности, это проблемы разграничения позиционных и непозиционных чере-

¹ См.: Порцига В. Членение индоевропейской языковой области. М., 1964; см. также: Макаев Э. А. Проблемы ареальной лингвистики. М.—Л., 1964.

² Курилович Е. О методах внутренней реконструкции. — Новое в лингвистике, вып. IV. М., 1965, с. 400.

дований, разграничения фонетической эволюции и фонетической субституции, изучение фонологических последствий чисто фонетических процессов, использование материала заимствований для установления хронологии фонетических процессов.

Современное сравнительно-историческое языкознание и его последние достижения в значительной степени определяются открытием новых языковых материалов. Языковеды уже в XIX в. расшифровали ряд забытых письменностей. В 1822 г. французский ученый Жан Франсуа Шамполион расшифровал египетские иероглифы. В 1837—1840 гг. немец Георг Гротенфенд прочитал персидскую клинопись. Расшифровка последней позволила читать клинописные надписи и на других языках— эламском, халдском, аккадском. В начале XX в. в китайском Туркестане были открыты памятники тохарского языка, оказавшегося после расшифровки индоевропейским. Однако лишь расшифровка и использование фактов хеттского языка привели к перескату многих устоявшихся в индоевропеистике взглядов. Именно поэтому болгарский языковед Вл. Георгиев разделяет историю сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков на три периода. В первом (1816—1870) было установлено родство индоевропейских языков и была заложена база их изучения. Второй период (1870—1916) отмечен уточнением сравнительно-исторического метода, причем ученые основывались по преимуществу на показаниях санскрита, древнегреческого и латинского языков. Третий период начинается с расшифровки хеттского языка (1915—1917), которую осуществил чешский историк Беджих Грозный, и характеризуется пересмотром многих взглядов и расширением базы для суждений о фонетико-грамматической структуре индоевропейского праязыка¹.

За несколько тысячелетий до новой эры в Малой Азии жил индоевропейский народ — протохатты. Затем волнами стали прибывать индоевропейцы, языки которых составили анатолийскую группу. В начале II тысячелетия до н. э. многочисленная народность — клинописные хетты (неситы) заняли всю Малую Азию и подчинили себе протохаттов. Около 1640 г. до н. э. складывается Хеттское государство, которое было настолько мощным, что соперничало с Египтом, Вавилоном и Ассирией. Около 1200 г. до н. э. это государство пало под ударами воинственных соседей, и хетты растворились среди окружающих народов.

Во время археологических экспедиций немца Винклера (1906—1912) в турецком селении Богазкее, в 150 км к востоку от Анкары, были раскопаны развалины хеттской столицы Хаттуша с остатками хеттского государственного архива — 27 тысяч глиняных табличек с клинописным текстом. После расшифровки хеттского языка ученые-языковеды установили его принадлежность к индоевропейским языкам. В последнее десятилетие английскими учеными М. Вентрисом и Дж. Чодвиком была расшифрована крито-микенская письменность, отражающая греческий язык XV—XIII вв. до н. э., примерно на 500 лет предшествующий известным до этого письменным памятникам.

¹ Георгиев В. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию (Родственные отношения индоевропейских языков). М., 1958, с. 7—23.

Открытие новых языковых материалов оказало влияние на решение проблемы о времени распада индоевропейской языковой общности. Прежде этот момент относили к началу II тысячелетия до н. э. Теперь же оказалось, что датировку этого процесса нужно отодвинуть на более раннее время, ибо во II тысячелетии уже выступают самостоятельные и обособленные хеттский язык и один из древнегреческих диалектов.

В хеттском языке сохранилось много архаических черт по сравнению с другими, известными по памятникам, индоевропейскими языками. В частности, в нем сохранен ларингальный согласный *h*: *karas* 'орел'; склонение прилагательных не отличается от склонения существительных; представлено большое количество гетероклитических основ существительных на *r/n*: *vatar* — *vetenas* 'вода'; имеется один тип склонения независимо от основы; имена делятся на личный (одушевленный) и вещный (неодушевленный) классы; нет мужского, женского или среднего родов; падежи во множественном числе еще мало дифференцированы; в хеттском сохранились первичные глагольные окончания, еще не было будущего времени и т. п.

В силу указанной архаичности хеттский язык дает возможность восстановить более первичные формы, углубить взгляд на строение индоевропейского корня и вообще морфологический состав слова, вскрыть этимологию ряда слов, ср. *nekal* 'вечер' с русским *ночь*.

Ларингальная теория, выдвинутая в свое время Соссюром, в связи с хеттскими данными получила конкретное обоснование. В 1927 г. Е. Курилович открыл, что в ряде случаев хеттский согласный *h* соответствует сонантическому коэффициенту, установленному Ф. де Соссюром. Поэтому ларингальная теория, возникшая у Соссюра как чисто структурное и гипотетическое построение в рамках учения о индоевропейском корне, получила фактическое обоснование. Чешский языковед Л. Згуста полагает, что в древнюю эпоху индоевропейского праязыка существовал только один ларингал. Он оставил в хеттском языке рефлекс в виде *h*, после гласных *a*, *o*, *e* он исчез, вызвав удлинение этих гласных, в результате чего возникли *ā*, *ō*, *ē* (долгие); в некоторых положениях он подвергся вокализации, дав *š* (шва). Артикуляционная и акустическая природа этого ларингала неизвестна. В последние годы ряд исследователей полагают, что утрата ларингалов произошла сравнительно поздно, уже в период самостоятельного развития индоевропейских языков.

В последние десятилетия компаративисты, учитывая процессы языковой дифференциации в прошлые эпохи, обращают внимание на интегрирующие процессы в развитии древних языков, на роль языковых союзов в этих процессах, отмечают субстратные явления. Однако недостаток исторических сведений иногда приводит к чисто умозрительным построениям. Понятие языкового (генетического) родства европейских языков, основанного на закономерных материальных соответствиях, остается непоколебленным.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бенвенист Э. Классификация языков. — Новое в лингвистике, вып. III. М., 1963.

Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. М., 1961.

Георгиев В. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958.

Засорина Л. Н. Введение в структурную лингвистику. М., 1974.

Иванов Вяч. В. Хеттский язык. М., 1963.

Иванов Вяч. В. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965.

Макаев Э. А. Общая теория сравнительного языкознания. М., 1977.

Макаев Э. А. Проблемы индоевропейской ареальной лингвистики. М.-Л., 1964.

Мартине А. Основы общей лингвистики. — Новое в лингвистике, вып. III. М., 1963.

Новое в лингвистике (Языковые универсалии), вып. V. М., 1971.

Новое в лингвистике (Языковые контакты), вып. VII. М., 1972.

Пизани В. Общее и индоевропейское языкознание. — Общее и индоевропейское языкознание. М., 1956.

Пизани В. К индоевропейской проблеме. — Вопросы языкознания, 1966, № 4.

Пиотровский Р. Г., Бектаев К.-Б., Пиотровская А. А. Математическая лингвистика. М., 1977.

Порциг В. Членение индоевропейской языковой общности. М., 1964.

Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи. М.—Л., 1934.

Скаличка В. О современном состоянии типологии. — Новое в лингвистике, вып. IV. М., 1963.

Степанов Ю. С. Семиотика. М., 1971.

Современное итальянское языкознание. М., 1971.

Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки. Сб. статей. М., 1976.

Тройский И. М. Общеиндоевропейское языковое состояние. М., 1967.

Трубецкой Н. С. Мысли об индоевропейской проблеме. — Вопросы языкознания, 1958, № 1.

Фридрих И. Краткая грамматика хеттского языка. М., 1952.

Фридрих И. Дешифровка забытых письменностей и языков. М., 1961.

Хомский Н. Синтаксические структуры. — Новое в лингвистике, вып. II. М., 1962.

Хомский Н. Логические основы лингвистической теории. — Там же, вып. IV.

РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Пути развития языкознания в нашей стране после Великой Октябрьской социалистической революции определялись рядом важнейших общественно-исторических факторов. Во-первых, в СССР утвердился и развивался новый общественный строй — социализм; во-вторых, Советское государство — многонациональное государство; в связи с коренными изменениями в положении народов СССР и осуществлением ленинской национальной политики открылись новые пути для общественно-политического и культурного развития всех народов страны; в-третьих, повысилась общественно-культурная роль русского языка, который стал орудием межнационального общения народов нашей страны. Развитие советского языкознания, определяемое этими факторами, протекало в условиях выработки новых, марксистско-ленинских основ научного исследования, причем эта работа проходила при развитии дореволюционного научного наследия. Без учета и осмысления указанных социально-исторических причин и условий трудно понять своеобразие развития советского языкознания, основные проблемы, подвергавшиеся изучению, и его современное состояние. Рост культуры народов Советского Союза, распространение всеобщей грамотности, расцвет науки, расширение сферы употребления русского и национальных литературных языков вызвали напряженную деятельность советских языковедов, направленную на углубленное теоретическое и практическое изучение структуры и закономерностей развития самых разнообразных языков больших и малых народов нашей страны, на создание письменности для бывших бесписьменных языков угнетенных народов царской России. Перед советскими языковедами сама жизнь поставила множество новых лингвистических задач и проблем большой важности.

В первые десятилетия после Октябрьской революции в советском языкознании обозначилось несколько направлений, которые осуществляли исследование языка. Все эти направления были объединены общей задачей построения марксистско-ленинского языкознания, однако понимание путей его построения у них было

различным. В дискуссиях 20-х и 30-х годов предметом обсуждения была сущность методологических основ марксистского языкознания.

✎ 58. **Диалектический и исторический материализм — методологическая база советского языкознания.** Основоположники научного коммунизма в своей деятельности часто обращались к вопросам языкознания, делали общие и конкретные замечания по различным лингвистическим проблемам. В трудах К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина содержатся как общетеоретические, так и практические установки, непосредственно касающиеся сущности языка, его роли в общественной жизни и духовном прогрессе человечества. Марксистско-ленинская философия является методологической базой советского языкознания.

В. И. Ленин в первые годы после Октября в работе «О значении воинствующего материализма» писал: «Без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного мирозерцания. Чтобы выдержать эту борьбу и провести ее до конца с полным успехом, естественник должен быть современным материалистом, сознательным сторонником того материализма, который представлен Марксом, то есть должен быть диалектическим материалистом»¹. Это указание в полной мере относится и к языковедам, так как язык по своей природе представляет собой весьма сложное переплетение материальных и идеальных элементов, обслуживает все стороны человеческой деятельности. К. Маркс и Ф. Энгельс уже в «Немецкой идеологии» (1846) определили общественную сущность и коммуникативную направленность человеческого языка: «Язык так же древен, как и сознание; язык *есть* практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми»². В. И. Ленин утверждал, что «язык есть важнейшее средство человеческого общения»³.

Для материалистов ясен основной вопрос философии — вопрос об отношении мышления к бытию, к объективной действительности. Однако языковеды имеют дело с третьим элементом — языком. Связь языка и мышления обусловлена коммуникативной функцией языка. В общем виде эта связь была сформулирована еще К. Марксом и Ф. Энгельсом. Выступая против идеалистического взгляда на сознание как на свободный от природной материи дух, Маркс и Энгельс утверждают первичность материи: мысль не существует в чистом виде, а закрепляется в природной материальной форме, в языке

¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 45, с. 29—30.

² Маркс К, и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 29.

³ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 25, с. 258.

(язык является непосредственной действительностью мысли). Далее подчеркивается, что язык также древен, как и сознание, ибо как язык без сознания, «неоудухотворенный» язык, так и сознание без языка существовать не может; утверждается генетическая общность языка и сознания и их общественный, социальный характер: они возникли для удовлетворения настоятельной потребности людей в общении, ибо человеческое общество немислимо без языка. Наконец, основоположники марксизма обращают особое внимание на то, что «ни мысли, ни язык не образуют сами по себе особого царства, что они—только *проявления* действительной жизни»¹. Так обосновываются материальные истоки мышления. Отсюда и полемически заостренная против идеализма формулировка: «На «духе» с самого начала лежит проклятие — быть «отягощенным» материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, звуков — словом, в виде языка»².

Таким образом, лингвист не может отрывать язык от мышления потому, что язык свидетельствует о самом существовании мысли, он материализует мысль и делает возможным ее восприятие органами чувств окружающих людей. Признание тесной связи между языком и мышлением является одним из основных положений материалистического языкознания. Характер этой связи таков: основу выражающегося в языке содержания образуют мысли. Именно через мышление, через отражательную деятельность человеческого мозга языковые единицы могут соотноситься с предметами и явлениями объективного мира, без чего было бы невозможно общение между людьми. Из этого следует, что язык соотносится с объективной действительностью только через мышление. С другой стороны, в звуковых комплексах языка, которые выступают как материальные знаки объективного мира, отражаемого в мышлении, закрепляются результаты познания. Именно поэтому язык часто характеризуют как орудие, инструмент мышления, а взаимосвязь языка и мышления — как их единство.

Сознание, мышление вторично по отношению к объективной действительности, так как является лишь ее отражением. Законы мышления — это также лишь отражение в нашем сознании закономерностей, связей и отношений между предметами и явлениями внешнего мира, они соответствуют процессам и явлениям объективного мира. Законы и формы мышления, а также наиболее общие понятия не могут быть продуктом чистого разума, как утверждают идеалисты, ибо они в своем происхождении основаны на опыте, общественной практике человека. В. И. Ленин указывал: «Абстракции *материи, закона* природы, абстракция *стоимости* и т. д., одним словом, *все* научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, *полнее*. От живого созерцания к абстрактному мышлению *и от него к прак-*

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 449.

² Там же, с. 29.

тике — таков диалектический путь познания истины, познания объективной реальности»¹.

Как мы видели, взаимоотношения объективной действительности, мышления и языка (иначе говоря, вещи, мысли и слова) могут истолковываться в материалистическом или идеалистическом духе. Подобные подходы возможны и при рассмотрении взаимоотношения мышления и языка (мысли и слова). Утверждение, что язык и мышление представляют единство, недостаточно. Оно требует более подробной характеристики как языка, так и мышления, а также сложных взаимоотношений между ними.

В настоящее время подчеркивается, что «язык и мышление — это особые, очень сложные явления, каждое из которых имеет свою специфическую форму и свое специфическое содержание»². Трактовка единства языка и мышления как единства формы и содержания едва ли правомерна. Язык при этом рассматривается в качестве формы мышления, а само мышление — как содержание языковых единиц. При таком понимании язык и мышление фактически объединяются, так как форма и содержание характеризуют один объект.

Следовательно, признание первичности предметов и явлений объективной действительности, существующих вне нас и помимо нас, отражение объективной действительности в нашем сознании и обозначение ее предметов и явлений языковыми средствами составляют одну из существенных особенностей марксистского языкознания.

Диалектический материализм исходит из того, что человеческое познание движется к абсолютной истине через относительные истины. Наши представления и понятия о связях и взаимоотношениях изучаемых явлений все время меняются, уточняются, углубляются. «В теории познания, как и во всех других областях науки, — писал В. И. Ленин, — следует рассуждать диалектически, т. е. не предполагать готовым и неизменным наше познание, а разбирать, каким образом из незнания является знание, каким образом неполное, неточное знание становится более полным и более точным»³. В применении к языкознанию это положение означает, что изучение языка не может ограничиваться каким-либо одним методом, а обязано использовать совокупность научных методов, приближающих нас к полноте, точности и глубине познания языковых явлений. Наряду с этим следует руководствоваться принципом исторического подхода к каждому языковому явлению, представлять себе, чем тот или иной факт был прежде и в каком виде предстает он перед нами в современную эпоху.

Положение диалектического материализма о всеобщей связи явлений в природе и обществе имеет непосредственное отношение к языкознанию. Системная организация языковой структуры стала в настоящее время общепризнанным фактом. Вместе с тем наука

¹ Ле и и В. И. Поли. собр. соч., т. 29, с. 152—153.

² Общее языкознание. М., 1970, с. 374

³ Ле и и В. И. Поли. собр. соч., т. 18, с. 102.

о языке стремится к формулировке общих закономерностей. «Мышление, — утверждает В. И. Ленин, — восходя от конкретного к абстрактному, не отходит — если оно *правильное... от истины, а подходит к ней*¹. Теории о языке отражают общие, существенные признаки его сущности. Общим признаком любого языка является его социальная функция — служить средством общения между членами общества.

Два момента наиболее убедительно свидетельствуют об общественной сущности языка: 1) язык мог появиться и может развиваться только в обществе; если общество перестает пользоваться языком, он превращается в мертвый язык (ср. старославянский или латинский языки); 2) главная функция языка — коммуникативная — носит явно социальный характер, язык может быть средством общения только в обществе. Язык с момента своего возникновения является продуктом творческой деятельности всего общества в целом, так как он выражает общественное сознание, а общественное сознание с самого начала есть общественный продукт и остается им, пока вообще существуют люди. Результаты познания действительности фиксируются и закрепляются языком. Язык с равной готовностью и одинаковым безразличием обслуживает всех членов общества, будь это первобытнообщинный строй, или классовые формации (рабовладельческая, феодальная, капиталистическая), или социализм, когда классовые различия утрачивают антагонистический характер. Поэтому, появившись в первобытном бесклассовом обществе, когда все члены общества были поставлены в одинаковые отношения друг к другу, язык свой общенародный, надклассовый характер сохранил и в классовом обществе. Вследствие этого ни классовое расслоение, ни антагонизм классов, ни противоположность идеологий не могут отменить основную функцию языка — быть средством общения людей.

Таким образом, язык является фактором, имеющим исключительно важное значение в жизни общества. Без языка невозможна организация совместной трудовой деятельности людей, а она — основа общества. Без языка, следовательно, общество не может существовать. Без передачи опыта, знаний, культуры от поколения к поколению невозможен прогресс в развитии самого общества. Вместе с характером производственной деятельности, условиями жизни язык цементирует общество. Особенно отчетливо эта роль языка выступает в период становления наций. Общественные функции языка многообразны. Одни из них являются главными, основными, другие — второстепенными и менее важными. Язык не только важнейшее средство человеческого общения, орудие мышления, хранилище общественно накопленного опыта и результатов познания окружающего мира, он является важным орудием воздействия на массы. Как средство пропаганды революционных идей он способствует революционным преобразованиям общества, как форма и ма-

¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 29, с. 152.

териал художественной литературы он также убеждает читателей и служит орудием художественного познания мира.

Развитие языка, начавшееся в глубокой древности, продолжается и в настоящее время. В языкознании неизбежно возник вопрос о тех факторах, которые оказывают воздействие на процесс исторического развития языка. Обычно эти факторы подразделяют на внешние и внутренние. Внешние, или экстралингвистические, факторы воздействуют на язык извне, они обусловлены теми или иными событиями в жизни общества. Внутренние факторы действуют в самой структуре языка, они обусловлены возможностями его строения, инерцией его развития.

Язык в отличие от других общественных явлений обслуживает общество абсолютно во всех сферах человеческой деятельности. Поэтому язык нельзя рассматривать как идеологию или надстройку над базисом определенного класса. В связи с подобной универсальностью язык обладает множеством функций.

Основной функцией языка является коммуникативная, т. е. функция общения людей. В широком смысле эта функция заключается в регуляции поведения. В одних условиях коммуникация воздействует на поведение одного или нескольких человек, в других условиях (массовая коммуникация) это воздействие рассчитано на большую аудиторию, в третьих она определяет собственное поведение человека. Реакция на коммуникацию может быть моментальной или задержанной, непосредственной или опосредованной.

Наряду с общением язык является и средством обобщения, отражения и закрепления человеческого познания действительности. Л. С. Выготский писал, что «как невозможно общение без знаков, оно невозможно и без значения. Для того чтобы передать какое-либо переживание или содержание сознания другому человеку, нет другого пути, кроме отнесения передаваемого содержания к известному классу, к известной группе явлений, а это... непременно требует обобщения... Таким образом, высшие, присущие человеку формы психологического общения возможны только благодаря тому, что человек с помощью мышления обобщенно отражает действительность»¹.

В связи с этим выделяют вторую функцию языка — мыслительную, т. е. функцию языка как орудия мышления. В этом качестве язык выступает в двух аспектах — социальном и индивидуальном, что связано с самой природой процесса обобщения, ибо язык как социальное явление связывается с языковым сознанием отдельного носителя этого языка. Мыслительная, интеллектуальная деятельность человека распадается на три этапа: вначале вырабатывается план действия, естественно, на базе выработанных обществом средств, затем исполняется намеченный план и, наконец, иронско-

¹ Выготский Л. С. Избранные психологические исследования. М., 1956, с. 51.

дит сличение получившегося результата с задуманным. Жизнь богаче языка. Именно она является стимулом постоянного изменения языка и его совершенствования. Чтобы не отстать от жизни, язык должен постоянно приводить свои средства в соответствие с теми потребностями, которые выдвигаются развитием общества. Язык неизбежно должен передавать новые явления мира. Изменение языка — это один из способов преодоления затруднений, вызываемых неспособностью языка к выражению каких-то мыслей.

Третьей функцией языка может считаться номинативная, в которой язык выступает как орудие познания. Человечество в целом и отдельные его коллективы получают новые сведения об окружающей нас действительности, лишь производя познавательную деятельность, опосредствованную языком. Язык закрепляет в своей структуре результаты этой познавательной деятельности человека и коллектива.

Наконец, выделяют историко-культурную функцию языка, выступающего при этом как средство овладения общественно-историческим опытом человечества. Для мыслительной деятельности человек должен обладать некоторой совокупностью знаний. Эти знания доходят до каждого человека с помощью языка. Языковое мышление отражает в себе общественную практику человечества, хотя конкретные языки, являясь формой существования общественно-исторического опыта человечества, в какой-то мере действительно «расчленяют» мир в соответствии со своими особенностями. Наряду с общими элементами общественно-исторического опыта имеются элементы, свойственные той или иной национальной культуре. Язык в этом случае отражает и закрепляет реалии, абстрактные понятия, сопоставления, сравнения и т. п., выработанные историческим опытом определенного народа и несущие специфические приемы трудовой, общественной и культурной жизни именно этого народа. Специфика осмысления одного и того же понятия или явления у разных народов отмечается в особенностях наименования. Например, слово *окно* в русском языке восходит к *око* 'глаз', в словацком наряду со словом *окно* имеется также слово *oblok*, которое связано с давним прилагательным *обльй* 'круглый', в болгарском языке *проздрец* и сербском *прозор* свидетельствуют, что в этих языках в основу названия окна положен глагол (*про*)зреть. Известный процент лексики каждого языка может свидетельствовать о специфическом осмыслении и номинации явлений действительности, о несовпадении внутренней формы многих слов в разных языках. Однако было бы совершенно ошибочно эти особенности номинации объяснять отличиями в мышлении народов.

Не имеют всеобщего характера такие, например, функции, как экспрессивная, выражающая чувства человека и сопровождаемая обычно выразительными движениями в виде жестов и мимики, и эстетическая, или поэтическая, функция языка. Вопрос о поэтической функции языка очень сложен и по-разному освещался в лингвистической литературе.

Глубокое изучение общественных функций языка с позиций исторического материализма способствует решению проблемы соотношения языка и общества, выявлению движущих факторов языкового развития.

Языковое изменение обнаруживается при сопоставлении двух разных временных срезов языка. При изменении происходит нарушение тождества языковой единицы, причем предполагается два разных состояния, из которых одно предшествует другому. Кроме изменений, связанных преемственностью и замещением, в языке могут появляться инновации (новообразования), а также существуют варианты языковых единиц, обусловленные территориальным, социальным и стилистическим расслоением языка. Если процессы изменений связаны с вытеснением одной единицы другой, с постепенным видоизменением материального или семантического тождества единицы, то варианты в языке сосуществуют и конкурируют между собой.

Возможность изменений связана с коммуникативной сущностью языка. Процесс речи, говорения — это не только процесс выбора и организации языкового материала по каким-то готовым моделям, это вместе с тем и творческий процесс. Отклонения от эталона, языковых норм наблюдаются в речи каждого человека. Изменения в речи, относящейся к синхронии, могут стать фактом языковой системы, а могут остаться индивидуальным отклонением.

При выяснении причин языковых изменений следует прежде всего иметь в виду, что язык как средство общения и практическое сознание не может оставаться неподвижным, поскольку отражаемая человеком объективная действительность сама находится в постоянном движении и развитии. Но процесс развития и изменения языка связан не только с его ответной перестройкой в связи с материальным и духовным развитием общества. Одновременно с этим происходит устранение противоречий и дефектов в самой языковой системе. Это позволяет говорить об относительной самостоятельности развития системы языка. «Язык проявляет вследствие этого двоякую зависимость своей эволюции — от среды, в которой он существует, с одной стороны, и его внутреннего механизма и устройства, с другой...»¹

Наряду с тенденцией к изменению языка, к совершенствованию его системы следует отметить наличие в языке противодействующих преобразованию сил, которые направлены на сохранение коммуникативной пригодности языка, на то, чтобы разные поколения живущих людей могли без затруднений понимать друг друга. Поэтому в языке не могут иметь место взрывы и резкие скачки. Консерватизм языка также вытекает из его коммуникативной сущности. В связи с этой особенностью языка находится тот факт, что различные уровни обладают своими темпами развития, причем развитие лексики и

¹ Общее языкознание. Форма существования, функции, история языка. М., 1970, с. 198.

фонетики происходит быстрее, чем развитие грамматического строя. Таким образом, языковая стабильность и языковая изменчивость, связанная с неравномерным темпом изменения различных сторон языкового строя, — это взаимосвязанные свойства языка.

Внешние факторы языкового развития и языковых изменений связаны с характером взаимодействия языка и общества. Язык не отражает пассивно все воздействия окружающей среды, он относится к ним избирательно, т. е. языковая система не реагирует на все общественные изменения, ибо это могло бы привести к разрушению языковой системы. Так, язык не реагирует непосредственно на изменения в экономическом или общественно-политическом устройстве того общества, которое он обслуживает. Это отмечал еще Ф. Энгельс, говоря, что вряд ли кому придет в голову, не сделавшись смешным, связывать германские передвижения согласных с экономическими событиями в жизни Германии. Вместе с тем контакты народов, расчленение или объединение общественных групп, прогресс общества в культуре и просвещении влияют на язык, особенно, естественно, на лексику, номинацию предметов и явлений окружающего мира.

Таким образом, самым мощным внешним фактором, вызывающим языковые изменения, является прогресс человеческого общества, выражающийся в развитии и обогащении его духовной и материальной культуры, в развитии производительных сил, науки, техники, искусства, литературы, что приводит к усложнению форм человеческой жизни и языка. Поэтому и прогресс языка следует оценивать прежде всего с точки зрения общественного прогресса и не сводить его к преимуществу аналитических способов выражения грамматических значений над синтетическими, к относительной длине слов в том или ином языке и т. п.

Контакты языков также влияют на изменение языка во многих его сферах. В области фонетики язык может усвоить некоторые артикуляционные особенности другого языка. Так, цоканье в ряде русских диалектов многие исследователи связывают с влиянием финно-угорских языков, с носителями которых предки русских встретились еще в VIII—IX вв. в бассейнах Оки, Москвы и Волги. Известно, что многие из этих языков как в прошлом, так и в настоящее время не различают *ц* и *ч*, свистящих и шипящих согласных. Согласный *ф* первоначально появился в русских словах, заимствованных из древнегреческого языка (*Федор, Фекла, Никифор, фамиам, фонарь*), лишь позднее он приобрел поддержку со стороны фонетических процессов в самом русском языке (оглушение конечного *в* после падения редуцированных). В данном случае внешний и внутренний факторы взаимодействовали.

Влияние соседних языков может сказываться и на грамматическом строе. Болгарский язык и близкий к нему македонский в кругу славянских языков относятся к аналитическим, падежные отношения в этих языках выражаются не посредством окончаний, а с помощью порядка слов и предлогов. Утрата склонения, развитие

постпозитивного артикля, утрата инфинитива, образование описательных форм будущего времени с помощью глагола *хотеть* и ряд других явлений объединяют болгарский и македонский языки с греческим, албанским, румынским. На основе этих фактов говорят о наличии балканского языкового союза, свидетельствующего о сходном (конвергентном) развитии указанных языков и их взаимовлиянии.

В области синтаксиса очень часто отмечается влияние одного языка на другой. Например, в мордовских литературных языках (эрзянском и мокшанском) используются подчинительные и сочинительные союзы, заимствованные из русского языка.

Лексика наиболее проницаема для всякого рода иноязычных влияний. Иногда процент заимствованных слов в словарном составе того или иного языка может превысить процент исконной лексики. Считают, что в корейском языке 75% словарного состава составляют китайские заимствования, в эпоху средневековья турецкий и персидский литературные языки содержали до 80% арабизмов, в современном русском языке значителен процент старославянской по происхождению лексики (от 10 до 25% согласно различным подсчетам).

Изучение истории литературных языков тесно связано с культурно-исторической обстановкой. Только анализ исторических событий может ответить на вопросы, когда и почему возник у того или иного народа литературный язык, какие социальные силы поддерживали или тормозили создание его, какие формы приобретало это воздействие, какие писатели и общественные деятели сыграли выдающуюся роль в этом процессе.

Расширение общественных функций языка и темпы его развития, диалектная дифференциация, наличие социальных вариантов целиком определяются общественными факторами и нуждаются в историко-культурном истолковании. Например, возникновение более или менее широкой зоны переходных среднерусских говоров, на базе которых сформировался русский литературный язык (язык Москвы и ее окрестностей), вызвано их положением на стыке северновеликорусского и южновеликорусского наречий. Не случайно, что отдельные особенности переходных говоров сближают их то с северным, то с южным наречием.

Внутренние причины языковых изменений более разнообразны и менее изучены. Постоянно действующий механизм общения соединяет слова по определенным правилам для передачи осмысленных высказываний. При работе этого механизма также возникают затруднения, недостатки и противоречия, которые неизбежно разрешаются тем или иным путем. Имеются постоянно действующие противоречия языка (антиномии). К ним, например, относятся: антиномия говорящего и слушающего, антиномия языка как системы и конкретного текста, антиномия языка и речи, антиномия нормы (употребления) и потенциальных возможностей языковой системы, антиномия языкового знака, выступающая в виде асим-

метричности означающего и означаемого, антинomia информационной и экспрессивной функций языка и т. п. Эти общие противоречия свойственны всем языкам. Вместе с тем выделяют и более частные и более конкретные внутренние причины, вызывающие языковые изменения.

Внутренние причины языковых изменений могут быть связаны как с приспособлением языкового механизма к физиологическим особенностям человеческого организма, так и с необходимостью усовершенствования самого языкового механизма.

Человеческий организм имеет определенные физиологические ограничения, например человеческая память не является беспредельной. В связи с особенностями человека в языке проявляются различные тенденции: к облегчению произношения, к экономии языковых средств, выравниванию форм по аналогии, к отталкиванию от омонимии языковых средств, к более четкому морфемному составу и т. п.

Стремление к облегчению произношения отмечалось многими учеными, хотя в разных языках действуют различные закономерности. В русском языке (особенно в диалектной речи) скопление согласных, содержащих *p* или *l*, обычно вызывает появление начального гласного: *аржаной*, *ильняной*, в литературный язык проникло слово *артачиться* (от *рот*, *рта*). Процессы палатализации задненёбных согласных *k*, *g*, *ch* перед гласными переднего ряда также вызваны сближением артикуляции согласных и гласных. Согласный *щ* в ряде русских слов изменился в *иг*: *помощник*, *Польша* (из *Польща*), *пушка* (от *пускать*). Возможно, что и русское аканье, проявляющееся в редукции безударных гласных, объясняется стремлением к уменьшению произносительных сил. Недаром в ряде случаев редуцированный гласный вообще не произносится: *жаворонок*, *скав(о)рода*, *судор(о)ги*, *вер(е)тено*, *пол(ы)мя* и т. п.

Стремление к экономии языковых средств, связанное с ограниченностью человеческой памяти, отчетливо проявляется во всех языках. Число фонем в языках относительно невелико, грамматические категории также используются весьма экономно, совмещая в одной форме различные, хотя и близкие значения (родительный падеж принадлежности, объекта, субъекта, количественный, предикативный и др.). Всякое частное звуковое изменение в языке проявляется весьма последовательно, если ему не мешают какие-либо другие факторы. Психологи установили, что верхний предел восприятия слов в контексте составляет около 10 слогов.

Выравнивание форм по аналогии весьма распространено в самых различных языках. Оно может затрагивать и план выражения, и план содержания. Глагол *вынять* (ср. *внять*, *занять*, *понять*, *поднять* и т. п.) по аналогии с глаголами на *-нуть* получил форму *вынуть*. Слово *свидетель* восходит к глаголу *ведать* (знать), но сближение со словом *видеть* отразилось и на его написании, и на его значении. Сходство в падежных значениях привело в современном русском языке к появлению фактически одного типа склонения

для существительных всех трех родов (*домами, столами, конями, женами, окнами, степями, камнями*) в творительном, дательном, предложном падежах множественного числа. В древнерусском языке были существенные отличия в этих формах (*домъми, столы, кони, женами, окны, степми, каменъми*). На это указывают лишь реликтовые формы: *лошадъми, дверьми, поделом, темна вода во облацех* и т. п.

В результате отталкивания от омонимии возникли русские слова, *христианин* и *крестьянин*. Очевидно, различение их значений было необходимо, хотя исходная форма была одна и та же. Также из одной исходной формы *подъшьва* развились два слова—*подошва* и *почва*. Очевидно, подобным образом от слова *млин* 'мельница' возникло современное русское слово *блин*. Иногда в результате борьбы омонимов одно слово могло исчезнуть. Так, распространение глагола *пахать* привело к утрате основного его значения 'делать', ср. *рукопашный бой*. В плане содержания понесло урон древнее слово *воня* 'запах', приобретшее значение 'дурной запах' (в слове *вонь*).

Стремление к более ясному морфемному составу слов выражается, как известно, в опрощении и переразложении основ. Оба процесса связаны с классифицирующей работой нашего мышления. Примерами опрощения могут явиться такие слова, как *окно*, *ловкий* (от *ловить*), *хитрый* (от *хитати* 'хватать, ловить'), *обонять* (из *обвонять*), *добрый* (где *-р-* был некогда суффиксом), *присяга* (глагол *святать*) и т. п. Переразложению подверглось склонение существительных женского рода типа *жена*, где современная флексия первоначально входила в состав основы, составляя ее тематический элемент. Подобные процессы имели место в словах: *молчаливый* (существовало *молчаль*), *кустарник* (от *кустарь*), *властелин* (было *властель*) и т. п.

Внутренние причины, содействующие улучшению языкового механизма, связаны с устранением избыточных средств выражения, употреблением более выразительных форм языка. Избыточность языковых средств особенно ярко проявляется в настоящем времени русского глагола, где значение лица (*я сижу, я хвалю*) выражено дважды: личным местоимением и личным окончанием 1-го лица единственного числа. В формах прошедшего времени (*я сидел, ты хвалил*) этой избыточности нет. Предполагают, что распространение окончаний родительного падежа множественного числа *-ов* и *-ей* (*столов, коней, полей*) связано с их большей выразительностью. В белорусском языке окончание *-ов* захватило и существительное женского рода. Экспрессивные элементы получают большее применение в языке молодого поколения, причем используются иногда элементы жаргонной лексики.

Кроме указанных причин, носящих системный характер, в любом языке можно зарегистрировать изменения независимого (спонтанного) характера. Они также могут серьезно повлиять на отдельные участки языкового строя. Например, русское выражение *для*

близиру связано по происхождению с французским *plaisir* 'удовольствие', но свое значение видоизменило в связи со словом *близкий*. Прилагательное *близорукий* оторвалось от *дальнозоркий* вследствие того, что оно стало связываться во второй части со словом *рука* (ср. украинское *близозіркий*). Существительное *однокашник* кажется не вполне ясным, так как старое значение слова *каша* 'артель' забылось.

Спонтанные, позиционно не обусловленные звуковые изменения также очень часты в языке. Утрата носовых гласных в славянских языках происходила во всех позициях. В отличие от носовых падежные редуцированных позволяет установить сильные и слабые позиции, но причина этого явления, очевидно, структурного характера. В славянской системе гласных существовали долгие, краткие и сверхкраткие (или редуцированные) гласные. Неустойчивый, несистемный характер редуцированных, противоречащий бинарным оппозициям, господствующим в фонологии, мог вести к их утрате. Спонтанные изменения охватывают иногда отдельные слова, ср. *свобода* и *слобода*, *боярин* и *барин*, хотя в других случаях сочетание *-оя-* сохраняется (*бояться*).

Классики марксизма-ленинизма относят язык к области духовной культуры человечества. Язык и культура — явления разного порядка, хотя между ними существует известная зависимость. Язык является орудием, средством передачи культуры и ее достижений от одного поколения к другому. Культурные достижения передаются посредством разных языков от одного народа другому. Под культурой понимают совокупность достижений общества в области просвещения, науки, искусства и в других областях духовной жизни. Уровень культурного развития того или иного народа оказывает влияние на язык. Не подлежит сомнению, что имеются более развитые и менее развитые языки, так же как имеются народы и культуры более развитые и менее развитые. Трудность заключается в том, что языкознание до сих пор не выработало методов определения степени развитости языка.

Для понимания законов развития, положим, русского языка история культуры имеет огромное значение. Славянские племена из своей прародины (современной Белоруссии и Польши) около V в. н. э. двинулись в более богатые области средиземноморской цивилизации. Они колонизовали весь Балканский полуостров, достигли Пелопоннеса, их отдельные колонии появились в Малой Азии и Северной Африке. Возникновение первых славянских государств, в частности Киевского государства, приводит к усилению связей между Русью и Византией и Болгарией, что находит конкретное выражение в распространении на Руси христианства и в заимствовании кирилловского алфавита и письменности. Развитие письменности имело огромные последствия для древнерусского языка и возникших впоследствии восточнославянских языков. Как известно, языком церковных книг был старославянский, сложившийся на древнеболгарской почве. Как бы ни был решен затя-

нувшийся спор, был ли наш литературный язык обрусевшим старославянским или это был народный древнерусский язык со значительными старославянскими напластованиями, однако ясно, что старославянский язык принес в среду восточного славянства достижения древнегреческой культуры, науки и образованности. Это влияние было благотворным и для русского литературного языка. Его стилистические возможности неизмеримо шире, чем подобные возможности у новых славянских литературных языков, возникших в XIX в. Великая русская классическая литература это блестяще реализовала. На русский литературный язык впоследствии оказывали влияние многие западноевропейские языки (польский, немецкий), но особенно глубоко было влияние французского языка, проявившееся в заимствованиях, лексических кальках, фразеологии и даже синтаксисе. Такое развитие русского литературного языка несколько отдалило его от народных говоров.

В социалистических странах, проводящих в жизнь ленинскую национальную политику, язык становится мощным рычагом национального прогресса и культурного подъема. Огромны достижения в языковом строительстве Советского Союза: десятки прежде бесписьменных языков стали литературными языками со своей письменностью и литературой, старые письменные языки развиваются и совершенствуются. Резко усилилось взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР, причем в этом процессе особую роль играет русский язык — язык межнационального общения народов Страны Советов.

Огромные изменения произошли в функциях и назначении русского литературного языка и его диалектов. «До революции огромное большинство русского населения говорило на территориальных диалектах, которые были не только территориальными, но и социальными, поскольку основная масса их носителей принадлежала классу крестьян. На территориальных диалектах неграмотные и полуграмотные крестьяне общались с населением других местностей, с горожанами и интеллигенцией. Правда, диалектологи часто отмечали воздействие на говоры городской речи, однако архаические основы говоров, в общем, держались стойко. В наше время сфера употребления территориальных диалектов чрезвычайно сузилась. Более или менее выдержанная система архаических говоров сохраняется лишь у небольшой части населения. Прежнего состояния диалектной речи теперь не существует. Большинство современного сельского населения говорит или на литературном языке, или на своеобразных «койне», переходных от прежних диалектных систем к литературному языку. Почти все наши диалектологические исследования, учебники и учебные пособия, словари отражают не современное, а прошлое состояние речи сельского населения...

Вместе с быстрым подъемом массовой культуры разрушена база старого городского просторечия, представлявшего собою своеобразный сплав профессионализмов, словарных, стилистических и иных неологизмов с территориальными говорами. Термин «просто-

речие» стал теперь обозначать ненормативные и стилистически сниженные средства языка, которыми для определенных целей и при определенной ситуации пользуются все, кто говорит на литературном языке.

Если база территориальных и социальных диалектов и старого городского просторечия резко сузилась и функции их сходят на нет, то распространение литературного языка стало всеобщим, что обусловило его широкую демократизацию. Литературный язык стал главным средством языкового общения подавляющей массы населения. Это обстоятельство с большой остротой ставит многообразные проблемы культуры речи, которые стали актуальными как никогда в истории русского народа»¹.

Таким образом, богатство функций языка и сфер его использования, взаимоотношения между литературным языком и диалектами, стилистическое расщепление языка, наличие большого количества абстрактных и интернациональных слов связаны с культурным развитием того или иного народа.

В разработке марксистской теории языкознания в нашей стране, особенно в первый период его развития, наблюдались упрощенческие и вулгаризаторские истолкования некоторых положений классиков марксизма-ленинизма. В частности, подобные ошибки были свойственны лингвистической концепции Н. Я. Марра. В последующем развитии советского языкознания вулгаризаторские взгляды были преодолены.

§59. Советское языкознание 20—40-х годов. **Взгляды Н.Я. Марра.** В первые десятилетия после победы Великой Октябрьской социалистической революции появилось несколько группировок среди советских языковедов. Можно выделить два направления.

С одной стороны, нужно отметить группу крупных языковедов, которые были продолжателями традиций Казанской (Петербургской) и Московской лингвистических школ. В методической области они отстаивали принципы сравнительно-исторического языкознания, но стремились одновременно овладеть марксистской методологией и высказали много интересных и плодотворных лингвистических идей. К таким ученым следует отнести Л. В. Щербу, который имел много последователей и оказал самое глубокое воздействие на будущее развитие советского языкознания, В. А. Богородицкого, Д. Н. Ушакова, А. М. Пешковского, Г. А. Ильинского, А. М. Селищева, М. М. Покровского, С. П. Обнорского, Е. Д. Поливанова, М. В. Сергиевского, М. Н. Петерсона, Г. О. Винокура и многих других.

С другой стороны, возникло «новое учение» о языке, или яфетидология, представленное Н. Я. Марром и его последователями. Это направление резко порвало с научными традициями языкознания, как русского дореволюционного, так и зарубежного, объяви-

¹ Ф и л и н Ф. П. К проблеме социальной обусловленности языка. — Язык и общество. Сб. статей. М., 1968, с. 12—13.

ло их «буржуазными» и на основе вульгарно трактуемых материалистических положений сделало попытку создать оригинальную лингвистическую теорию. Следует отметить, что ученик и продолжатель Марра И. И. Мещанинов, декларативно принимая тезисы Марра, в конкретной деятельности отказался от крайних положений своего учителя и стремился найти пути к примирению с некоторыми взглядами советских и зарубежных языковедов.

Наряду с этими основными двумя направлениями возникали другие — кратковременные и немногочисленные группировки языковедов. Одной из таких воинственных и шумных групп был «Языкофронт» («Языковедный фронт»), занимавший промежуточное положение между традиционным языкознанием и яфетидологией (Г. Д. Данилов, Я. В. Лоя и др.). Положения социологической школы развивала в своих работах Р. О. Шор («Язык и общество», 1926). С 1914 по 1923 г. в Ленинграде и Москве действовал Опяз (Общество изучения теории поэтического языка).

Николай Яковлевич Марр (1864—1934) родился в г. Кутаиси. В 1884 г. он поступает на факультет восточных языков Петербургского университета, где занимается изучением грузинского, армянского, кавказских и семитских языков. В 1901 г. он становится профессором этого университета, а в 1912 г., за исключительно ценные филологические работы и археологические раскопки на Кавказе, его избирают действительным членом Академии наук.

После Великой Октябрьской социалистической революции, когда в нашей стране впервые в истории стала претворяться в жизнь глубоко гуманная и справедливая идея братства и равенства всех народов, Н. Я. Марр возглавил работу по пересмотру теоретических установок в языкознании и практическую многообразную деятельность по изучению и описанию неиндоевропейских народов и народов СССР. Марр видел, что индоевропейское языкознание в странах Западной Европы и Америки зашло в тупик в попытках восстановления праязыка, тесно связало себя с расовой теорией неравенства народов и их языков. Это обстоятельство вызвало бескомпромиссную борьбу Марра с индоевропеистикой, с сравнительно-историческим методом и попытку создания собственной лингвистической теории.

Марр заметил влияние кавказского субстрата на армянский (индоевропейский) язык. Этот субстрат получил у него название яфетического. Важное значение, которое он уделял языковому скрещиванию, постепенно привело к тому, что яфетические элементы он стал искать в языках всего мира за счет отказа от точных лингвистических методов. Марр начинает уничтожающую критику

«буржуазного» сравнительно-исторического языкознания, стремится к построению общелингвистической концепции происхождения и развития всех языков мира («единство глоттогонического процесса»), опираясь на некоторые слишком упрощенно или вульгарно истолкованные положения марксизма. У него созревает идея, что яфетические языки — это особая стадия в развитии всех языков мира. При таком стадийном подходе и убеждении, что история языков определяется их скрещиванием, для Марра допущение праязыка индоевропейцами, действительно, стало одиозным. По Марру, родство языков возникает в процессе схождения, скрещивания и смешения первоначально разнородных языков. Общим законом развития языков делается не переход от единства к множеству, а от множества к единству.

Марр, субъективно желая стать марксистом, в действительности им не стал. Он выдвинул тезис о том, что язык есть идеологическая надстройка. Он полагал, что «язык во всем своем составе есть... отображение не только его (коллектива) мышления, но и его общественного строя и хозяйства»¹. Положение Маркса и Энгельса: «Язык есть практическое, действительное сознание» — было истолковано Марром прямолинейно. Язык как важнейшее средство человеческого общения отступил на задний план. Из отождествления языка с идеологической надстройкой последовали и другие, в корне ошибочные выводы: во-первых, что язык является классовым; во-вторых, что он развивается стадийно, т. е. отражает в своем развитии смену общественно-экономических формаций. Эта смена происходит в языке революционным путем — со скачками и даже взрывами. Марр писал: «Так называемые семьи языков... представляют различные системы, отвечающие различным типам хозяйства и общественной жизни, и в процессе смены одной культуры другой одна система языков преобразовалась в другую»². В-третьих, Марр выдвигает учение о единстве глоттогонического (языкотворческого) процесса. Это учение основывается на предыдущем положении: поскольку в развитии общества наблюдаются в целом одни и те же закономерности, постольку и в развитии языков должны выявляться общие закономерности, связанные с первобытнообщинным, рабовладельческим, феодальным, капиталистическим строем. Все эти положения в теории Марра противоречат фактам конкретных языков. Не случайно, что многие советские языковеды, следовавшие за Марром, в конкретных лингвистических исследованиях не были столь категоричны и учитывали языковую реальность.

По мнению Марра, до возникновения звукового языка существовал язык жестов (ручной язык), а звуковой язык появился уже в классовом обществе, в среде магов, выполняя сначала магические функции. Все языки мира якобы берут свое происхождение от первоначальных четырех элементов (*сал, бер, йон, рош*), которые

¹ Марр Н. Я. Избранные работы, т. П. Л., 1936, с. 70.

² Там же.

можно найти во всех современных языках. При переходе языка с одной стадии на другую появляется якобы совершенно новый язык. «Устрашающим у Марра является не сама идея четырех элементов, а то, как он ими оперировал. Верить, что первичные звуковые комплексы дошли до нас через десятки тысячелетий и могут быть нами распознаны в каждом слове и служить основой всякого этимологического анализа, — это такое забвение фактора времени, такая утрата исторической перспективы, которым трудно подыскать оправдание», — пишет В. И. Абаев¹. Ясно, что Марр игнорировал и фонетические законы, и морфологические различия между языками. Единственным прибежищем оставалась семантика (значение) слов, в которой он и пытался найти доказательство стадияльных трансформаций и наложения различных идеологий.

При всей враждебности к зарубежному языкознанию, которую проявлял Марр, объективности ради следует отметить, что многие элементы своих теорий он заимствовал именно на Западе. Некоторые его положения созвучны взглядам А. Тромбетти (единство языко-творческого процесса), Г. Шухардта (роль языкового смешения), Г. Асколи (роль субстрата), Л. Леви-Брюля (трактовка первобытного мышления) и т. д.

Методы изучения языка, выдвинутые Марром, были произвольны, и практически их нельзя было применить. Создалось кризисное положение в языкознании: компаративизм был объявлен пугалом, а теоретические положения «нового учения» никак нельзя было воплотить в конкретной работе. Подобное состояние языкознания внушало обоснованное беспокойство и вызывало критическое отношение к «новому учению» о языке Н. Я. Марра со стороны В. В. Виноградова, Л. А. Булаховского, А. С. Чикобава, П. С. Кузнецова, Б. А. Серебренникова и других мыслящих советских языковедов.

Новаторский пафос «нового учения» о языке Н. Я. Марра, к сожалению, оказался беспочвенным и научно несостоятельным. В. И. Абаев о причинах этого пишет: «К сожалению, реализация правильных в основе идей оказалась крайне неудовлетворительной. Сказался недостаток философской подготовки, а также отсутствие настоящей лингвистической школы (Марр был больше филолог, чем лингвист). В результате — упрощение, вульгарно-социологическое истолкование сложных явлений и процессов языкового развития. Такие положения, как надстроечность и классовость языка, единство глоттогонического процесса, теория стадияльного развития, носили декларативный характер и не получали серьезного обоснования»².

Подлинно научной оценки роли Н. Я. Марра в советском языкознании еще нет. Несомненно одно — Н. Я. Марр и его ИКК-ЛЮДО-

¹ Абаев В. И. Н. Я. Марр (1864—1934) (К 25-летию со дня смерти). Вопросы языкознания, 1960, № 1, с. 98.

² Абаев В. И. Лингвистический модернизм как дегуманизация пауки о языке. — Вопросы языкознания, 1965, № 3, с. 23.

*Иван Иванович
Мещанинов*

ватели ставили перед собой задачу создания марксистской науки о языке, но выполнить ее не сумели. Несомненная неудача «нового учения» о языке не должна вести к убеждению, что в работах советских языковедов 20—30-х годов были одни ошибки и недоразумения. Ф. П. Филин полагает: «В этих работах было поставлено много проблем, без освещения которых невозможно построение общей теории языкознания. Язык был признан социально обусловленной категорией, порожденной обществом, что и теперь не вызывает сомнений. В связи с этим был поставлен вопрос о реконструкции всей картины развития языка, начиная от времени его происхождения и до наших дней. Поскольку человеческое общество развивалось, проходило (и проходит) разные этапы своей организации, имел место и прогресс языка. Это также несомненно. Языков имелось и имеется очень много, каждый из языков обладает своими характерными особенностями, но у всех языков в их прогрессивном развитии должно быть что-то общее, которое, пусть опосредствованно, должно так или иначе соответствовать изменениям, происходившим на протяжении многих тысячелетий в обществе. Так возникла стадильная теория языка»¹. Это означает, что актуальность проблем, которые пытался решить Н. Я. Марр, сохраняется.

§ 60. **Грамматическая концепция И. И. Мещанинова.** Образовавшийся разрыв между теорией Марра и практикой языкового исследования и несомненный тупик в лингвистической работе осознавались учеником Н. Я. Марра и руководителем советского языкознания в 30—40-е годы академиком **Иваном Ивановичем Мещаниновым** (1883—1967). Начиная с 40-х годов, с книги «Общее языкознание» (1940), повторяя наиболее общие формулировки Н. Я. Марра, И. И. Мещанинов игнорировал методику четырехэлементного анализа и стремился к сравнительно-типологическому описанию грамматических систем, за которыми стоит единство человеческого мышления, определяющее общность системы понятийных категорий, видоизменения которых и объясняют разнообразие внешних форм языков.

Так, вместо единства глоттогонического процесса своего учителя Мещанинов выдвигает проблему типологических сопоставлений языков в историческом и современном состояниях. На основе типологического сопоставления неродственных языков появилось много работ, изучающих происхождение и развитие ряда грамма-

¹ Филин Ф. П. Советское языкознание: теория и практика. — Вопросы языкознания, 1977, № 5, с. 6.

тических категорий (частей речи, склонения имен, видо-временной и залоговой системы глагола), а также эргативное (дофлективное) прошлое индоевропейских языков. Критика сравнительно-исторического языкознания у Мещанинова в известной мере подменялась призывом к изучению многочисленных языков Советского Союза, прежде по преимуществу бесписьменных и неизученных. Изучение роли понятийных категорий в становлении грамматических категорий языка должно было заменить основной тезис Н. Я. Марра об идеологическом характере языка.

Две завершающие большие работы И. И. Мещанинова в области общего языкознания — «Члены предложения и части речи» (1945) и «Глагол» (1949) наиболее полно свидетельствуют об его отходе от учения Н. Я. Марра. Они посвящены сравнительно-типологическому описанию грамматических форм, которые рассматриваются как различные по своей структуре оформления общих «понятийных категорий» и отражающих эти категории «грамматических понятий». Как понятийные категории (допустим, категории субъекта), так и соответствующие им грамматические понятия (в данном случае подлежащее) носят в понимании Мещанинова характер языковых универсалий: «Одно и то же задание, даваемое содержанием высказывания, получает различные пути своего выражения и в морфологии и в синтаксисе». Части речи Мещанинов рассматривает как лексические группировки, характеризующиеся синтаксическими и морфологическими показателями. Семантика слова предопределяет первоначально его синтаксическую роль в предложении. Использование слова в роли определенного члена предложения ведет к закреплению за ним особых формальных признаков. Таким образом, части речи представляются по существу морфологизированные члены предложения.

Важнейшую роль в судьбах советского языкознания сыграла лингвистическая дискуссия на страницах газеты «Правда» в 1950 г., в которой принял участие И. В. Сталин. Она покончила с безраздельным господством «нового учения» о языке Н. Я. Марра, подвергла его сокрушительной критике, отвергла убеждение в надстроечном характере и классовости языка. В этом была несомненная положительная сторона дискуссии.

Лингвистическая дискуссия 1950 г. открылась полемическим выступлением профессора Тбилисского университета А. С. Чикобава, направленным против вульгаризаторских взглядов И. Я. Марра и выдвигаемых им приемов изучения языка. Чикобава совершенно справедливо вскрыл такие элементы вульгаризации марксизма в «новом учении» о языке, как классовый характер языка, стадийная теория, четырехэлементный анализ, непосредственно подошел к отрицанию тезиса о языке как идеологической надстройке. Критический дух был присущ и другим выступлениям в дискуссии. После статьи Сталина «Относительно марксизма в языкознании» дискуссия была внезапно прервана, что не позволило пытаться позитивную программу научных исследований. Следует подчерк-

нуть, что Сталин реабилитировал такие важные положения языкознания, как идея генетического родства языков, понятие языковых семей, сравнительно-исторический метод, отверг абстрактную «стадиальность» в развитии языков и вообще отождествление языка с надстройкой. Вместе с тем канонизация некоторых упущений и упрощений Сталина вредно сказалась на последующих исследованиях. Так, например, Сталин своим подчеркиванием безразличия языка по отношению к классам вступил в конфликт с высказываниями классиков марксизма, ясно указывавших на наличие фактов социальной дифференциации в языке, тем самым перечеркнув значение исследований в области социологии языка.

Непонятно было также утверждение Сталина, что местные диалекты, будучи ответвлениями от общенародного языка, якобы имеют свой особый грамматический строй и основной словарный фонд; нельзя согласиться с его словами о ведущей роли курско-орловского диалекта в формировании русского национального языка.

С середины 50-х годов советское языкознание развивается во всех своих составных частях и направлениях, объединяемое поисками диалектико-материалистического решения основных проблем науки о языке и выполнением задач, актуальных для советского общества.

§ 61. Лингвистическая деятельность Л. В. Щербы и труды других советских лингвистов. Академик Лев Владимирович Щерба (1880—1944) — выдающийся языковед, непосредственный ученик Бодуэна де Куртене, оставившего его при кафедре сравнительной грамматики и санскрита в 1903 г. С 1906 г. находился в заграничной командировке, изучал тосканские диалекты в Италии и занимался в лаборатории экспериментальной фонетики у аббата Русело в Париже. Собранные им материалы и методика изучения звуков послужили базой его магистерской диссертации «Русские гласные в качественном и количественном отношении» (1912). В 1907—1908 гг. Щерба, по совету Бодуэна, изучает мужаковский диалект лужицкого языка в Германии. Затерянный славянский диалект крестьян в немецком языковом окружении важен был для разработки теории смешения языков и языковых контактов. Щерба вообще поставил целью всесторонне изучить живой, совершенно незнакомый ему язык, чтобы не навязывать языку предвзятых категорий, не укладывать строй языка в готовые схемы, почерпнутые из вторых рук или печатных пособий. Материалы и лингвистические выводы по фонетике, теории грамматики и смешению языков стали предметом его докторской диссертации «Восточнолужицкое наречие (с приложе-

нием текстов» (1915). С 1909 г. Щерба начинает преподавательскую работу в Петербургском (позднее Ленинградском) университете, а также развивает оживленную деятельность кабинета экспериментальной фонетики.

В 20-е годы Л. В. Щерба возглавляет Неофилологическое общество, основанное еще А. Н. Веселовским в 1899 г. в целях изучения живых языков и литератур. Участники общества заявляли, что современный язык имеет не меньше прав на научное исследование, чем история языка. Влияние этой идеи привело к появлению научного курса современного русского языка в высшей школе. В 1911—1912 гг. А. А. Шахматов, как уже отмечалось, впервые прочитал курс современного русского языка в Петербургском университете. В 1914 г. в Москве появляется книга А. М. Пешковского «Русский синтаксис в научном освещении», а в 1925—1927 гг. посмертно издается «Синтаксис русского языка» А. А. Шахматова. Вокруг Л. В. Щербы объединяются С. И. Бериштейн, Д. В. Бубрих, В. В. Виноградов, Б. А. Ларин, С. П. Обнорский, Б. В. Томашевский, В. И. Чернышев, Л. П. Якубинский, тесные связи с обществом поддерживают индолог А. П. Баранников, монголист Б. Я. Владимирцов, славист М. Г. Долобко, арабист И. Ю. Крачковский, иранист А. А. Фрейман, полиглот Н. В. Юшманов и многие другие¹.

Л. В. Щербе была свойственна широта научных интересов, он развивал плодотворные идеи по многим проблемам языкознания. Он интересовался: 1) общими проблемами языкознания, 2) фонетикой и орфоэпией, 3) грамматикой, 4) лексикографией, 5) проблемами письменности, орфографии, транслитерации и транскрипции, 6) методикой преподавания иностранных языков, 7) языком поэзии Пушкина, 8) французским языком. Во все перечисленные области Щерба внес ценный и существенный вклад. К языку он подходит как к системе, полагая, что система «есть то, что объективно заложено в данном языковом материале и что проявляется в «индивидуальных речевых системах», возникающих под влиянием этого языкового материала. Следовательно, в языковом материале и надо искать источник единства языка внутри данной общественной группы»². В языке Щерба различал: 1) речевую деятельность, т. е. процессы говорения и понимания; 2) систему языка, куда входят слова, образующие в каждом языке свою очень сложную систему морфологических и семантических рядов, живые способы создания новых слов, а также схемы или правила построения различных языковых единств; 3) языковой материал, т. е. совокупность всего говоримого и понимаемого в определенную эпоху данной общественной группы.

¹ См.: Памяти академика Льва Владимировича Щербы (1880—1944). Сб. статей. Л., 1951.

² Щ е р б а Л. В. О тройком аспекте языковых явлений и об их месте в языкознании. — В кн.: 3 в е г и н ц е в В. А., История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях, ч. 2, с. 364.

Система выводится лингвистами из языкового материала. Это понимание системы резко отличается от взглядов Соссюра. Основная задача лингвиста при изучении системы языка — это обобщение фактов речи и выведение из них системы языка, т. е. создание словаря и грамматики, адекватных действительности. Взаимодействие лексики и грамматики в системе языка должно стать предметом пристального изучения лингвистов. Языковая система все время находится в непрерывном изменении, ибо «действительность воспринимается в разных языках по-разному: отчасти в зависимости от реального использования этой действительности в каждом данном обществе, отчасти в зависимости от традиционных форм выражения каждого данного языка, в рамках которых эта действительность воспринимается»¹. Лингвистическое изучение языковой системы, по мнению Щербы, должно быть чуждо всякого схематизма и формализма. Ему казались ошибочными формальные схемы анализа и классификации языковых фактов, которые выдвигались Ф. Ф. Fortunатовым и его последователями. По поводу fortunатовского определения формы слова он замечал: «Называть «способность к чему-либо» формой кажется мне противоестественным».

На основе этих взглядов Щерба выдвинул новое членение грамматики и учение о лексико-грамматических разрядах слов: 1) правила словообразования; 2) правила формообразования; 3) активный и пассивный синтаксис; 4) фонетика с изучением стилей речи; 5) лексические и грамматические категории языка. Грамматика, по мнению Щербы, есть «репертуар средств, с помощью которых по определенным правилам выражаются отношения между самостоятельными предметами мысли и образуются новые слова». Следовательно, в грамматику включается и словообразование. Щерба не считал лексику только строительным материалом для языка, он признавал, что из слов «по правилам грамматики и самой лексики образуется наша речь»². Щерба создал теорию синтагмы как предельной и основной синтаксической единицы. Синтагма — это «фонетическое единство, выражающее единое смысловое целое в процессе речи — мысли и могущее состоять из слова, словосочетания и даже группы словосочетаний». Свой взгляд на систему частей речи в русском языке Щерба изложил в знаменитой статье 1928 г. «О частях речи в русском языке»³. Щерба много и плодотворно работал в области экспериментальной фонетики, он создал свою теорию фонемы (звуковой тип, не зависящий от видоизменения морфемы), изложенную им в «Фонетике французского языка» (1937). Он всегда подчеркивал тесную связь фонологии с фонетикой. Щерба признавал важность лингвистического эксперимента не только в фонетике,

¹ Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике, т. 1. Л., 1958, с. 7.

² См.: Виноградов В. В. Общелингвистические и грамматические взгляды акад. Л. В. Щербы. — Памяти академика Льва Владимировича Щербы (1880—1944). Л., 1951.

³ Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957, с. 63—84.

но и в грамматике и стилистике. При изучении иностранных языков Щерба рекомендовал на начальной стадии их сопоставление с родным языком, известным учащимся. Основы научной лексикографии он заложил в статье «Опыт общей теории лексикографии» (1940). Большое значение имеет выдвинутый им в предисловии к «Русско-французскому словарю» (1936) принцип создания объяснительного, или переводного, двуязычного словаря.

Проблемы нормативной и описательной грамматики были в центре внимания **Александра Матвеевича Пешковского** (1873—1933). Опираясь на грамматические системы Потевни и Фортунатова, он создает свою популярную книгу «Русский синтаксис в научном освещении» (1914; изд. 3-е, вышедшее в 1928 г., и все последующие существенно переработаны под влиянием «Синтаксиса» Шахматова). В этом труде он ставил перед собой задачу «обнять возможно большее число синтаксических явлений современного литературного языка» и успешно ее выполнил. Грамматические работы Пешковского отличаются богатством привлеченного материала, оригинальностью рассуждений и тонкостью лингвистического анализа. Он выступил с особым пониманием системы языка, согласно которому «язык не составляется из элементов, а дробится на элементы. Первичными для сознания фактами являются не самые простые, а самые сложные, не звуки, а фразы... Поэтому нельзя, собственно, определять слово как совокупность морфем, словосочетание как совокупность слов, а фразу как совокупность словосочетаний. Все определения должны быть построены в обратном порядке». Пешковский подчеркивает консервативность и нормативность языка, отсутствие в нем скачков: «Консерватизм литературного наречия, объединяя века и поколения, создает возможность единой мощной многовековой национальной литературы». В образной форме он так говорил о единстве национального языка и роли учителя: «Притягивая ребенка, посредством нормирования его языка, к национальному центру — Москве, школьный учитель охраняет внутреннее, духовное единство нации, как солдат на фронте охраняет территориальное единство ее. И насколько эта охрана еще важнее военной, ясно из того, что территориальное распадение не исключает возможности последующего слияния, а духовное распадение — навеки»¹.

Много внимания уделял Пешковский изучению грамматической роли интонации. Пристальный интерес вызывали у него вопросы стилистики, поэтики и орфографии. Ему принадлежит большое количество теоретических и практических работ по методике преподавания русского языка, а также известные школьные учебники.

Дмитрий Николаевич Ушаков (1873—1942)—прекрасный педагог, знаток русского слова, ученый, умевший излагать самые

¹ Пешковский А. М. Объективная и нормативная точна эщ-мн пї язык. — В кн.: Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX вв. в очерках и извлечениях, ч. 2, с. 294.

сложные положения простым и лаконичным языком. Его «Краткое введение в науку о языке» (т. е. введение в языкознание) является образцовым в указанном отношении. Ушакову принадлежат работа «Русская орфография» и учебники по русскому языку. Наибольшая заслуга его перед отечественной наукой — составление и редактирование четырехтомного «Толкового словаря русского языка» (1934—1940), в котором содержится свыше 85 тысяч слов. Этот словарь явился реализацией пожелания В. И. Ленина составить словарь русского литературного языка от Пушкина до Горького.

Григорий Осипович Винокур (1896—1947) — разносторонний ученый, прекрасно знавший западноевропейские лингвистические поиски. Он стремился создать лингвистическую стилистику, являющуюся базой культуры речи. Этому способствовало то, что Винокур был филологом в подлинном значении этого слова. Он объединял в своем творчестве задачи лингвистики и литературоведения. Об этом свидетельствует его интерес к изучению языка Пушкина и Маяковского. Он явился инициатором и вдохновителем «Словаря языка Пушкина». Его книга «Маяковский — новатор языка» (1943) до сих пор остается наиболее полным исследованием о языке этого поэта. Проблему разграничения стилей языка и стилей художественной литературы Винокур осуществил в книге «Русский язык. Исторический очерк» (1945). Г. О. Винокур по праву считается основателем науки о русском словообразовании. Эти проблемы ставятся и решаются в его работах «Глагол или имя» (1928), «О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии» (1939) и «Заметки по русскому словообразованию» (1946)¹. Его статья «О задачах истории языка» до сих пор представляет большой интерес.

Замечательным лингвистом был **Евгений Дмитриевич Поливанов** (1890—1937). Будучи не только лингвистом-теоретиком, но и ода-

¹ См.: Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.

ренным японистом, китаеведом и тюркологом, он в 20—30-е годы стремился, используя наследие отечественных и зарубежных ученых, выработать теоретические принципы советского языкознания и применить их к решению задач, выдвигаемых жизнью. Поливанов учился в предреволюционные годы у Бодуэна де Куртенэ и Щербы, после революции моменты социологического направления в его взглядах постепенно увеличивались. «Целевая установка, т. е. то, для чего и ради чего язык существует, — это именно лишь коммуникация, необходимая для связанного кооперативными потребностями коллектива», — утверждал Поливанов. Ему чуждо было нигилистическое и резко отрицательное отношение к научному наследию, свойственное Н. Я. Марру. «В лингвистике (по крайней мере в том запасе лингвистических достижений, который был представлен работами лучших наших лингвистов начала XX в.) нет утверждений, противоречащих марксизму — точно так же, как, например, и в области математики, математической физики, ботаники и т. д.: те результаты, которые добыты лингвистикой как наукой естественноисторической, остаются в полной мере приемлемыми и для представителя марксистского мировоззрения»¹. Языкознание должно стать социологической наукой. «Вот почему, — пишет Поливанов, — революционный сдвиг в сторону марксистской методологии должен осуществляться здесь не в виде похоронного шествия за гробом естественноисторического языкознания и добытой им конкретной историей языков, а в построении новых отделов — языкознания социологического, которое сольет в стройное прагматическое целое конкретные факты языковой эволюции с эволюцией (т. е. историей) общественных форм и конкретных общественных организмов».

Целью языкознания является не просто описание языков и их истории, а вскрытие языковых изменений, постоянное внимание к динамической стороне языка. «Так как ни один момент языковой истории не выпадает из общей линии безостановочной диалектической эволюции языковых фактов, мы должны встретить в любую эпоху языковой истории, а следовательно, и в современном нам языке ряды неразрешенных диалектических противоречий и уж в силу этого вынуждены рассматривать относящиеся сюда явления не в чисто статическом (описательном) аспекте, но именно как явления текущие и переходные — между некой исходной точкой (в прошлом) и синтетическим разрешением противоречивой характеристики данного явления (в будущем)». Поливанов считал, что изменения в языке протекают без нарушения возможностей взаимопонимания членов коллектива, принадлежащих к разным поколениям. Резкое изменение языка мыслилось им «лишь как сумма из многих небольших сдвигов, накопившихся за несколько веков или даже тысячелетий, на протяжении которых каждый отдельный этап или каждый отдельный случай преемственной иере-

¹ Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М., ГЛІН, с. 51.

Дачи языка (от поколения к поколению) приносил только неощутительное или мало ощутительное изменение языковой системы».

При общественных переворотах язык оказывается более консервативным, чем другие области культуры. Общественные сдвиги, по мнению, Поливанова, отражаются более или менее непосредственно только в лексике и фразеологии, которые являются наиболее чувствительной областью языка. Поливанов выступал против попыток объяснить фонетические и грамматические явления непосредственным воздействием социально-экономических факторов. Однако влияние этих факторов на историю языка он видел в другом — в возможности или невозможности определенного явления, в дифференциации и интеграции общества.

Больше всего Поливанов занимался фонологией. Характеризуя историю фонологии, Н. С. Трубецкой поставил имя Поливанова рядом с именами Бодуэна и Щербы¹. В 1925 г. Поливанов выдвинул понятие «потенциального словоразличения» в словах типа *прут* — *пруд*, которое позднее вылилось в теорию нейтрализации фонологических противопоставлений. Поливанов много занимался изучением истории фонологических систем различных языков. Свои методы он применил при описании звуковых систем японского, китайского, дунганского, корейского, узбекского, каракалпакского, таджикского, абхазского, грузинского языков. Поливанов принимал деятельное участие в создании литературных языков и письменностей многих народов Советского Союза. Ему принадлежит первая сопоставительная грамматика: «Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком» (1933). Основные положения своей теории Поливанов изложил в «Лекциях по введению в языкознание и общей фонетике» (1923), «Введении в языкознание для востоковедных вузов» (1928), сборнике статей «За марксистское языкознание» (1931).

§ 62. Языковое строительство в СССР и возникновение социолингвистики. Октябрьская революция вызвала не только поворот языковедческих исследований и начало разработки принципов диалектического материализма применительно к языку. Языкознание превратилось из кабинетной науки в науку, преобразующую культуру народов нашей страны. Языковеды создают алфавиты и разрабатывают принципы создания литературных языков для тех народов, которые до 1917 г. вообще не имели письменности на родных языках. Если в Америке интерес к местным индейским языкам не выходил за пределы чистой теории, то в Советском Союзе все народы на базе своего языка и своей письменности стали развивать самобытную национальную культуру. Это явилось результатом осуществления ленинской национальной политики Советской власти. Естественно, что многообразная работа и приобретенный в ходе ее советскими языковедами опыт имеют поистине интернациональное значение, если учитывать потребности развития и языковые трудности в развивающихся странах.

¹ См. Трубецкой Н. С. Основы фонологии, с. 11.

После Октябрьской социалистической революции особое внимание было обращено на те народы и народности, которые не знали письменности и не имели литературных языков. За полстолетия литературные языки получили 50 народов бывших остальных национальных окраин (север Европейской части СССР, Кавказ, Средняя Азия, Сибирь и Дальний Восток). Из индоевропейских языков стали литературными: молдавский (романская группа), осетинский, курдский, талышский (иранская группа). Из тюркских языков получили письменность 15: карачаево-балкарский, гагаузский, кумыкский, ногайский, башкирский, алтайский, хакасский, тувинский, якутский, казахский, киргизский, туркменский, каракалпакский, уйгурский, чувашский. На Кавказе возникли следующие литературные языки: абазинский, абхазский, адыгейский, кабардино-черкесский, ингушский, чеченский, даргинский, лакский, лезгинский, табасаранский. Появилось 8 литературных угро-финских языков: мордовско-эрзянский и мордовско-мокшанский, марийский, удмуртский, коми-зырянский, коми-пермяцкий, карельский, мансийский и хантыйский. Среди монгольской группы — бурят-монгольский и калмыцкий. Для народов Севера были созданы литературные языки: нивхский, эвенкийский, нанайский, ненецкий, эскимосский, алеутский, корякский, чукотский. Была создана письменность для дунган, говорящих на одном из диалектов китайского языка. Следует учесть, что выработка письменности и литературного языка была произведена русскими языковедами совместно с представителями этих народов. Многие народы, пользовавшиеся арабским и монгольским письмом, перешли на новую систему письма, основанную на европейской графике, в первое время — латинской, а затем — русской. К таким народам относятся азербайджанцы, узбеки, татары, таджики и др. Вся работа по созданию и замене письменности сопровождалась тщательным изучением фонетической системы этих языков, что привело к бурному развитию теоретической фонологии (Ленинградская и Московская школы).

Необходимость создания литературных языков для многих народов настоятельно диктовала изучение языковых норм этих языков. Это привело к широкому размаху диалектологических изучений и описаний, формулировке общих теоретических положений о сущности литературного языка, появлению многочисленных грамматических работ как на русском, так и на национальных языках. Выдвижение русского языка в качестве средства межнационального общения для народов Советского Союза привело к появлению сопоставительных грамматик национальных и русского языков. Эти работы важны не только для типологического изучения языков, но и для решения общих проблем языкознания. В процессе их создания достижения русского языкознания стали достоянием всех отрядов советского языкознания.

Наряду с созданием разнообразного типа грамматических работ в советскую эпоху развернулась гигантская работа по созданию различных словарей. Ведущая роль и здесь принадлежали русской

лексикографической теории и практике. Вначале создавались двуязычные русско-национальные и национально-русские словари. В последнее время многие языки народов СССР обладают достаточно полными словарями своих языков. Работа по составлению словарей для национальных языков означала во многих случаях первую нормализацию словарного состава этих языков, разрешение многочисленных терминологических проблем и оценку предшествующей традиции.

Общественно-политическое значение русского языка и высокая научная разработанность его грамматического строя, лексического состава и исторических путей его развития обусловили крупнейшую роль науки о русском языке в научном изучении языков народов Советского Союза.

В создании письменности и формировании новых литературных языков большую роль сыграла деятельность таких советских языковедов, как Е. Д. Поливанов (см. § 70), Д. В. Бубрих, Н. Ф. Яковлев, В. И. Лыткин, Н. К. Дмитриев и многие другие лингвисты.

Д. В. Бубрих исследовал финно-угорские языки (карельский, коми, мордовский, удмуртский). Многие его теоретические работы связаны с задачами языкового строительства и изучением исторического прошлого указанных народов. Среди трудов Бубриха отметим: «Звуки и формы эрзянской речи» (1930), «Карелы и карельский язык» (1932), «Грамматика литературного коми языка» (1949).

Н. Ф. Яковлев был специалистом по кавказским языкам. Он принимал деятельное участие в создании и унификации алфавитов для горских языков Северного Кавказа, что нашло отражение в его знаменитой статье «Математическая формула построения алфавита» (1928). Яковлеву принадлежит «Краткая грамматика кардино-черкесского языка» (1938).

Советские языковеды 20—30-х годов на большом и разнообразном языковом материале вплотную приступают к изучению проблемы неодинаковой социальной обусловленности разных уровней языка, к исследованию социальных диалектов и своеобразия использования языковых средств разными классами и классовыми прослойками на разных этапах истории, к изучению роли языка в обществе.

Большой круг проблем, который связан с историей языка как общественного явления, с воздействием общества на язык и выяснением роли языка в обществе, составил содержание новой отрасли языкознания, получившей название социолингвистики. В первых работах основное внимание уделялось изучению отражения классовой борьбы в общественном функционировании языка. При этом слишком прямолинейно отождествлялись языковые изменения и вызвавшие их социальные факторы. Налетом вульгарного социологизма отмечены работы Р. О. Шор «Язык и общество» (1926), М. Н. Петерсона «Язык как социальное явление» (1927), «Очерки по языку» (1932) А. М. Иванова и Л. П. Якубинского. Серьезными исследованиями явились статья Б. А. Ларина «О лингвистическом изу-

чении города» (1928) и книга В. М. Жирмунского «Национальный язык и социальные диалекты» (1936). Проблемы социальной обусловленности языка и соотношения культуры и языка получили широкое отражение в трудах В. Ф. Шишмарева, Н. М. Карийского, Г. О. Винокура, Л. А. Булаховского, В. В. Виноградова и других советских языковедов.

После некоторого спада в 50-е годы советская социалингвистика вновь успешно развивается¹. В этой области широко известны труды И. К. Белодеда, Р. А. Будагова, В. А. Аврорина, М. М. Гухман, Ю. Д. Дешериева.

*Виктор Владимирович
Виноградов*

§ 63. Общеязыковедческие проблемы в трудах советских лингвистов. Наиболее значительной в последние десятилетия была научная деятельность В. В. Виноградова. **Виктор Владимирович Виноградов** (1895—1969) учился у Шахматова и Щербы. Основное направление его интересов было связано с историей русского литературного языка — той областью науки, которую он в советское время фактически создал. Об этом свидетельствуют его труды: «История русского литературного языка XVII—XIX в.» (1938), «Язык Пушкина» (1935), «Стиль Пушкина» (1941), «О языке художественной литературы» (1959), «Проблема авторства и теория стилей» (1961), «Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика» (1963).

В. В. Виноградов был ученым с широкими исследовательскими интересами, огромной эрудицией, филологом в подлинном значении этого слова, в котором сочетались лингвист и литературовед. Он знал и любил русский язык и его историю так, как мало кто знает и любит. Многие его работы, в частности книга «Великий русский язык» (1945), обращены к самому широкому читателю. Виноградов показал неразрывную связь развития литературного языка с языком лучших представителей художественной литературы, он глубоко решал проблемы поэтической речи, общеязыковой стилистики и стилей русской художественной прозы.

Бесподобное знание русского языка и языка многих писателей по необходимости привело В. В. Виноградова к лексикографической работе. Он был одним из составителей «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, помогал в работе над «Словарем языка Пушкина», 17-томным академическим словарем. Его заметки по истории русских слов и фразеологизмов свидетельствуют о прекрасном знании культурно-исторических, литературных, социально-бытовых явлений.

¹ Состояние социалингвистики в зарубежных странах отражено и сб. i Новое в лингвистике, вып. VII. Социалингвистика. М., 1975.

В мировое языкознание вошли грамматические труды Виноградова. Он сказал свое слово и в морфологии, и в словообразовании, и в синтаксисе. Наиболее важна его книга «Русский язык. Грамматическое учение о слове» (1947). В ней изложены новые трактовки и оригинальные идеи по всем проблемам грамматики. Она оказала глубокое влияние на изучение грамматического строя многих языков (объект грамматики, ее системный характер, слово как грамматическая единица, классификация частей речи, строение слова, взаимоотношение морфологии с синтаксисом, словообразованием, лексикой).

В. В. Виноградов ценил научное наследие русских языковедов, виднейшим представителям русской грамматической науки он посвятил множество статей и исследований. Оберегая лингвистическое наследие, он много сил отдавал подготовке молодых исследовательских кадров, будучи строгим и взыскательным учителем. В 1950—1963 гг. Виноградов являлся академиком-секретарем Отделения языка и литературы АН СССР и руководил научной работой по языкознанию и литературоведению.

Общезыковедческими вопросами успешно занимался крупный советский языковед Александр **Иванович Смирницкий** (1903–1954). В своих трудах он рассматривал соотношение языка и мышления, объективность существования языка, лексические и грамматические элементы в единицах языка. Смирницкий в своей работе «Объективность существования языка» (1954) выступает с оригинальным учением о соотношении языка и речи. Определяя речь как соединение определенного звучания с конкретным языковым содержанием, Смирницкий рассматривает язык как совокупность взаимосвязанных единиц и отношений между ними. Язык, по его мнению, — совокупность всех компонентов многообразных проявлений речи. Если речь есть способ общения, то язык является средством общения.

Язык существует в речи, он взаимодействует с речью и развивается в речи. Язык, по мнению Смирницкого, — заключенный в речи предмет языкознания. Такое понимание соотношения и взаимодействия языка и речи гораздо более соответствует языковым фактам, чем толкование Ф. де Соссюра.

Много внимания уделял А. И. Смирницкий изучению слова — основной единицы языка. Слово, по его мнению, является одновременно единицей как лексики, так и грамматики. Эта универсальность слова проявляется во взаимодействии в нем лексических и грамматических моментов. Соединение в слове лексического и грамматического значений приводит к цельнооформленности слова, обеспечивает его устойчивость в языковом употреблении. Установив цельнооформленность слова, Смирницкий подверг анализу про-

блему отдельности слова и его тождества. Он выделяет словоформу, типоформу и грамматическую форму. Под словоформой имеется в виду связь какой-либо грамматической формы с реальным словом (*деревня* — именительный падеж единственного числа), под типоформой разумеется связь определенной грамматической формы с грамматическим типом слов в отвлечении от конкретного значения слова (*город, поселок, дом* — именительный падеж единственного числа мужского рода), наконец, грамматическая форма объединяет в своем составе различные типы слов с отвлечением от признаков не только конкретных слов (словоформ), но и определенных их типов (типоформ).

По мнению Смирницкого, грамматическое в слове — это выражение отношений и их обозначение в языке. При анализе грамматического явления следует учитывать как внутреннюю сторону — значение отношения, так и сторону внешнюю — выражение этого отношения в изменении и сочетаемости слов.

Множество ценных и плодотворных идей содержат труды Смирницкого, выросшие на основе научного изучения английского языка: «Лексикология английского языка» (1956), «Морфология английского языка» (1959) и «Синтаксис английского языка» (1957).

В области фонологии русского языка крупный вклад был сделан Р. И. Аванесовым, П. С. Кузнецовым и А. А. Реформатским, которые явились основателями Московской фонологической школы¹. Вопросы истории языка в связи с историей народа явились предметом изучения в трудах В. И. Абаева, В. М. Жирмунского (1891 — 1971), Ф. П. Филина (его последняя работа обобщающего характера «Происхождение русского, украинского и белорусского языков», 1972). Теоретические аспекты лексической и грамматической абстракции исследует Б. А. Серебренников. Под его руководством создан трехтомный труд, отражающий теоретические позиции советских языковедов, — «Общее языкознание» (1970—1973). Вопросам функционирования языка как системы в синхронном и диахронном планах посвящены работы Л. А. Булаховского, В. Н. Ярцевой.

Важным этапом в коллективной работе советских языковедов явилось издание пятитомного труда «Языки народов СССР» (1966—1968), в котором содержится описание 127 языков Советского Союза.

Плодотворны были теоретические дискуссии советских языковедов. Интересна и важна по своим научным результатам дискуссия по проблемам фонологии (1952—1953). Она привлекла большое количество участников и отражена в «Известиях АН СССР. Отделение литературы и языка». В 1955 г. Институт языкознания ЛШ СССР провел дискуссию о сущности и роли субстрата при языковых контактах. Итоги дискуссии помещены в «Докладах и сообщениях Института языкознания АН СССР» (т. IX, 1956).

¹ См.: Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.

Дискуссия о соотношении синхронии и диахронии нашла отражение в специальном сборнике трудов «О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков» (М., 1960).

В 1953—1955 гг. на страницах журнала «Вопросы языкознания» проведена была дискуссия по проблемам стилистики. Итоги обсуждения вопросов стилистики послужили предметом специальной редакционной статьи (1955, № 1).

На протяжении 1956—1959 гг. журнал «Вопросы языкознания» поместил множество статей и заметок советских и зарубежных лингвистов, принявших участие в дискуссии о роли и месте структурализма и структуральных методов исследования языка в советском языкознании. Эта дискуссия имела принципиальное значение, ибо структурализм как лингвистическое направление возник под сильным влиянием философии неопозитивизма, и оценка его гносеологических корней с позиций марксизма-ленинизма была необходимым и закономерным явлением.

В ходе дискуссии было показано, что понятие структуры в применении к обществу было осуществлено основоположниками научного коммунизма в XIX в. Применение к языку этого понятия связывают с именем Ф. де Соссюра, который определил язык как систему знаков, связанных отношениями, которые и играют решающую роль. Абсолютизация языковых отношений не может характеризовать весь язык, ибо «свойства данной вещи не возникают из ее отношения к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении»¹.

Структурализм игнорирует общественную сущность языка, принципиально отвергает изучение разнообразных и сложных связей, существующих между языком и обществом, языком и сознанием, языком и человеком, языком и историей. Стремление структуралистов изучать язык статически, в отрыве от индивидуальной и социальной практики человека, привело многих советских лингвистов к убеждению, что «сущность структурализма — не в системном рассмотрении языка, а в дегуманизации языка путем его предельной формализации»². Подобной точки зрения придерживаются и принявшие участие в дискуссии зарубежные языковеды-марксисты А. Граур (Румыния), М. Коэн (Франция), З. Штибер (Польша).

Совершенно несостоятельной была признана попытка небольшой группы лингвистов противопоставить новое, структуралистское языкознание старому, традиционному. В ходе дискуссии подчеркивалось, что русская грамматическая школа всегда стремилась не только регистрировать языковые факты, но и объяснять их, что задолго до выступления Ф. де Соссюра русские языковеды изучали взаимоотношения между элементами языковой системы. Именно этой характерной чертой отличаются труды русских языковедов

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 67.

² Абаев В. И. Лингвистический модернизм как дегуманизация науки о языке. — «Вопросы языкознания», 1965, № 3, с. 28.

(Ф. И. Буслаева, А. Х. Востокова, А. А. Потební, И. А. Бодуэна де Куртенэ, Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Шахматова, Л. В. Щербы, В. В. Виноградова), которые внесли важный и весомый вклад в мировое языкознание. Дискуссия о структурализме поэтому подчеркнула роль национальных лингвистических традиций, указала на преемственность в развитии нашей науки и необходимость освоения всего лучшего, что достигнуто мировым языкознанием (в частности, некоторых методов структурного изучения языка).

Большой отклик вызвала Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания (ноябрь 1974 г.), затронувшая основные вопросы советского языкознания¹.

§ 64. Советское языкознание на современном этапе. За шестьдесят лет советское языкознание прошло большой и сложный путь. За годы Советской власти языковедами выполнена огромная исследовательская и практическая работа, развита теория марксистского языкознания, подготовлены многочисленные высококвалифицированные кадры языковедов — не только в специальных академических учреждениях и университетах, но и во многих педагогических институтах всех республик нашей страны. Советским языковедам принадлежала значительная роль в проведении культурной революции. Без серьезного развития теории языкознания осуществление обширного языкового строительства, проведенного в нашей стране, было бы невозможно.

Теоретические проблемы советского языкознания нашли отражение в коллективной монографии «Общее языкознание», которая вышла в трех томах под редакцией Б. А. Серебренникова. Первый том, носящий подзаголовок «Форма существования, функции, история языка», вышел в 1970 г., второй — «Внутренняя структура языка» — в 1972 г., а третий («Методы лингвистических исследований») в 1973 г. В этой работе раскрыта общественная сущность языка, анализируется с учетом данных работ последнего времени проблема связи языка и мышления, анализируются уровни языковой системы (фонология, морфология, синтаксис, лексикология, словообразование, фразеология), рассматриваются общепризнанные методы лингвистического исследования.

Исключительно важна актуальная для советского языкознания проблема взаимодействия и взаимообогащения языков в различные исторические периоды, особенно в эпоху социализма и коммунизма. Проблема взаимосвязи языка и общества разрабатывается на материале прежде всего различных языков народов СССР. Сюда относится социологическое и лингвистическое освещение своеобразия развития языка в условиях многонационального государства в связи с задачами сближения наций и национальных культур п эпоху развернутого строительства коммунизма. Научное и практическое

¹ См.! Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания. Тезисы докладов и сообщений пленарных заседаний. М., 1974.

значение имеет изучение проблемы возникновения и развития различных типов двуязычия в СССР, в частности изучение закономерностей двуязычия, где вторым родным языком служит русский, выполняющий функции языка межнационального общения и важнейшего средства поднятия общеобразовательного и культурного уровня малых народностей, приобщения их к социалистической культуре советских наций, к мировой культуре.

Русский язык, ставший орудием межнационального общения в СССР и одним из общепризнанных мировых языков, подвергся широкому научному изучению. Создана двухтомная академическая грамматика русского языка (1952—1954), дающая чрезвычайно полный охват фактического материала и подводящая итоги грамматического изучения русского языка. В 1970 г. появилась новая «Грамматика современного русского литературного языка». Издан словарь языка А. С. Пушкина — основоположника нового русского литературного языка.

Наряду с «Толковым словарем русского языка» (1935—1940, под редакцией Д. Н. Ушакова) русистика обогатилась 17-томным академическим «Словарем современного русского литературного языка», содержащим свыше 120 тысяч слов и вышедшим в 1950—1965 гг. Ведется большая работа по детальному описанию русских народных говоров — первый том «Диалектологического атласа русского языка» уже издан (1958). В 1963 г. издан «Диалектологический атлас белорусского языка»; подготавливаются соответствующие работы по украинскому и другим языкам народов СССР. В последние годы на основе больших картотечных материалов стали выходить «Словарь русского языка XI—XVII веков» и «Этимологический словарь славянских языков». Советские русисты много внимания уделяют в последние десятилетия разработке основ преподавания русского языка как иностранного. Этот новый взгляд на русский язык вызван растущим во всем мире интересом к изучению русского языка.

Таким образом, советские языковеды являются ведущими специалистами в области изучения восточнославянских и других славянских языков, в области тюркологии, финно-угроведения, монголистики, в области изучения языков Кавказа и языков народов Советского Севера, в области изучения германских и некоторых романских языков. Ведется плодотворная работа по изучению семитских языков, китайского и японского, многих языков народов Азии и Африки.

Советские языковеды живо интересуются изучением и развитием языка в эпоху научно-технической революции, которая поставила перед языкознанием и другими общественными науками много новых задач. Одна из таких задач — вопросы специальной терминологии, стихийный рост которой приводит к засорению терминологий ненужными иностранными словами и вообще терминологической неупорядоченности. Сотрудничество лингвистов с представителями научно-технических дисциплин в этой области не должно

Недооцениваться. Но это только одна сторона дела. Особенностью современного языкознания является изучение языковых проблем в связи с другими науками. Одной из них является семиотика — наука о знаковых системах в природе и обществе. Это направление тесно связано с использованием в науке и технике различных кибернетических систем, применением электронно-вычислительной техники в процессе передачи и переработки информации в различных сферах деятельности современного общества.

Очевидно, следует ожидать в ближайшем будущем более активного участия лингвистов в решении проблем прикладного языкознания.

Стремление к углубленному изучению проблем языкознания и психологии привело к становлению психолингвистики, предметом которой являются отношения между системой языка и языковой способностью человека.

Всестороннее изучение языка, происходящее часто на стыке с другими науками (социологией, историей, психологией, математикой и т. п.), наглядно свидетельствует о стремлении советских языковедов подвергнуть изучению с позиций диалектического материализма столь сложное и многоплановое явление, каким является язык.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Абаев В. И. Марр Н. Я. (К 25-летию со дня смерти). — Вопросы языкознания, 1960, № 1.

Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка (К вопросу о предмете социолингвистики). Л., 1975.

Белодед И. К. Развитие языков социалистических наций в СССР. Киев, 1969.

Виноградов В. В. История русских лингвистических учений. М., 1978.

Дешериев Ю. Д., Протченко И. Ф. Развитие языков народов СССР в советскую эпоху. М., 1968.

Жирмунский В. М. Марксизм и социальная лингвистика. — Вопросы социальной лингвистики. М., 1969.

Иванов Вяч. В. Лингвистические взгляды Е. Д. Поливанова. — Вопросы языкознания, 1957, № 3.

Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970.

Памяти академика Льва Владимировича Щербы (1880—1944). Сб. статей, Л., 1951.

Панфилов В. З. Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971.

Советское языкознание за 50 лет. М., 1967.

Теоретические проблемы советского языкознания. М., 1968.

Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История языкознания свидетельствует о том, что лингвистика теснейшим образом связана с удовлетворением общественных потребностей, нужд образования и просвещения, подъемом культурного и общеобразовательного уровня широчайших народных масс. Языкознание, как свидетельствует его история, Живо откликалось на практические запросы общества и опиралось на наиболее влиятельные для своего времени философские течения.

В задачу каждой науки входит определенный участок научных знаний о природе и обществе. Языкознание также пытается дать ответы на такие вопросы. Оно изучает, используя различные методы, человеческий язык. В природной и общественной действительности не существует каких-либо научных методов, нет их и в жизни языков. Имеются лишь объективные закономерности развития и функционирования языков, подлежащие вскрытию и научному обобщению. Методы изучения того или иного объекта науки возникают в сознательной деятельности ученых. Именно поэтому метод изучения есть одна из важнейших категорий субъективной диалектики. Однако марксистско-ленинская философия, определяя подобным образом метод, рассматривает его одновременно и как отражение объективной диалектики.

Большую роль в становлении метода изучения языка играют доминирующие в ту или иную эпоху философские взгляды, степень владения языковым материалом, авторитет виднейших языковедов.

До XIX в. языковедческая проблематика не отделялась от философских и исторических рассуждений о языке, которые не опирались на строго проверенные и систематизированные языковые факты и носили априорный и зачастую поверхностный характер. Только установление родства индоевропейских языков, наблюдения за историческим развитием отдельных языков на протяжении длительного периода (с опорой на письменные памятники) привели в первой четверти XIX в. к возникновению сравнительно-исторического метода в языкознании. Убеждение в

историческом развитии любого явления, дух историзма, знакомство европейских языковедов с санскритом, романтическое стремление проникнуть в глубь истории своего народа и языка привело лингвистов разных стран к выводу, что сходство языков может быть объяснено только их родством, происхождением языковых семей из общего древнего праязыка.

Для сравнительно-исторического языкознания сравнение было средством организации и классификации языкового материала, а исторический подход к языку стал главным принципом исследования. Языковеды как бы получили ответ на вопрос о том, как относиться к многообразному накопленному столетиями языковому материалу. Правила языка и исключения из них стали получать отчетливое историческое объяснение. Особенности одного языка и своеобразие его явлений стали объясняться путем привлечения фактов всех родственных ему языков, путем сопоставления этих языков, выявления их общих закономерностей.

За последующие 150 лет сравнительно-исторический метод обогатился множеством новых и точных приемов, к исследованию привлекаются вновь открытые и открываемые языковые материалы. Территориальная ограниченность распространения языковых явлений вызвала возникновение лингвистической географии. Разработка фонетических законов, наблюдения над закономерностями психо-языковых ассоциаций, сохранение в родственных языках тождественных по происхождению и отчасти по значению морфем и слов легли в основу современной этимологии. Компаративисты разработали приемы относительной хронологии языковых явлений.

Наряду с внешней языковой реконструкцией большое место в настоящее время отводится реконструкции внутренней. Современная фонология позволила разграничить позиционные и непозиционные (грамматические) чередования, отделить явления фонетической эволюции от фонетической субституции, изучить фонологические последствия чисто фонетических процессов, использовать заимствования для установления хронологии фонетических процессов. В последние десятилетия начала разрабатываться методика глоттохронологии.

Сравнительно-историческое языкознание подготовило почву для возникновения общего языкознания. Но не следует забывать, что языковеды вначале стали изучать давнюю историю родственных языков, а лишь затем обратились к проблемам сущности языка, его общественных функций, строения языка и его отдельных единиц. Подобное положение дел, связанное к тому же и с тем, что психологическим и индивидуалистическим концепциям сущности языка в XIX в. подчас придавалось чрезмерно большое значение, неизбежно должно было породить реакцию на монопольное положение сравнительно-исторического языкознания. К тому же расцвет сравнительно-исторического языкознания ослабил связи языкознания с широкими общественными интересами, с проблематикой ли-

тературных языков и их современных норм, с языком литературы и публицистики.

С наибольшей остротой эту неудовлетворенность выразили крупнейшие русские языковеды второй половины XIX в., прежде всего ученые, разделявшие взгляды И. А. Бодуэна де Куртенэ и Ф. Ф. Фортунатова (Казанская и Московская лингвистические школы). Этими же стремлениями руководствовался в своих лекциях по общему языкознанию и Ф. де Соссюр. В результате возникают другие методы изучения языка, основанные не на языковом родстве, а на других характерных свойствах языка и языков.

Наличие в языках мира явлений изоморфизма, сходных типов образования языковых единиц и их значений (так называемых универсалий) привело к появлению типологического метода исследования языков.

Выделение в языке его составных элементов и установление взаимоотношений между выделенными элементами как в плане содержания, так и в плане выражения составили основу структурно-семантического метода изучения языка. Этот метод в практике исследования тесно связан с лингвистическим экспериментом.

В тех случаях, когда объект исследования недоступен непосредственному наблюдению, возникает проблема моделирования как объекта изучения, так и языковых процессов. Поскольку язык сохраняет свою коммуникативную пригодность на относительно длительном временном отрезке (например, русский язык от Пушкина до наших дней, язык существующих поколений), постольку эта относительная статика обосновывает синхронный по преимуществу подход к изучению языка.

Наконец, то обстоятельство, что единицы языка обладают исчислимостью, закономерностями своей дистрибуции, частотностью своего использования, привело к возникновению таксономического (дистрибутивного) метода изучения языка.

Учитель русского языка должен быть знаком с существующими в языкознании научно-исследовательскими методами и приемами изучения языка, знать о достоинствах или недостатках того или иного метода, думать о их методической адаптации.

Опора на правильные лингво-методические методы и приемы имеет первостепенное значение.

Как известно, от степени усвоения и владения родным языком зависит степень умственного, духовного развития школьников, их способность усваивать все другие предметы школьного учебного плана.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абаев Василий Иванович (род. 1899) — 195, 209
Аванесов Рубен Иванович (род. 1902)— 134, 135, 209
Августин Аврелий (354—430) — 15
Аделунг Иоганн Кристоф (1732—1806) — 25
Александров Александр Иванович (1861—1917) — 97
Аполлоний Дискол (II в. до н. э.) — 16
Аристарх (215—143 до н. э.) — 16—17
Аристотель (384—322 до н. э.) — 13—15, 38
Арно Антон (1612—1694) — 26
Асколи Грациадио Исая (1829—1907) — 71, 97, 104, 107, 195
Балли Шарль (1865—1947) — 105, ПО, 115
Баранников Алексей Петрович (1890—1952) — 97, 199
Бартоли Маттео (1873—1946) — 108
Беккер Карл Фердинанд (1775—1849) — 27, 53, 69
Белинский Виссарион Григорьевич (1811—1848) — 33, 83
Белич Александр (1876—1960) — 95
Бенвенист Эмиль (1902—1977) — 105, 115
Бенфей Теодор (1809—1881) — 56
Бернекер Эрих (1874—1937) — 95
Бернштейн Сергей Игнатьевич (1892—1970) — 97, 199
Бертони Джулио (1878—1942) — 108
Берында Памва (XVII в.) — 34
Бетлинг Отто (1815—1904) — 56
Блок Бернард (1907—1965) — 156—158
Блумфилд Леонард (1887—1949)—118, 137, 154—158
Боас Франц (1858—1942) — 153, 163
Богорич Антон (XVII в.) — 34
Богородицкий Василий Алексеевич (1857—1941) - 80, 85, 97, 101—102, 192
Бодуэн де Куртенэ Иван Александрович (1845—1929)—48, 50, 54, 71, 80, 96—101, 104, 107, 118, 135, 198
Бодянский Осип Максимович (1808—1877) — 58, 84
Бонфанте Джулиано (род. 1904) — 108, 173
Бопп Франц (1791—1867) — 39—41, 43, 48, 59, 69, 85
Бредсдорф Якоб (1790—1841) — 46
Брёндаль Виго (1887—1942) — 145
Брок Олаф (1865—1961)—95
Бросс Шарль де (1709—1777) — 28
Бругман Карл (1849—1919) — 71—73, 79
Бубрих Дмитрий Владимирович (1890—1949) — 199, 206
Булаховский Леонид Арсеньевич (1886—1961) — 195, 207, 209
Булич Сергей Константинович (1859—1921) — 97
Буслаев Федор Иванович (1818—1897) — 27, 59, 85—88
Бэкон Френсис (1561—1626) — 24
Бюлер Карл (1879—1963) — 105, ПН
Вандриес. Жозеф (1875—1960) — 54, 105, 115
Варрон Марк Теренций (116—27 до н. э.) — 15, 18
Вахек Йозеф (род. 1909) — 117, 137
Вейнгарт Милош (1890—1939) — 117
Велеславин Адам (1546—1599) — 35
Венкер Георг (1852—1911) — 107
Вернер Карл (1846—1896) — 71, 7в
Вико Джамбатиста (1668—1744) — 28
Виноградов Виктор Владимирович (1895—1969) — 97, 195, 109, 207—208
Винокур Григорий Осипович (1895—1947) — 118, 192, 202, 207
Владимирцов Борис Яковлевич (1884—1931) — 97, 191
Вопалева (XIII в. и. э.) — 9

- Востоков Александр Христофорович (1781—1864) — 39, 43-45
- Вреде Фердинанд (1863—1934) — 107
- Вульфилла (IV в. н. э.) — 20
- Вундт Вильгельм (1832—1920) — 65
- Выготский Лев Семенович (1896—1934) — 183
- Гавранек Богуслав (1893—1978) — 117, 141
- Ганка Вацлав (1791—1861) — 69
- Гегель Георг (1770—1831) — 52, 60—61
- Георгиев Владимир (род. 1908) — 175
- Гераклит (540—480 до н. э.) — 11
- Гербарт Иоганн Фридрих (1776—1841) — 64
- Гервас Лоренцо (1735—1809) — 25
- Гердер Иоганн Готфрид (1744—1803) — 29, 163
- Герцен Александр Иванович (1812—1870) — 83
- Горалек Карел (род. 1907) — 117
- Граммон Морис (1866—1947) — 110
- Граур Александр (род. 1900) — 210
- Греч Николай Иванович (1787—1867) — 82
- Григорович Виктор Иванович (1815—1876) — 58, 85
- Гримм Якоб (1785—1863) — 39, 46—47, 61, 69, 84—86
- Гринберг Джозеф (1940—1971) — 169
- Грозный Беджих (1879—1952) — 175
- Гротенфенд Георг Фридрих (1775—1853) — 175
- Гумбольдт Вильгельм (1767—1835) — 29, 48—52, 60—01, 84, 85, 88, 163, 165
- Гус Ян (1373—1415) — 34
- Даль Владимир Иванович (1801—1872) — 84, 97
- Данте Алигьери (1265—1321) — 25, 69
- Дарвин Чарлз (1809—1882) — 60
- Девото Джакомо (род. 1897) — 108, 173
- Декарт Рене (1586—1650) — 23—24, 27
- Дельбрюк Вертольд (1842—1922) — 72, 79
- Демокрит (460—370 до н. э.) — 11—12
- Джонс Вильям (1746—1794) — 30, 40
- Джозунз Даниел (1881—1967) — 118, 137
- Дионисий Фракийский (170—90 до н. э.) — 16—17
- Диц Фридрих (1794—1876) — 57, 69
- Добровский Иосиф (1753—1829) — 35, 44—45, 69
- Добролюбов Николай Александрович (1836—1861) — 83—84
- Долежал Павел (1700—1778) — 35
- Долобок Милий Герасимович (1884—1935) — 199
- Донат Элий (IV в. н. э.) — 18, 21, 31
- Дорошевский Витольд (1899—1976) — 118
- Дурново Николай Николаевич (1876—1937) — 95, 118
- Ельмслев Луи (1899—1965) — 118, 138, 145—149, 151—152
- Есперсен Отто (1860—1943) — 104, 137
- Жильерон Жюль (1854—1926) — 98, 104—105, 107
- Жирмунский Виктор Максимович (1891—1971) — 207, 209
- Заменгоф Людвиг (1859—1917) — 27—28
- Зизаний Лаврентий (конец XVI — начало XVII вв.) — 32
- Зиндер Лев Рафаилович (род. 1904) — 134
- Иоанн, экзарх Болгарский (X в.) — 31
- Ильинский Григорий Андреевич (1876—1938) — 192
- Йордан Иоргу (род. 1888) — 111
- Кант Иммануил (1724—1804) — 49
- Караджич Вук Стефанович (1787—1864) — 58
- Карийский Николай Михайлович (1873—1935) — 207
- Карцевский Сергей Осипович (1884—1955) — 115, 117

- Квинтилиан Марк Фабш'1 (I в. н. э.) — 18
- Кирилл (Константин) (826—869)—31
- Кнапский Григорий (1564—1638) —34
- Коллар Ян (1793—1852) — 58
- Коллиц Герман (1855—1935) — 78
- Коменский Ян Амос (1592—1670) — 35
- Копитар Бартоломей (1780—1844) — 58, 69
- Копчинский Онуфрий (1735—1817) — 34
- Коржинек Иозеф Мирослав (1899—1945) — 117, 119
- Коэн Марсель (род. 1884) — 210
- Кратес из Маллоса (II в. до н. э.) — 18
- Крачковский Игнатий Юлианович (1883—1951) — 199
- Крижанич Юрий (1617—1674) — 32
- Кроче Бенедетто (1866—1952) — 51, 54, 105, 108
- Крушевский Николай Вячеславович (1851—1887)—97, 101—102, 135
- Кузнецов Петр Саввич (1899—1968) — 134, 195, 209
- Кун Адальберт (1812—1881) — 56
- Курилович Ежи (1895—1978) — 152, 169, 174, 176
- Курциус Георг (1820—1885) — 57, 92
- Лансло Клод (1616—1695) — 26
- Ларин Борис Александрович (1893—1964) — 97, 199, 206
- Лафарг Поль (1842—1911) — 68
- Леви-Брюль Люсьен (1857—1939) — 105, 195
- Лейбниц Готфрид Вильгельм (1646—1716) — 23—24, 27, 29
- Ленин Владимир Ильич (1870—1924) — 49, 179—182
- Лескин Август (1840—1916) — 72, 92, 97, 100
- Линде Самуил (1771—1847) — 58
- Локк Джон (1632—1704) — 24
- Ломоносов Михаил Васильевич (1711—1765) — 23, 29, 32—33, 38
- Лоя Ян Вилюмович (1896—1969) — 6, 193
- Лудольф Генрих Вильгельм (XVII и .) 32
- Ляпунов Борис Михайлович (ИЖ№ - 1943) — 92
- Маркс Карл (1818—1883) — 66—68, 179
- Март Николай Яковлевич (1864—1934) — 192—197
- Марта Антон (1847—1914) — 105
- Мартине Андре (род. 1908) — 118, 152, 169
- Матезиус Вилем (1882—1945) — 117, 119, 123, 140
- Махмуд Кашгарский (XI в.) — 22
- Мейе Антуан (1866—1936) — 40, 41, 43, 47, 54, 62, 105, 115, 173
- Мерингер Рудольф (1859—1931) — 104
- Мефодий (около 815—885) — 31
- Мещанинов Иван Иванович (1883—1967) — 193, 196-197
- Миккола Иосиф (1866—1946) — 92
- Миклошич Франц (1813—1891) — 58—59, 69
- Монбоддо Джемс (1714—1799) — 29
- Мукаржовский Ян (1891—1975) — 117
- Мюллер Макс (1823—1900) — 56
- Недожерский Лаврентий-Бенедикт (1555—1615) — 35
- Новак Людовит (род. 1908)—117, 125
- Оберпфальцер Франтишек (1890—1973) — 117
- Обнорский Сергей Петрович (1888—1962) — 192, 199
- Овсяннико-Куликовский Дмитрий Николаевич (1853—1920) — 92
- Остгоф Герман (1847—1909) — 72
- Паисий Хилендарский (1722—1798) — 34
- Паллас Петр Симон (1741—1811) - 25
- Панини (IV в. до н. э.) — 8—9, ЭД
- Паркош Яков (XV в.) — 34
- Паулини Эуген (род. 1912) — 12f
- Пауль Герман (1846—1921) •- 65, 72, 75
- Педерсен Хольгер (1Н07—105.4) — 95
- Петерсон Михаил Николаевич (1N85—1962) — 95, 192, 200

- Пешковский Александр Матвеевич (1878—1933) — 95, 118, 192, 199, 201
- Пизани Витторио (род. 1899) — 108, 173
- Платон (428—348 до н. э.) — 12—13
- Покровский Михаил Михайлович (1869—1942) — 95, 192
- Поливанов Евгений Дмитриевич (1891—1938) — 97, 118, 192, 202—204, 206
- Поливка Иржи (1858—1933) — 95
- Попов Александр Васильевич (1855—1880) — 92
- Поржезинский Виктор Карлович (1870—1929) — 95
- Потебня Александр Афанасьевич (1835—1891) — 53—54, 60, 65, 71, 87—92
- Потт Август Фридрих (1802—1887) — 55
- Прейс Павел Иванович (1810—1846) — 85
- Присциан (V в. н. э.) — 18, 21
- Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) — 33, 69, 82—83
- Радлов Василий Васильевич (1837—1918) — 97
- Раек Расмус (1787—1832) — 39, 42—43
- Рейхлин Иоганн (1453—1522) — 24
- Реформатский Александр Александрович (1900—1978) — 6, 134, 209
- Рижский Иван Степанович (1761—1811) — 82
- Рот Рудольф (1821—1895) — 56
- Руссо Жан-Жак (1712—1778) — 28
- Сассети Филиппо (XIV в.) — 29
- Сводеш Моррис (1909—1967) — 171
- Селищев Афанасий Матвеевич (1886—1942) — 192
- Сергиевский Максим Владимирович (1892—1946) — 192
- Серебrenников Борис Александрович (род. 1915) — 195, 209, 211
- Сеше Альбер (1870—1956) — 105, ПО, 115
- Сибавейхи (ум. 793) — 22
- Сидоров Владимир Николаевич (1903—1968) — 134
- Скалигер Юлий Цезарь (1484—1558) — 24
- Скалигер Иосиф Юстус (1540—1609) — 24, 29
- Скаличка Владимир (род. 1909) — 117, 119, 121, 139—140, 158
- Смирницкий Александр Иванович (1903—1954) — 208—209
- Смотрицкий Мелетий (1577—1633) — 32—33
- Соболевский Алексей Иванович (1856—1929) — 92
- Соммерфельт Альф (1868—1965) — 105, 115
- Соссюр Фердинанд де (1857—1913) — 39, 48, 50, 54—55, 71, 78—79, 98, 104, 110—115, 118, 176
- Срезневский Измаил Иванович (1812—1880) — 58, 83—85, 96, 98
- Стефанус Роберт (1503—1559) — 24
- Стефанус Генрих (1528—1598) — 24
- Стойенский (Статориус) Петр (ум. 1591) — 34
- Сэпир Эдуард (1884—1939) — 154, **163**—164, 169
- Толмач Дмитрий (XVI в.) — 31
- Томсен Вильгельм (1842—1927) — 5, 48, 57, 71
- Трейджер Джордж (род. 1908) — 156—157
- Трнка Богумил (род. 1901) — 117
- Тромбетти Альфред (1866—1929) — 108, 195
- Трост Павел (род. 1907) — 117
- Трубецкой Николай Сергеевич (1890—1938) — 108, 117, 119—120, **125**—**134**, 168
- Уитни Вильям Дуайт (1827—1894) — 56, 71
- Ульдалль Ганс Юрген (1907—**1957**) — 145
- Ульянов Григорий Константинович (1859—1912) — 95

- Уорф Бенджамен (1897—1941) — 163—165
- Ушаков Дмитрий Николаевич (1873—1942) ~ 95, 192, 201
- Фарахиди Халил (718—791) — 22
- Фатер Иоганн Северин (1771—1826) — 25
- Федоров Иван (1525—1583) — 31
- Филин Федот Петрович (род. 1908) — 196, 209
- Фирузабади (1329—1414) — 22
- Фихте Иоганн Готлиб (1762—1814) — 49
- Фортунатов Филипп Федорович (1848-1914)—48, 71, 92—95, 118
- Фосслер Карл (1872—1949) — 51» 54, 105, 109
- Фрейман Александр Арнольдович (1879—1968) — 199
- Харрис Зеллиг (род. 1902)— 156 — 158, 160
- Хоккет Чарлз (род. 1907) —156, 158
- Хомский Наум (род. 1928) — 160
- Храбр черноризец (X в.) — 31
- Хрисипп (280—206 до н. э.) — 14
- Чернышев Василий Ильич (1867—1949) — 199
- Чернышевский Николай Гаврилович (1828—1889) — 52, 83—84
- Чикобава Арнольд Степанович (род. 1898) — 195, 197
- Шамполион Жан Франсуа (1790—1832) — 175
- Шафарик Павел (1795—1861) — 58, 69
- Шахматов Алексей Александрович (1864—1920) — 85, 95, 97, 118, 199
- Шеллинг Фридрих (1775—1854) — 49
- Шишмарев Владимир Федорович (1875—1957) — 207
- Шлегель Фридрих (1772—1829) — 30, 40
- Шлейхер Август (1821—1868) — 54, 59—62, 77, 81, 89, 96—97
- Шмидт Иоганн (1843—1901) —77, ' 105, 108
- Шор Розалия Осиповна (1894—1939)— 5, 193, 206
- Шрадер Отто (1855—1919) — 56
- Штейнталь Гейман (1823—1899) — 54, 63—65, 88
- Штибер Здзислав (род. 1905) — 210
- Шухардт Гуго (1842—1927)— 71, 104, 106, 195
- Щепкин Вячеслав Николаевич (1863 — 1920) — 95
- Щерба Лев Владимирович (1880 — 1944) — 5, 97, 118, 134, 140, \\2, 198—201
- Энгельс Фридрих (1820—1895) — 66—69, 179, 186
- Юнгманн Иосиф (1773—1847) — 58
- Юшманов Николай Владимирович (1896—1946) — 199
- Якоб Людвиг Генрих (1759—1827)— 82
- Якобсон Роман Осипович (род. 1896) — 117, 120, 131, 138—139, 169
- Яковлев Николай Феофанович (1892—1974) — 206
- Якубинский Лев Петрович (1892—1945) — 97, 199, 206

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Языкознание в древней Индии	7
§ 1. Условия возникновения языкознания	—
§ 2. Грамматика Панини	8
§ 3. Морфология	—
§ 4. Фонетика	9
§ 5. Значение древнеиндийской традиции	10
<i>Дополнительная литература</i>	—
Глава 2. Языкознание в древней Греции и Риме	11
§ 6. Характер греческого языкознания	—
§ 7. Дискуссия о правильности имен	—
§ 8. Учение Аристотеля	13
§ 9. Учение стоиков	14
§ 10. Александрийские грамматисты	15
§ 11. Языкознание в древнем Риме	18
§ 12. Значение античного языкознания	—
<i>Дополнительная литература</i>	19
Глава 3. Языкознание средних веков и эпохи Возрождения	20
§ 13. Языкознание в средневековой Европе	—
§ 14. Развитие арабского языкознания	21
§ 15. Языкознание эпохи Возрождения	23
§ 16. Возникновение филологии как науки	24
§ 17. Изучение живых языков	—
§ 18. Создание логической, или универсальной, грамматики	25
§ 19. Попытки и проекты создания международных языков	27
§ 20. Зарождение исторической и сравнительной точки зрения на язык	28
§ 21. Развитие языкознания в славянских странах	31
<i>Дополнительная литература</i>	35
Глава 4. Возникновение сравнительно-исторического языкознания	37
§ 22. Проблема метода языкознания и вопросы периодизации истории сравнительно-исторического языкознания	—
§ 23. Франц Бопп	39
§ 24. Расмус Раек	42
§ 25. А. Х. Востоков	43
§ 26. Якоб Гримм	46
<i>Дополнительная литература</i>	47
Глава 5. Возникновение общего языкознания (языковая концепция В. Гумбольдта)	48
§ 27. Вильгельм Гумбольдт	—
§ 28. Основные положения концепции Гумбольдта	49
§ 29. Значение деятельности Гумбольдта	53
<i>Дополнительная литература</i>	54
Глава 6. Развитие сравнительно-исторического языкознания и натуралистическое направление (А. Шлейхер)	55
§ 30. Развитие и применение сравнительно-исторического метода при изучении языковых групп	—
§ 31. Натуралистическая концепция А. Шлейхера	59

§ 32. Психологизм в языкознании	63
§ 33. К. Маркс и Ф. Энгельс о проблемах языкознания	66
<i>Дополнительная литература.</i>	70
<i>Глава 7. Младограмматическое направление.</i>	71
§ 34. Возникновение школы младограмматиков	—
§ 35. Теоретические основы младограмматизма	72
§ 36. Достижения младограмматиков	76
§ 37. Недостатки учения и практики младограмматиков	80
<i>Дополнительная литература.</i>	81
<i>Глава 8. Русское языкознание XIX в.</i>	82
§ 38. Логико-грамматическое направление. Труды Ф. И. Буслаева.	85
§ 39. Психологическое направление. Взгляды А. А. Потебни	88
§ 40. Московская лингвистическая школа	92
§ 41. Казанская лингвистическая школа	96
<i>Дополнительная литература.</i>	103
<i>Глава 9. Критика младограмматизма. Поиски новых путей.</i>	104
§ 42. Социологическое направление	105
§ 43. Направление «слов и вещей». Лингвистическая география.	106
§ 44. Неолингвистика	108
§ 45. Эстетический идеализм	—*
<i>Дополнительная литература.</i>	109
<i>Глава 10. Лингвистическая концепция Ф. де Соссюра</i>	ПО
§ 46. Основные положения концепции Соссюра	—
<i>Дополнительная литература.</i>	110
<i>Глава 11. Пражская лингвистическая школа.</i>	117
§ 47. Возникновение Пражского лингвистического кружка	—
§ 48. Теоретические положения Пражской школы	119
§ 49. Исследовательская работа пражских лингвистов	121
§ 50. Изучение литературного языка	110
<i>Дополнительная литература.</i>	114
<i>Глава 12. Глоссематика (датский структурализм).</i>	115
§ 51. Сущность глоссематики	—
<i>Дополнительная литература.</i>	152
<i>Глава 13. Дескриптивная лингвистика в США</i>	153
§ 52. Принципы и методы дескриптивистов	—
<i>Дополнительная литература.</i>	152
<i>Глава 14. Другие направления современного языкознания.</i>	1(13
§ 53. Этнолингвистика	—
§ 54. Неогумбольдтианство	165
§ 55. Языковая типология и лингвистические универсалии	168
§ 56. Использование точных методов и прикладное языкознание.	170
§ 57. Современное сравнительно-историческое языкознание	174
<i>Дополнительная литература.</i>	177
<i>Глава 15. Развитие советского языкознания.</i>	17Н
§ 58. Диалектический и исторический материализм — методологическая база советского языкознания.	17Н)
§ 59. Советское языкознание 20—40-х годов. Взгляды Н. Я. Млрри.	192
§ 60. Грамматическая концепция И. И. Мещанинова	1111
§ 61. Лингвистическая деятельность Л. В. Щербн и труппы других советских лингвистов	11Н

§ 62. Языковое строительство в СССР и возникновение социолингвистики	204
§ 63. Общеязыковедческие проблемы в трудах советских лингвистов	207
§ 64. Советское языкознание на современном этапе	211
<i>Дополнительная литература.</i>	213
Заключение.	214
<i>Указатель имен</i>	217

Николай Андреевич Кондратов

ИСТОРИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Редактор *Г. В. Карпюк*

Переплет *Р. А. Витохиной*

Художественный редактор *Е. Н. Ускова*

Технический редактор *В. Ф. Коскина*

Корректор *И. В. Бурдина*

ИБ № 3674

Слано в набор 04. 10. 78. Подписано к печати 16. 02. 79. 60x90 Vie- Вум. типогр. № 2. Гарн. литер. Печать высокая. Усл. печ. л. 14,0. Уч.-изд. л. 14,95. Тираж 37 000 экз. Заказ № 818. Цена 80 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфин и книжной торговли. Москва, 3-й проезд Марьиной роши, 41.

Саратовский ордена Трудового Красного Знамени полиграфический комбинат Рославполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфин и книжной торговли. Саратов, ул. Чернышевского, 59.